

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • 2011 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

К 45-летию ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М.В. ЛОМОНОСОВА

Психология безопасности

Зинченко Ю. П. Психология безопасности как социально-системное явление	4
Донцов А. И., Зинченко Ю. П. Корпоративная безопасность в условиях глобализации	12
Лаптев Л. Г., Бельков О. А. Образование и национальная безопасность	17
Донцов А. И., Перелыгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий	24
Кандыбович С. Л., Секач М. Ф. Здоровье населения — залог стабильности и безопасности государства	32
Кремень М. А., Герасимчик А. П. Проблема экстремальности и безопасность личности	39
Бусыгина И. С. Корпоративность как основание безопасности организации	43
Беляев В. П., Валиев Н. Г., Халилу Х. Психология обеспечения корпоративной деятельности	53
Дроздова А. В. Воздействие рекламы на безопасность личности в современном информационном обществе: социально-психологический аспект	58
Матвеева Л. В., Лаврова Е. В. Исследование трансформаций представления об опасности под влиянием СМИ	66

Шойгу Ю. С., Пыжьянова Л. Г. Прогнозирование и управление социально-психологическими рисками во время чрезвычайной ситуации	76
Зотова О. Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп.	84
<i>Труды кафедры экстремальной психологии и психологической помощи</i>	
Магомед-Эминов М. Ш. Психика как работа	92
Квасова О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации (обзор исследований)	109
Савина О. О. Психологический анализ трансформации идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте.	118
Магомед-Эминова О. И., Хорошкова Ю. М. Специфика нарративной работы личности клиента в ситуации психологической помощи	129
<i>Психология спорта</i>	
Веракса А. Н., Леонов С. В., Горовая А. Е. Психологические особенности художественных гимнасток.	134
<i>Возрастная психология</i>	
Буровихина И. А. Субъективная картина жизненного пути современных подростков	148
<i>Методика</i>	
Расказова Е. И., Леонова А. Б., Плужников И. В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций.	161
<i>Указатель статей</i> , опубликованных в «Вестнике Московского университета. Серия 14. Психология» в 2011 г.	180

CONTENTS

TO THE 45TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT
OF PSYCHOLOGY AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY*Security psychology*

Zinchenko Yu. P. Security psychology as social systemic phenomenon . . .	4
Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P. Corporate security in the framework of globalization.	12
Laptev L. G., Belkov O. A. Education and national security	17
Dontsov A.I., Perelygina E. B. Security problems of communicative strategies	24
Kandybovich S. L., Sekach M. F. Public health as guarantee of state stability and security.	32
Kremen' M. A., Gerasimchik A. P. The problem of extremity and personality security	39
Busygina I.S. Corporationism as an organization's security foundations	43
Belyaev V. P., Valiev N. G., Helilou H. Psychology of corporate operations provision.	53
Drozhdova A. V. Advertising impact on an individual's safety in modern information society: Social and psychological aspects	58
Matweeva L. V., Lavrova E. V. The study of danger perception transformations under the influence of mass media	66
Shoigu Ju. S., Pyzhjanova L. G. Foreseeing and managing social and psychological risks during an emergency situation	76
Zotova O. Yu. Need for safety with different social and economic groups. . .	84

The works of extreme psychology and psychological help chair

Magomed-Eminov M. Sh. Psychic as a work	92
Kvasova O. G. Transformations of personal time perspective in extreme situation (review)	109
Savina O. O. Psychological analysis of the transformation of personal identity in adolescents	118
Magomed-Eminova O. I., Khoroshkova Yu. M. Specifics of narrative work of the person in the situation of psychological help	129

Sport psychology

Veraksa A. N., Leonov S. V., Gorovaya A. E. Psychological features of artistic gymnasts	134
---	-----

Developmental psychology

Burovikhina I. A. The subjective life picture of contemporary teenagers. . .	148
--	-----

Methods

Rasskazova E. I., Leonova A. B., Pluzhnikov I. V. Development of the Russian version of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire . . .	161
--	-----

<i>The Index of articles</i> published in "Moscow University Bulletin (Vestnik). Seria 14. Psychology" in the year 2011	180
---	-----

К 45-ЛЕТИЮ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В рубрике представлены доклады и расширенные варианты докладов на II Международном симпозиуме «Безопасность в современном мире: социально-психологические аспекты» (Екатеринбург, 13–14 апреля 2011 г.), организованном факультетом психологии МГУ им. М.В. Ломоносова и факультетом социальной психологии НОУ ВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург) при поддержке Российского психологического общества (Москва). В рубрику также включены статьи сотрудников факультета психологии МГУ и других организаций, посвященные исследованию отдельных аспектов проблемы безопасности.

Ю. П. Зинченко

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Психология безопасности рассматривается через социально-системный поиск соприкосновений и взаимодополнений существующих достижений психологической науки и концептуальных представлений о безопасности. Показаны возможности системного видения безопасности, познавательного-практического характера психологии безопасности, раскрыты возможности исследования психологии безопасности как социально-теоретического конструкта. Обосновывается многоаспектный подход к безопасности. Обсуждаются методологические задачи психологии безопасности.

Ключевые слова: безопасность, системный подход, социально-теоретический конструкт, концепция безопасности, социально-психологические основания безопасности.

Security psychology considers via social systemic search for contiguity and mutual complement of existing advances of psychology and conceptual security understanding. The ability of systemic vision of security and its cognitive and practical character are demonstrated. The possibility to investigate safety psychology as social

Зинченко Юрий Петрович — член-корр. РАО, президент РПО, докт. психол. наук, профессор, декан ф-та психологии МГУ. *E-mail:* zinchenko@psy.msu.ru

theoretical construct is suggested. Multi-aspect approach to security is substantiated. Methodological challenges of psychological security are discussed.

Key words: security, systems approach, social theoretical construct, security concept, social and psychological fundamentals of security.

Анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что проблема психологии безопасности как самостоятельное направление научного анализа и приоритетная научно-практическая задача достаточно целостно до настоящего времени не рассматривалась.

Безопасность — сложный социальный феномен, многоплановый и многогранный в своих структурных составляющих и проявлениях, отражающий противоречивые интересы в отношениях различных социальных субъектов. Анализ оппозиции «опасность—безопасность» приводит к выводу о востребованности более широкого синтеза гуманитарного знания, в контексте которого данная категория может рассматриваться как базовая.

В качестве субъектов и одновременно объектов психологии безопасности могут выступать отдельный человек, группа, общество, причем некоторые из них — сразу в нескольких ипостасях. Человек — как отдельная личность и как член той или иной социальной группы и общества в целом; социум как субъект психологии безопасности реализует в структурно-функциональных форматах безопасность индивида, группы, задачи коллективной безопасности.

«Театр безопасности — это театр ролевых импровизаций. В нем всего три актера: человек, общество и государство. Правда, человек выступает в нем в двух ипостасях: индивидуальной — как отдельная личность и коллективной — как та или иная социальная группа (возрастная, поселенческая, этническая, профессиональная и т.д.), входящая в состав одного общества или разделенная между двумя и более обществами. Равным образом актер-государство в некоторых сценических эпизодах “умножается” в сообщество государств. И каждый актер может озвучивать свой текст двояким образом — как написанный в страдательном или в действительном залоге, исполнять две роли — субъекта и объекта безопасности. Ему даны обе возможности; по отношению к собственной безопасности он всегда и скульптор, и глина, и Пигмалион, и Галатея. Кем он оказывается в действительности в каждый данный момент, какая возможность взыскивается, а какая пропадает втуне, зависит не только от него самого, но и от других актеров»¹.

Сегодня существует принципиальная возможность рассмотреть актуальную проблему психологии безопасности через социально-системный поиск соприкосновений и взаимодополнений существующих

¹ Фененко Ю.В. Безопасность личности как научная проблема. URL: <http://viperson.ru/>

достижений психологической науки и концептуальных представлений о безопасности, предлагаемых специалистами по информационной, военной, международной, межэтнической, корпоративной безопасности.

Изучение безопасности как системы тесным образом связано с представлением о неразрывной связи безопасности личности с безопасностью общества. Системное видение безопасности открывает возможности познания закономерностей развития и функционирования человека как «элемента», живущего жизнью всей системы.

С помощью системного подхода описываются механизмы функционирования психических явлений, а также механизмы, определяющие динамику и направленность психического развития. Среди этих механизмов важнейшее место занимают две системы — система саморегуляции, самоорганизации деятельности и система структурирования субъектного опыта. Они определяют активную, целенаправленную и конструктивную позицию человека в повседневной жизнедеятельности, а также перспективу и основания психологической безопасности личности.

Достаточно абстрактное понятие безопасности, вступая в новые связи и отношения, наполняется содержанием, восходит от абстракции, заданной единичной дефиницией, к конкретности благодаря системным признакам, существенным для данной содержательной области. Это проявляется в конкретных действиях личности по отношению к группе и социуму в различных сферах и направлениях.

Поле теоретических исследований и практических разработок психологии безопасности сформировалось на стыке самых разных психологических и непсихологических научных дисциплин: общей и социальной психологии, психологии и психофизиологии труда, педагогической психологии, психологии развития, психотерапии, экстремальной психологии, а также общей теории безопасности, социологии, психиатрии, медицины и др. Только междисциплинарный подход может обеспечить осмысление данной проблемы.

Новый методологический подход требует нового понимания задачи, которую можно обозначить следующим образом: построение целостной теории психологии безопасности на основе всестороннего анализа состояния безопасности в его социальной представленности, функциональной действенности, мотивационно-потребностной ориентированности, нормативно-ценностной рефлексивности.

Понятно, что через социальные представления человек познает окружающий мир, интерпретирует социальную реальность. Восприятие себя в состоянии безопасности или опасности обуславливает построение определенной картины мира, в которой человек живет и действует. От особенностей конструирования субъективного мира, от восприятия мира через призму опасности/безопасности зависит выстраивание смысловых ориентаций, приведение информации о мире в определенную систему, что отражается на самосознании общества и доминирующих в нем ценностях.

Одна из психологических потребностей человека в современном мире — потребность в безопасности. Она появляется в раннем детстве и сопровождает человека на протяжении всей жизни. Обеспечение безопасности представляет собой такой социальный опыт, который является одним из самых важных для человека. Именно потребность в безопасности требует от человека постоянного переосмысления происходящих социальных событий и поиска адекватных способов преодоления постоянно возникающих угроз как физическому, так и духовному существованию.

Состояние безопасности оказывает влияние и на иерархию ценностей. В переходном российском обществе очевидна радикальная смена ценностей при крайней поляризации отношений к «старым» и «новым» ценностям. Массовое сознание оказывается не готовым к многомерному видению мира, происходит его «сужение», возникает «слепота» по отношению ко многим общечеловеческим ценностям при массовой деформации духовных.

Психология безопасности — единый предмет научного познания психологии, объединяющий в единую предметную область достижения методологии и методов различных сфер психологической науки. Безопасность как психологическая проблема имеет сложную структуру, интегрируя в себе различные сферы деятельности и области социальных отношений, при этом в данной структуре не должно быть разрывов, т.е. все аспекты многофункциональной проблемы обеспечения безопасности должны быть взаимно согласованы и взаимоувязаны.

Многообразие представлений о психологии безопасности как науке и практике объясняет и трудность описания ее предмета. Это описание может быть выполнено только при интеграции различных подходов и теоретическом осмыслении проблемы психологической безопасности на разных уровнях: на уровне индивидуального существования человека; на уровне существования больших и малых групп; на уровне существования и функционирования общества.

Следует отметить смысловой формат гипотез о социальной сущности и структурно-функциональных составляющих психологии безопасности в их эффективности применительно к социальной реальности. Достижение безопасности исходит из смыслообразующих возможностей субъекта, преодолевающего кризисные или экстремальные ситуации. Именно личностные образования как «ядро личности» можно рассматривать как базовый фактор формирования безопасности.

Также важно отметить, что человек каждый раз пытается расширить доступные ему пределы безопасности, обогатить само ее содержание. Как негативные, так и позитивные цели локализуются в определенных отраслях жизнедеятельности субъекта и тем самым выводят на определенные аспекты или виды безопасности. Сказывается и выбор ракурса или критерия классификации: под его влиянием аспекты/виды

безопасности могут объединяться, дробиться, менять конфигурацию, наплывать друг на друга.

Особого внимания заслуживает познавательный-практический характер постановки проблемы психологии безопасности. Анализ проблем обеспечения безопасности людей в психологической плоскости формулирует новые задачи: стремление к сохранению психического и физического здоровья, повышение психологической устойчивости, адекватность отражения и отношения к миру, защищенность психики и сознания от изменения против воли человека.

Очевидная невозможность оградить человека от всех опасностей, угроз и кризисных состояний, порожденных прогрессом, приводит к необходимости переосмысления понимания сущности безопасности. Возникла реальная необходимость в научной трактовке феномена безопасности как части психологической науки.

Важно учитывать принципиальную неполноту научно-практического материала как предмета исследования в силу постоянной актуализации объекта на индивидуальном, групповом и социально-институциональном уровнях. «Полная безопасность со времени первородного греха в принципе недостижима и с тех пор надо выбирать между добром и злом, несмотря на сложность, каждый раз верно идентифицировать их»².

Последней формы проявления безопасности не будет никогда, нельзя поставить черту и сказать, что безопасность наступила. То, что вчера для человека представляло опасность, сегодня может стать вполне привычной ситуацией. Необходимо учитывать фактор социальной усталости общества и его привыкания (адаптации) к опасности. По прошествии определенного времени опасность может восприниматься уже не как реальная, а как гипотетическая. Так, по данным директора «Левада-центра» Л. Гудкова, россияне практически свыклись с терактами. Почти половина опрошенных (48%) в той или иной степени уверены в уверенности, что атаки террористов стали «привычным обстоятельством нашей жизни». Это означает, что теракт для россиян «стал рутинным, вполне ожидаемым событием и больше не воспринимается как экстраординарное происшествие»³.

Ситуация нестабильности оказывается обширным пространством для самых разных психологических процессов, в связи с чем границы социальных категорий размыты, особенно когда речь идет о такой широкой категории, как безопасность. Радикальные трансформации общества стали частью жизни, в результате чего представление о границах и формах безопасной жизни постоянно меняется, меняются оценки их значимости порою на обратные по отношению к тем, которые существовали на начальных этапах изменений.

² Бехман Г. Современное общество как общество риска // *Вопр. философии*. 2007. № 1. С. 27.

³ Хамраев В. Терракты отчуждают Северный Кавказ. Массовое сознание не освобождается от ксенофобии // *«Коммерсантъ»*. № 19 (4560) от 04.02.2011. С. 4.

Возможность исследования психологии безопасности как социально-теоретического конструкта позволяет создать новую концепцию безопасности, главная идея которой заключается в том, что прогресс влияет на жизнь людей, гарантирует основные свободы личности, обеспечивает ее безопасность и благополучие, а также достойный уровень развития общества в целом. Поощрение, уважение и защита прав человека тесно связаны с обеспечением безопасности личности. Разрешение гуманитарных проблем наряду с другими важными вопросами, стоящими на повестке дня перед мировым сообществом, требует совместного подхода, поскольку это является наиболее оптимальным способом обеспечения безопасности в XXI в., в условиях всеобщей уязвимости и взаимозависимости. Следует учитывать то, что понятие «безопасность» не только расширилось, но и приобрело более гуманистически востребованный, нацеленный на человека характер.

Психологию безопасности следует рассматривать как всеобщее понятие социального познания, сущностное понятие смысложизненной ориентации, ценностное понятие индивидуального сознания, интерактивное понятие процесса саморегуляции и самообеспечения.

Истинному познанию окружающего мира всегда предшествует самоинтерпретация, т.е. интерпретация индивидом своего собственного переживания в терминах собственного контекста значений. Истинное понимание может осуществиться только при условии действия постулата о другом «Я», обладающем сознанием, структурно аналогичным собственному сознанию индивида. Интерпретация определяет формат осознания человеком своей безопасности, что во многом зависит от его понимания и смыслового наполнения состояния безопасности.

Таким образом, состояние безопасности формируют модели поведения человека, которые зависят от способности к саморегуляции и самообеспечению. Саморегуляция как механизм обеспечения безопасности раскрывает личностные способы управления ситуацией соотносительно с объективными и субъективными условиями деятельности. Механизм принятия решений выступает как механизм управления, активации, как кульминационный.

Одна из закономерностей психологического самообеспечения безопасности состоит в том, что биосоциальная организация человека одновременно и способствует, и препятствует этому самообеспечению. В результате субъект обладает некоторым запасом прочности, а следовательно, потенциала безопасности. Своевременно обнаруживать, идентифицировать опасности и адекватно реагировать на них позволяют познавательные, эмоциональные, волевые, мотивационно-потребностные характеристики субъекта. Именно они позволяют своевременно обнаруживать сигналы опасности, его скоростные возможности по реагированию на такие сигналы, эмоциональные реакции на опасность и т.п. Вместе с тем имеются и «слабые» стороны названных психических сфер,

снижающие способность субъекта к самообеспечению психологической безопасности: в эмоциональной сфере — деструктивное влияние широкого спектра астенических эмоций, аффекта; в волевой сфере — трудности волевого решения; в мотивационной сфере — борьба мотивов; в познавательной сфере — особенности восприятия, ограничения памяти, особенности мыслительных процессов; в коммуникативной сфере — трудности достижения взаимопонимания, нарушения адекватности интерпретации и т.д. Все это может существенно поколебать стабильность психологического состояния субъекта, актуализуя непосредственную угрозу его безопасности.

Социальная сущность психологии безопасности представляет собой детерминацию состояния безопасности в ее целостной предметно-практической и рефлексивной представленности. От соотношенности реального мира и субъективного мира человека зависит успешность освоения и адекватного выбора способа адаптации.

В обыденном сознании представления о безопасности расплывчаты, поскольку сама безопасность редко оказывается в нем предметом специальной углубленной рефлексии. Люди скорее чувствуют, чем четко осознают, что для них означает безопасность, воспринимают и оценивают ее в совокупности всех ее граней, не отделяя одну от другой, и часто воплощают свои чувствования и оценки не в понятии «безопасность» как таковом, а в каком-то образе, хотя и емком, но не полностью отражающем искомое состояние безопасности.

Многоаспектный подход дает возможность рассматривать безопасность как состояние, обеспечивающее базовую защищенность личности, как социальный и нормативный идеал. Личность в состоянии безопасности способна строить свою жизнь в контексте единства с окружающей действительностью, использовать свой потенциал с помощью сформированной системы смысловой регуляции, а также поддерживать свое здоровье за счет преобразования опасностей.

В условиях изменяющегося мира от человека требуется особое умение осуществлять эффективную и постоянную ориентировку в пространстве социальной реальности. Любая жизнедеятельность субъекта происходит в контексте той или иной ситуации. Человек непрерывно вынужден принимать решения в связи с новыми, все время меняющимися условиями в рамках актуальной для него ситуации для обеспечения безопасности.

Одна из перспективных задач психологии безопасности личности — обобщение и синтез обозначенных выше подходов с целью определения интегративного ресурса психологических возможностей человека, обеспечивающих его безопасность. Не менее важны задачи поиска и разработки диагностического инструментария, измеряющего данный ресурс; выявление возрастных, гендерных, профессиональных особенностей, влияющих на психологические аспекты безопасности человека.

Таким образом, основные методологические принципы психологии безопасности — это:

— точность путей и механизмов социального познания для изучения объективной реальности и угроз безопасности личности и общества;

— аналитичность, которая проявляется в научной трактовке самого понятия «безопасность» как составной части психологического «тезауруса»;

— всесторонность, подразумевающая необходимость полного охвата вопросов, рассматривающих безопасность, понимание безопасности как социально-системного явления, учитывающее его многомерность и иерархичность.

Безопасность имеет социально-психологические основания, поскольку она функционирует и проявляется в системе социальных отношений личности, в области межличностного взаимодействия и общения с другими людьми. Социальная среда с помощью процессов социально-психологической адаптации, социализации и идентификации влияет на восприятие личностью собственной психологической защищенности.

Концепция психологической безопасности признает множественность предметных зон: безопасность личности, безопасность группы, безопасность социума. Эти зоны включают в себя такие аспекты, как безопасность мотивационно-потребностной сферы, ценностей как регуляторов поведения человека, коммуникативной сферы, аффективно-мотивационной сферы личности и т.д., которые не выстраиваются в жесткую иерархию главнейших, главных и неглавных, а располагаются в единой цепи. Эта цепь подвижна, из нее под влиянием ситуационных изменений на первый план выдвигается то один, то другой аспект безопасности, в котором более других заинтересована та или иная предметная зона безопасности. Интерес предметных зон (или уровней) сообщает повышенную актуальность этому аспекту, но только в данном месте и в данное время. Когда же возникает ситуация конкурирующих безопасностей, необходимо искать наиболее уязвимый аспект и самый уязвимый объект безопасности. Именно на них должны соединиться усилия предметных зон, направленные на обеспечение безопасности. И объекты, над которыми нависает наибольшая угроза потери безопасности, должны занять положение самых деятельных, самых активных субъектов отражения угрозы.

В заключение следует отметить, что исследование безопасности как социально-системного явления становится особенно актуальным в эпоху глобализации, когда на первый план закономерно выступают не частные проблемы обеспечения отдельных видов безопасности, а совокупность взаимосвязанных факторов, в целом создающих благоприятные условия для безопасного развития современного мира.

А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко

КОРПОРАТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы безопасности в условиях глобализации современного мира. Показано, что глобализация является мультипликатором рисков для всех сфер жизнедеятельности человека. Анализируются перспективы корпоративной безопасности с позиции макропсихологии.

Ключевые слова: глобализация, корпоративная безопасность, психология корпоративной безопасности.

The paper focuses on security problems under modern world globalization. The research makes apparent that globalization acts as a risks multiplier in every scope of individual's activity. Corporate security prospects are analyzed in the view of macro-psychology.

Key words: corporate safety, globalization, psychology of corporate safety.

В современных условиях при невиданном по масштабу, глубине и интенсивности росте мер, средств и потенциала угроз различного характера развитие психологии безопасности становится исследовательской задачей для понимания влияния этих угроз на индивида, их значимости для изменения мотивационно-ценностных установок социальных групп, путей преодоления личностной деструкции, изменения социальных взаимосвязей. Глобализация информационных войн, экономических противоречий и политических конфликтов, интернет-пространства изменяет содержание целей развития психологической науки.

Значимость глобализационных процессов предопределяется их объективным влиянием на все сферы жизнедеятельности человечества. Однако в науке до сих пор нет однозначной оценки, понимания и определения глобализации.

Говоря об изменении характера и значимости психологии безопасности в условиях глобализации, необходимо корректно интерпретировать этот феномен. В онтологическом аспекте глобализация представляет собой объективную реальность, процесс, в ходе развития которого качественно изменяются производительные силы и производственные отношения. В гносеологическом аспекте процессы, протекающие в

Донцов Александр Иванович — академик РАО, почетный президент РПО, профессор кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* A.Dontsov@gmail.com

Зинченко Юрий Петрович — член-корр. РАО, президент РПО, докт. психол. наук, профессор, декан ф-та психологии МГУ. *E-mail:* zinchenko@psy.msu.ru

рамках глобализации и рассматриваемые как атрибутивные, порождают категории и институты, имеющие всеобщий характер, выводят из обращения или делают менее значимыми ряд базовых макроэкономических категорий.

Основной тезис неустойчивости современного мира — это противоречия интересов и ценностей, действующих многообразных акторов геополитики, которые не способствуют стабилизации мира, а скорее наоборот, являются фактором возникновения все большего числа и качества рисков. Так, например, по мнению многих ученых, глобализация служит мультипликатором рисков, порождаемых трансформационными процессами внутри страны. Эти процессы связаны: 1) с резким возрастанием рискогенной среды обитания; 2) с изменением логики формирования социального пространства (от территориального принципа к сетевому), что создает угрозы для расчленения пространства России на два мира: множество локальных сообществ и «бескорневые» глобальные сетевые системы; 3) социальный порядок все более подчиняется мощной и не имеющей обратной связи вертикали власти международных финансовых политических институтов («организованная безответственность»), а сетевой и поточный характер глобальных рисков (терроризм, криминал и др.) делает неэффективной территориальную организацию общественной безопасности; 4) под воздействием «сырьевой ориентации» изменяется вся социальная структура общества, а индивидуальное и групповое поведение приобретает защитный характер; 5) в ценностно-нормативном плане социальное пространство России отличается множественностью конкурирующих мировоззренческих парадигм, где существует опасность утраты социальной идентичности России и где многонациональная культура будет носить не интегрирующий, а этнографический характер.

Безопасность целостности системы порождена определенным взаимодействием и поведением ее элементов, которое не только организовано «целесообразно» (т.е. ориентировано на решение конструктивных задач и на преодоление конкретной ситуации), но и располагает определенной ценностной системой, где во главу угла поставлена общая идея (цель) и др. В этом заключается один из ключевых компонентов идеологии безопасного развития общества и решения глобальных проблем человеческой цивилизации.

Происходят различные изменения, трансформации. Они реализуются в действиях, поступках, решениях людей — от политических лидеров до немощного старика, заботящегося о тишине в его доме, о вкусных и безопасных продуктах, об отсутствии конфликтов в семьях детей и внуков и т.д. Субъектами рассматриваемых изменений выступают и организации, предприятия, государства, международные союзы и т.д. Грань опасности и безопасности очень тонкая. Во многом выбор актора зависит от его морального выбора, от социокультурных оснований, от убеждений и установок.

Вся мировая социально-политическая, экономическая, культурная система в процессе глобализации имеет тенденцию к усложнению, становится нелинейной, многомерной и многофакторной, а значит (в силу вышесказанного), у нее появляются новые системные свойства, с которыми связаны как новые ресурсы глобального развития, так и новые угрозы глобальной безопасности.

Глобализация меняет экономическую, социальную, культурную и информационную среду обитания человека. Она ведет, с одной стороны, к возрастанию взаимозависимости между странами в реализации их национальных интересов практически во всех измерениях, а с другой, в силу своего многослойного и многоформатного характера, — к неравномерному развитию мирового сообщества, что обуславливает необходимость обращения к вопросам пересмотра аспектов личной, организационной, корпоративной, международной безопасности.

Известный американский политолог, специалист в области теории безопасности М. Интрилигатор утверждает, что в результате глобальных нестабильностей и взаимозависимостей традиционные методы обеспечения безопасности становятся все менее подходящими, поэтому мировое сообщество должно выработать новые механизмы безопасности.

В современной ситуации необходимо трактовать безопасность исходя из глобальной, а не организационной, национальной или даже международной перспективы. Таким образом, традиционные концепции безопасности необходимо заменить новейшей концепцией глобальной безопасности, определяемой как отсутствие или избежание угроз жизненным интересам планеты. По сути, содержание и сущность безопасности в процессе глобализации расширяются далеко за пределы корпоративного измерения. Глобальная безопасность должна охватывать взаимосвязанные военные, политические, экономические, экологические и др. угрозы жизненным интересам планеты, т. е. возрастает роль невоенных компонентов. Даже в рамках традиционного более узкого определения безопасности, включающего предотвращение военных угроз жизненным интересам суверенного государства или группы объединенных государств, существуют более широкие проблемы глобальной безопасности.

Психология корпоративной безопасности — область исследований возникновения, функционирования и развития механизмов защищенности психической активности субъекта корпоративного взаимодействия в его целостном состоянии продуктивной деятельности. Фактически существует одна общая психологическая проблема — изучение закономерностей деятельности человека в условиях опасности и поиск путей обеспечения ее безопасности, в центре которой стоит человек — субъект деятельности, а не ее орудия. При таком подходе к организации исследований открываются возможности для выявления общих психологических закономерностей, присущих различным видам деятель-

ности, связанным с опасностью. И именно эти общие теоретические положения должны лечь в основу частных исследований, проводимых с учетом специфики отдельных видов деятельности, объединив их в единое научное русло. Тогда-то на общей научной базе станут возможными и более продуктивными исследования безопасности в отдельных видах деятельности, способствующие развитию и обогащению всего этого научного направления.

Можно констатировать, что в современных условиях происходит трансформация психологии безопасности. Россия, вступив в период социальных трансформаций, неизбежно пришла к необходимости изменения отношения к проблеме безопасности, причем сложившиеся современные условия нельзя назвать определенными и аналогов им практически не существует. На протяжении многих десятилетий психология ограничивалась изучением отдельных психических процессов, личности, малой и большой группы, игнорируя более глобальные уровни социального. Данная проблема коснулась и психологии безопасности. Изучение психологии безопасности личности и индивидуальной жизнедеятельности достаточно долгое время было центром внимания практических психологов, игнорируя макросоциальное поле. Сегодня социальный заказ общества включает в себя решение важнейших проблем: терроризм, криминализация, разрушение морали и нравственности, имущественное расслоение, социальная несправедливость, этнические конфликты и т.п. — все это является объектом психологии безопасности как компонента глобализационных изменений. Таким образом, сегодня происходит и должен происходить перенос акцентов от микропсихологии к макропсихологии безопасности.

Весь предыдущий анализ показывает, что в течение последних ста лет происходит непрерывная трансформация, изменение угроз корпоративной безопасности и социальной защищенности субъекта в целом. При этом до сих пор не обнаружен универсальный инструмент обеспечения эффективной корпоративной безопасности — современный мир нестабилен, текуч и изменчив. Главным в нем стало осознание системной природы этого явления и, следовательно, необходимости системного подхода к его изучению. При таком подходе выявляется, что содержание и степень корпоративной безопасности общества и человека находятся в прямой зависимости от функционирования всех структур общества, прежде всего экономической, политической, социальной и правовой. Потребность в безопасности как базовая в иерархии А. Маслоу так и не удовлетворена, а возникающая социальная депривация ведет к трансформации индивидуального, группового и массового сознания, изменению морально-политического и социально-психологического климата в обществе. Попытка обнаружения решения этой глобальной проблемы может оказаться продуктивной, раскрывающей новые пути и возможности, притом в междисциплинарном научно-практическом масштабе.

Психология корпоративной безопасности — новое направление психологической науки и практики. Системный характер социального феномена корпоративной безопасности подразумевает опору на достижения разных психологических и непсихологических научных дисциплин: общей и социальной психологии, психологии и психофизиологии труда, управленческой психологии, педагогической психологии, психологии развития, психотерапии, психологии профессиональной деятельности, экстремальной психологии, экологической психологии, политической психологии, а также общей теории безопасности, национальной безопасности, психиатрии, социальной психологии безопасности и др. Такой многогранный подход дает возможность увидеть корпоративную безопасность в единстве ее социальных взаимосвязей, социальных параметров и оснований.

Множественность интерпретаций безопасности, ее классификаций и видов красноречиво свидетельствует о сложности изучаемого феномена и о его многомерности, в связи с чем актуальность обсуждения проблем безопасности бесспорна.

Л. Г. Лаптев, О. А. Бельков

ОБРАЗОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В работе предпринята попытка выявить основные направления двусторонней взаимосвязи между состоянием образовательной сферы и уровнем национальной безопасности. Авторы выдвигают и обосновывают мысль о том, что система образования выступает как ресурс, объект и средство государственной политики национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, система образования.

The given article attempts to outline generally the bilateral relations between the state of educational sphere and national security's level in order to raise this scientific problem. The authors put forward and give robust ground to the idea that assumes that educational system acts as a resource, an object and a tool of the state policy on national security.

Key words: national security, educational system.

Сегодня образование наряду с наукой и информатизацией общества следует признать важнейшим стратегическим ресурсом развития государства, поскольку образованные люди — главное условие успеха всех экономических, политических и социальных преобразований в России. Осознание важности этих тенденций нашло свое яркое воплощение в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утверждена Указом Президента РФ Д.А. Медведева № 537 от 12.05.2009). Этот документ выдвигает науку, образование и инновационные технологии в ряд основных приоритетов устойчивого развития страны, относит повышение уровня и доступность конкурентоспособного общего и профессионального образования населения к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности и возводит в ранг государственной нормы положение общей теории безопасности, которое С.В. Демченко формулирует так: «Система национальной безопасности современного государства органично зависит от эффективности проводимой инновационной и образовательной политики» (Демченко, 2008, с. 169).

Лаптев Леонид Григорьевич — докт. психол. наук, профессор, лауреат Государственной Премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Премии Президента РФ в области образования, Премии Правительства РФ в области образования, первый проректор РГСУ, действ. член АПСН, РАСН, МААН, АСО (Москва). *E-mail:* 4063118t@mail.ru

Бельков Олег Алексеевич — докт. филос. наук, профессор, действ. член Академии военных наук (Москва). *E-mail:* belkovoleg@umail.ru

Указанная зависимость носит двусторонний и многогранный характер. Ее анализ подтверждает сформулированное О.А. Бельковым (2009, с. 16) положение о том, что любая сфера жизни социума сопрягается с национальной безопасностью по нескольким направлениям: она выступает как свойство объекта безопасности, как ресурс и средство обеспечения безопасности, как основа и условие обеспечения различных видов безопасности и как источник опасности.

Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования, согласно новой стратегии национальной безопасности РФ, являются: развитие государственных научных и научно-технологических организаций, способных обеспечить конкурентные преимущества национальной экономики и потребности национальной обороны за счет эффективной координации научных исследований и развития национальной инновационной системы; повышение социальной мобильности, уровня общего и профессионального образования населения, профессиональных качеств кадров высшей квалификации за счет доступности конкурентоспособного образования.

Обращаясь к проблеме образования в контексте вопросов национальной безопасности, начнем с очевидного. Провозглашенная в законе «Об образовании» приоритетность области образования, образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, право на образование как одно из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан РФ могут быть реальными, содержательными, действенными только в условиях безопасности. Нарушение безопасности (будь то в силу природных катаклизмов, экономической стагнации, социальных потрясений или внешнего давления) затрудняет, а в предельном случае делает невозможной их реализацию.

Разумеется, система образования существует и продолжает функционировать и в критической ситуации. Однако под давлением обстоятельств она сталкивается со многими проблемами, оказывающими на нее деструктивное воздействие. Так, в условиях поразившего мир и страну экономического кризиса стремительно упал спрос на людей с дипломами. Согласно прогнозам, до 50% выпускников вузов в 2009 г. не найдут себе применения на рынке труда (О «перепелиных яйцах»..., 2009).

Обратная взаимосвязь между образованием и национальной безопасностью обусловлена тем, что безопасность России обеспечивается людьми. Она в решающей степени определяется человеческим фактором. Но ведь именно школа (средняя и высшая) выступает средой становления личности, ее мировоззрения и, следовательно, формирует интеллектуальный, нравственный, трудовой потенциал общества, его способность обеспечить собственное развитие и безопасность. Следует согласиться с С.В. Камашевым (эл. ресурс), который утверждает, что

безопасность государства в стратегическом плане определяется состоянием системы образования. Система образования — среда и сфера, важнейший механизм всемерного развития, мобилизации и актуализации интеллектуального потенциала и, следовательно, инновационного развития. В индустриально развитых странах мира за ее счет получают до 40% прироста валового национального продукта (Болотин, Митин, 1997). И обеспечение национальной безопасности России прямо зависит от того, с какой подготовкой войдет молодежь страны в XXI век, каковы будут ее нравственные и политические идеалы, социальные ценности, уровень общей культуры и профессиональной подготовки.

Образование служит обеспечению безопасности на всех уровнях: личности, общества, государства. Оно играет существенную роль в укреплении всех ее видов. Так, без квалифицированных кадров невозможны экономическая и военная безопасность государства; технологическая безопасность немыслима без научных разработок. В современных условиях единственно возможным путем возрастания могущества России является сохранение, развитие и мобилизация интеллектуального потенциала страны. Ее будущее связывается с переходом на инновационный путь развития, в реализации которого трудно переоценить роль образования.

Система образования в интересах безопасности решает три круга задач. Во-первых, она вооружает каждого человека знаниями, умениями и навыками, которые необходимы для обеспечения личной безопасности, формирует культуру безопасности (курсы «Основы безопасности жизнедеятельности» в школе, «Безопасность жизнедеятельности» в вузе, например). Не менее важно, что в процессе обучения человек научается и приучается при исполнении своих функциональных обязанностей действовать ответственно и грамотно с учетом интересов общественной безопасности. Это достигается в результате правового, экологического, политического и т.д. просвещения и воспитания. И если в «Доктрине информационной безопасности РФ» констатируется «неспособность современного гражданского общества России обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны», то значительная часть вины за это ложится и на систему образования.

Во-вторых, в системе образования готовятся специалисты, профессионально занятые обеспечением конкретных видов и направлений безопасности. Понятно же, что выявление и отслеживание тех или иных видов опасностей, разработка и осуществление мер по их предупреждению, нейтрализации, устранению требует разных инструментов и средств, разных знаний и опыта, разных структур и лиц. Скажем, оценивать и воздействовать на сейсмическую, санитарно-эпидемиологическую, военно-политическую, криминогенную и т.д. обстановку не могут

одни и те же люди, одна и та же структура. Работники правоохранительных, природоохранных, военных, аварийно-спасательных и др. служб готовятся по совершенно разным программам, методикам, алгоритмам. Вот почему система образования в РФ включает в себя ведомственные образовательные учреждения и организации или наоборот различные ведомства имеют собственные образовательные учреждения, в которых готовят кадры для себя и других структур, нуждающихся в специалистах соответствующего профиля. Сеть таких учреждений особенно важна в связи с необходимостью переобучения и переквалификации взрослых.

В-третьих, чрезвычайно актуальны подготовка и переподготовка кадров в области организации систем безопасности. Речь идет о специалистах, должностных лицах, чьи задачи состоят в организации и обеспечении безопасного функционирования того или иного объекта безопасности, будь то предприятие (учреждение), группа (общность), территория или государство в целом (Юсупов, 2006). Это могут быть, например, заместитель директора по безопасности, начальник службы безопасности, член государственного или общественного комитета, департамента, комиссии и т.д. по безопасности и др. К настоящему времени в стране сложилась достаточно разветвленная сеть учебных центров, в которых подготовка так называемых «менеджеров безопасности» обретает комплексный, фундаментальный и в то же время прикладной характер.

Роль и значение образования в системе национальной безопасности определяется и тем, что оно является средой и механизмом сохранения, воспроизводства национальной (гражданской и этнической) идентичности социума, составляющих его индивидов и групп. В «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года» указано, что национальные интересы России в духовной сфере «состоят в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций гуманизма и патриотизма». Угрозы обществу в этой сфере представляют девальвация духовных ценностей и снижение духовно-нравственного потенциала общества. В «Доктрине информационной безопасности РФ» в числе угроз названы также «дезорганизация и разрушение системы накопления и сохранения культурных ценностей».

В сохранении и воспроизводстве культуры нашей страны система образования и воспитания играет стратегически важную роль. Она не только передает обучаемым определенный объем ценностно-нейтральной информации, выдержанной в духе научно-технологического детерминизма, но и формирует у них уважение к своей стране, к ее прошлому, к старшим поколениям. Данная задача тем более важна, что в условиях глобализации обостряющееся геополитическое соперничество приобретает форму жесткого информационно-психологического противоборства, в котором предпринимаются массированные атаки на

нашу историю, культуру, образ жизни. Система образования своей позитивной работой по формированию социально активной и ответственной личности, имеющей высокоразвитое чувство собственного достоинства, реализуется в патриотическом служении Родине, выступает мощным механизмом нейтрализации этих угроз и, следовательно, укрепления национальной безопасности России.

Еще одна (можно сказать, ситуативная) функция системы образования в интересах национальной безопасности состоит в том, что в условиях, связанных с кризисом напряженности на рынке труда, высшие и средние специальные учебные заведения во многом становятся своего рода «социальными сейфами», что в известной степени снижает безработицу и криминализацию молодежной среды. Чем платить пособие по безработице выпускнику школы, говорит ректор РГПУ им. А. И. Герцена Г. Бордовский (2009), дешевле обеспечить его стипендией и занять его. Чем иметь раздраженную молодежь на улицах больших и малых городов, лучше хоть какому-то проценту предоставить возможность еще пару лет поучиться в институте бесплатно.

Еще одно направление взаимосвязи рассматриваемых феноменов определяется тем, что сама система образования является объектом безопасности. Развертывая это положение, выделим три позиции.

Позиция первая фиксирует внимание на физической безопасности образовательного учреждения для задействованных или находящихся в нем лиц. В программе Минобразования России «Безопасность образовательного учреждения» на 2004—2007 гг. безопасность образовательного учреждения определяется как «условия сохранения жизни и здоровья обучающихся, воспитанников и работников, а также материальных ценностей образовательного учреждения от возможных несчастных случаев, пожаров, аварий и других чрезвычайных ситуаций». В примерном проекте программы «Комплексная безопасность образовательного учреждения», которую Федеральное агентство по образованию рекомендует образовательным учреждениям, говорится о противопожарной безопасности, антитеррористической безопасности, защите от преступлений против личности и имущества, поддержании общественного порядка на территории образовательного учреждения, экологической безопасности, безопасности труда и обучения (охрана труда и учебы).

Позиция вторая относится к процессу и режиму обучения и прежде всего — к доступности и посильности учебного материала для всех учащихся. С сожалением приходится констатировать, что процесс обучения оказывает неблагоприятное воздействие на здоровье школьников и студентов, так как испытываемые ими учебные нагрузки часто несоизмеримы с их возрастными и функциональными возможностями. В последние годы в образовании идет процесс смены образовательной парадигмы. В новой парадигме придается особая значимость охране и укреплению здоровья учащихся, что рассматривается как один из

базовых принципов образования. В порядке реализации содержащихся там установок предлагаются различные пути и средства оптимизации учебного процесса (Ким, [эл. ресурс]; Менчинская, 2008).

Третья позиция касается организации и функционирования системы образования как социального института. Угрозы для нее имеют разные источники, природу, формы. Перечислим эти угрозы, имеющие место в реальной социальной и педагогической практике: кризис в сфере духовности; падение авторитета образования, прежде всего фундаментального; попытки радикального слома прежней системы образования и переделки ее по образцу развитых стран Запада; недостаточность финансирования; коммерциализация образования; высокий уровень коррупции в российских вузах объясняет необходимость глубокого реформирования всей системы образования. Нужны новая образовательная стратегия, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения.

При анализе взаимозависимости образования и национальной безопасности нельзя обойти молчанием еще одну, достаточно щепетильную проблему, связанную с тем, что система образования может играть дисфункциональную роль. Так, история нашей страны знает периоды, когда система образования насаждала доминировавшие псевдонаучные построения в отдельных областях знания, в том числе в естественных науках (Наука..., 2003). Весьма показательна в этом отношении кампания, развернутая в конце 1940-х гг. Т.Д. Лысенко, за развитие мичуринской биологии и борьбу против «метафизической и идеалистической вейсманистской генетики». Школа в этой кампании сыграла неприглядную роль. Разумеется, это была не вина ее, а беда. Но как бы там ни было, она внесла свою долю в торможение развития науки, использования ее достижений в интересах прогресса общества, обеспечения его безопасности.

Сейчас другие проблемы. К главным из них Уполномоченный по правам человека в РФ относит недостаточную эффективность и транспарентность конкурсного отбора новых студентов, а также само качество высшего профессионального образования. В наших вузах наблюдается явный переизбыток будущих юристов, экономистов и управленцев. Так, из 7 млн. российских студентов 800 тыс. учатся на юридических факультетах. В то же время во всей России всего около 100 тыс. учатся на физико-математических отделениях и примерно столько же студентов изучают электронику (Учебная тревога, 2009). По официальной статистике, у нас в стране 50% специалистов с высшим образованием работают не по специальности (в США — 18%, в Швеции — 25%) (Бордовский, 2009). Немалая часть выпускников отечественных вузов ищут и находят место для применения полученных знаний за рубежом. В результате плоды деятельности российской системы образования используются в интересах других стран, в том числе для решения проблем

их национальной безопасности, а в некоторых случаях — в ущерб нашей национальной безопасности.

Таким образом, в системе национальной безопасности образование играет огромную и все возрастающую роль. Оно выступает одновременно как ее объект, ресурс и средство и создает, укрепляет фундамент будущего благополучия нации и безопасности страны. Именно поэтому развитие образовательной сферы должно быть важнейшим приоритетом политики национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельков О.А. Экономическое, социальное, региональное, внешнесредовое измерения государственного управления и национальной безопасности // Проблемы современного государственного управления в России: Труды научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. М., 2009.

Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность России // Alma Mater. 1997. № 4. С.17—25. URL: http://www.informika.ru/text/magaz/higher/1_97/1-3.html

Бордовский Г. Нужно минимум 15 лет, чтобы оценить результаты реформы образования // Время новостей за 9 апреля 2009 г.

Демченко С.В. Национальная безопасность и образовательная политика в современной России. М.; Орел, 2008.

Камашев С.В. Безопасность образования России в условиях его интеграции в мировое образовательное пространство. URL: http://soippo.narod.ru/documents/konf_zhuk/kamashev.doc

Ким С.В. Валеологическая безопасность педагога в образовательной деятельности. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/fkvot/2006N1/p53-56.htm>

Менчинская Е.А. Конструирование здоровьесберегающего процесса обучения в современной начальной школе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2008.

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003.

О «перепелиных яйцах» и других антикризисных мерах: Заседание Российского общественного совета по развитию образования на тему «Образование в условиях кризиса» 16 марта 2009 г. URL: <http://www.hse.ru/news/recent/6599757.html>

Учебная тревога: Ректоры российских вузов собрались на «кризисный» съезд // Время новостей. 2009. 20 марта.

Юсупов Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб., 2006.

А. И. Донцов, Е. Б. Перельгина

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Основные направления формирования безопасности коммуникативных стратегий связаны с их адаптацией к условиям социально-психологической изменчивости.

Ключевые слова: соприсутствие, совместность, диалог.

The main directions of security formation of communication strategies related to their adaptation to the conditions of social and psychological variability.

Key words: co-presence, compatibility, dialogue.

Построение коммуникативной стратегии является многоплановым процессом, в котором необходим учет сложного спектра социально-психологических параметров, особенно актуальных в современный период развития общества. Формы социальных отношений в схематичных форматах современной социально-экономической эволюции редуцируются, обедняются социально-функциональные возможности, происходит углубление дифференциации массового общества, нарастание темпа исторических изменений, что обуславливает необходимость подготовки изменений в личностных структурах к динамике социально-психологической изменчивости.

Ж. Бодрийяр обратил внимание на то обстоятельство, что в современном мире происходит обезличивание стратегии взаимоотношений «Я—Другой». Один из важнейших и тревожных феноменов российской коммуникативной культуры, который не только препятствует экономическим мультикультурным коммуникациям, но и является основанием для социально-организационных деформаций, — это недостаточное развитие в нашей культуре представления о «Другом». Есть примитивные дихотомии, минимальное разнообразие категорий, жесткие схематичные оценки. Однако жесткая иерархичность плохо коррелирует с социально-экономическими и коммуникативными задачами с большой неопределенностью.

Донцов Александр Иванович — академик РАО, почетный президент РПО, докт. психол. наук, профессор кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* A.Dontsov@gmail.com

Перельгина Елена Борисовна — докт. психол. наук, профессор, декан ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург). *E-mail:* elena_sutkina@mail.ru

Управление коммуникативным воздействием, управление поведением потребителей. Мечты об управляемом мире сталкиваются с реальностью высокомерия по отношению к индивидуальности, безразличия к праву «Другого» быть иным, невнимания к целям совместности, контекстуального взаимодействия.

Не случайно новые оттенки обнаруживаются в концепции Э. Гидденса, которая раскрывает ситуативные контексты присутствия и соприсутствия в социальном взаимодействии. В его трактовке структурные свойства социальных систем отражают «диалектику присутствия и отсутствия в пространстве и времени», которая связывает простейшие формы социального действия со структурными свойствами социума. По замечанию Гидденса, при изменении условий соприсутствия с точки зрения социально-психологических аспектов (совместность, опосредованность социального взаимодействия) отношения с теми, кто физически отсутствует, предполагают иные социальные механизмы. Так, отсутствующие другие, которые могут посредством мобильного телефона в любой момент вторгнуться в пространство и время пользователя мобильной телефонии, создают предпосылки для переопределения совместности, частного и публичного, близкого и далекого. Тем самым наличие небольшого мобильного средства дистанционной коммуникации создает условия для новых сложных форм социального взаимодействия как с «присутствующими», так и с «отсутствующими другими».

В ситуации соприсутствия совместное действие обусловлено основными социально-психологическими параметрами взаимозависимости. Высокая степень зависимости (и взаимозависимости) часто бывает связана с субъективным ощущением зависимости и с ориентацией на длительность отношений (т.е. со степенью приверженности им). Подобная вовлеченность является весьма мощной детерминантой просоциального поведения в контексте как личностных связей, так и формальных организаций, а рост независимости, напротив, часто связан со снижением просоциального поведения. Например, наличие хороших альтернатив, снижающих зависимость, чаще связано с более сильной ориентацией на собственные достижения. При высокой взаимности зависимости возможность эксплуатации со стороны одного или обоих партнеров низка. Такие интеракции и связи обычно более стабильны, и в них присутствует взаимное сотрудничество. Если взаимность зависимости низка, потенциал для эксплуатации значительно выше, что обычно связано с меньшей стабильностью отношений и менее выраженным сотрудничеством.

Показательно, что глава международного института языкового и межкультурного обучения Р. Льюис в рамках советов о бизнес-коммуникациях с русскими партнерами пишет: «Диссидентство у русских не популярно. Так сложилось исторически: безопаснее жить

группами, а чтобы жить в группе, русские должны были уметь подстраиваться. И сейчас сформировавшееся поведение русских характеризуется конформизмом. Не пытайтесь отделить русского от его “группы”, какой бы она ни была» (Льюис, 2008, с. 46).

Зависимость и согласованность взаимодействия в другом аспекте рассматривается в работах Д. Дойча, который выделил три типа групп взаимозависимости (кооперативный, смешанно-мотивационный и состязательный) и подчеркнул влияние типа группы на коммуникативный потенциал. Эти исследования показывают, что кооперативный тип содержит меньше коммуникативных угроз, в них выше согласованность действий и взаимная аттракция между членами, в отличие от состязательных групп, которые имеют больше коммуникативных противоречий. В смешанно-мотивационных группах, характеризующихся сочетанием кооперативных и состязательных элементов, присутствует социальная дилемма, когда для каждого члена «лучше бы производить как можно меньше», а в интересах группы, наоборот, «лучше, когда каждый вносит свой вклад в решение общей задачи» (Уилк, Ван Книппенберг, 2001, с. 479). Тем самым наиболее прокоммуникативное социальное взаимодействие присуще группам с кооперативной взаимозависимостью.

Среди других основополагающих факторов в стратегических форматах коммуникаций можно выделить преданность, которая отвечает стремлению человека поддерживать взаимоотношения и чувствовать себя психологически подчиненным этим взаимоотношениям, а также социальную поддержку, которая оказывает общее положительное влияние на психологическое самочувствие (Бирхофф, 2001, с. 416); Буунк, 2001, с. 392). Таким образом, безопасность коммуникаций во многом зависит от уровня координации действий участников взаимодействия, а также от степени преданности и социальной поддержки, которые способствуют психологической устойчивости участников социального взаимодействия.

В новой книге «Безопасность и организация», изданной в Милане, Чезаре Канеклин указывает: «В то время как возрастает число нормативов и общих ссылок государств Европы на проблемы безопасности, ежедневно растет также встречное стремление к индивидуализации и определению общих ориентаций современной коммуникативной безопасности» (цит. по: Sicurezza, 2010, р. XV; перевод наш. — *А.Д., Е.П.*).

Несмотря на то что участники способны отслеживать большую часть того, что происходит в более широком диапазоне социального окружения, фокусированное взаимодействие четко разграничивает тех, кто в нем участвует, и тех, кто соприсутствует. Единицей фокусированного взаимодействия является встреча лицом к лицу или столкновение, которое представляет собой путеводную нить социального взаимодействия, преобладающую встреч друг с другом, упорядоченную в рамках повседневного цикла деятельности. «Иными словами, то, что с точки

зрения текущего момента может показаться лаконичными и тривиальными обменами, становится гораздо более реальным и практически значимым, когда рассматривается в качестве неотъемлемого элемента повторяющегося характера социальной жизни. Рутинизация взаимодействий имеет первостепенное значение для органического сочетания мимолетного столкновения с социальным воспроизводством» (Гидденс, 2005, с. 126—127). Необязательность совместности и соучастия, конформность к методам соприсутствия вносят в регуляцию социального поведения феномен «безнормности», постоянной ситуации аномии.

Не меньшее значение для расширения пространственно-временной дистанции социального взаимодействия, эффективности коммуникации, осуществления системной интеграции имеют отношения доверия. Упор на преобладание в социальных взаимодействиях тактичности, восстановление деформаций социальной структуры и поддержание доверия предполагает преимущественное внимание к защите социальной целостности, внутренним механизмам социального воспроизводства, укреплению диалога с «Другими».

Сегодня, по мнению многих исследователей, имеет место коммуникационный кризис, который в интерпретации Ж. Бодрийера обусловлен имитацией процесса диалога. Он отмечает, что «вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналитической системе вопрос/ответ — системе непрерывного тестирования. Между тем известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается им...» (Бодрийер, 2009, с. 134). Иными словами, происходит детерминация содержания коммуникативного взаимодействия стартовым сообщением, а также его содержательное и векторное моделирование инициативным актом коммуникации.

Не менее важны и другие аспекты коммуникативного кризиса. Председатель экспертного совета Центра политической философии А. Колесников вместе со своими коллегами раскрывает коммуникационную отсталость нашего государства и недостаточность коммуникативных стратегий, основы которых не только в недостаточном объеме и качестве инфраструктуры. «Это — кризис коммуникаций, коммуникационное отставание. Значит, во время и после кризиса придется прилагать усилия к улучшению качества коммуникаций, к изменению дискурса — стиля и содержания разговора с нацией и миром. Например, быть в “двадцатке” и разговаривать с ней конфронтационным языком невозможно, потому что это экономически и политически затратно. Лишать народ широкого меню политического участия — значит недооценивать граждан, которые уже ощущают на себе негативные потребительские и социальные последствия кризиса, а потому нуждаются в диалоге с властью, в реальном влиянии на принятие решений, в работе

механизмов обратной связи (выборы, СМИ, гражданские организации). Преодоление кризиса коммуникаций — это и преодоление периферийности России» (Драгунский и др., 2009, с. А 04).

В этой связи немаловажным в рамках нашего исследования является обращение к такому социально-психологическому параметру, как ингибирование, которое приобретает особую важность в стратегиях сохранения коммуникативной безопасности. Ингибирование, описанное Дж. Г. Мидом, представляет собой сдерживание участниками взаимодействия импульсов, умение поступать избирательно, и является необходимым компонентом безопасного социального взаимодействия.

Культура коммуникативного взаимодействия в сложном и динамичном обществе выступает как фактор, ограничивающий появление сложных и кризисных ситуаций, которыми так изобилует современное общество. Причем эти ситуации изменчивы, длительны, исторически вариативны. Еще Ч. Кули писал: «Утверждение более высоких и совершенных форм социального контроля, наличие многообразных альтернатив, вызывающих к разуму о необходимости сделать правильный выбор, требуют, конечно, значительного напряжения нравственных сил индивида. Вынести такое напряжение не всегда и не всем по плечу; непосильность задачи в таких случаях более или менее разрушительно сказывается на характере личности и грозит дегенерацией» (Кули, 2000, с. 308—309). Когда в культуре существует акцентирование цели успеха, ослабевает конформность к институционально предписанным форматам и стратегиям достижения этой цели, однако важно существование образцов возрастающего оптимизма, связанного с шансами достижения успеха в профессиональной сфере.

В современном обществе происходит изменение коммуникативных стратегий и социально-психологических параметров. Социальная сфера перешла на новый уровень соприсутствия и совместности, который образован сложной взаимодействующей массой организаций, группировок и взаимосвязей. Так, в США сейчас около 1 млн. 370 тыс. компаний взаимодействуют с более чем 90 тыс. школ и университетов, 330 тыс. церквей и сотнями тысяч ответвлений 13 тыс. общенациональных организаций, плюс бесчисленные экологические, социальные, религиозные, спортивные, политические, этнические и гражданские группы, имеющие свои ценности и приоритеты. В стране действует около 144 тыс. юридических фирм, обеспечивающих обслуживание всех этих взаимосвязей (Тоффлер, 2004, с. 384). Кроме того, произошли существенные изменения в информационной сфере. Равновесные связи между социальными группами и институтами обеспечиваются глобальным увеличением информационных сообщений, взаимосвязей, потоков. Осознаются задачи ингибирования в коммуникативных стратегиях, предотвращения ценностных дифференциаций, агрессивных мотиваций.

Данные специального исследования¹ свидетельствуют, что наибольшее опасение вызывают угрозы массовых манипуляций (75% респондентов), в то время как угрозы межличностных манипуляций — только 20%. Респонденты заявили, что ситуации просмотра телепередач вызывают наибольшее количество страхов и опасений в отношении содержания полученной информации (38% опрошенных). В плане межличностных коммуникаций наибольшее опасение вызывает недостаток ингибирования в профессионально-деловой сфере (42%), семейно-родственной (21%) и дружеской (14%). Таким образом, проблема безопасности личности зависит от воздействия средств массовой коммуникации и использования многочисленных манипулятивных приемов, которые, вторгаясь во внутренний мир человека, разрушают его привычные стереотипы, ценности и искажают его картину мира.

При условии отказа от ограничений поведенческих возможностей, связанных с отдельной личностью, можно говорить о программе, которая подразумевает под собой стратегию. Опираясь на позицию Лумана, целесообразно рассматривать программу как комплекс условий социальной приемлемости поведения, обеспечивающих безопасное поле коммуникации. При этом программы стратегического уровня должны формулироваться системно, с возможностью коррекции и без детальной дифференциации. В таком случае ценностный консенсус облегчает коммуникацию о контингентности программ — об их развитии, адаптации к ситуации, изменении или старении (Луман, 2007, с. 402, 413—421).

При этом в стратегиях коммуникативного взаимодействия важным, по мнению Э. Мунье, является следование ряду интерактивных положений. Во-первых, необходимо выйти за собственные пределы — отсоединиться от самого себя, раскритиковать себя, чтобы открыться «Другому». Во-вторых, важно не ограничиваться собственной точкой зрения, а уметь принять позицию «Другого», т.е. соединить отличные друг от друга позиции в достижении согласия. В-третьих, нужно уметь взять на себя ответственность за судьбу «Другого». В-четвертых, нужно уметь отдавать щедро и безвозмездно. «Великодушные, даже если оно не получает отклика, топят лед недоверия и разрывают круг одиночества, сглаживают острые углы несогласия» (Мунье, 1999, с. 480). И, наконец, необходимо быть верным: «...преданность, любовь и дружба совершенны, только если они постоянны. Постоянство не имеет ничего общего ни с устойчивостью, ни с единообразием, это — непрекращающееся излучение» (там же).

¹ В исследовании, проведенном в 2010 г. под руководством Е.Б. Перельгиной, приняли участие 176 респондентов (90 женщин и 86 мужчин) в возрасте от 20 до 64 лет, студенты Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), работники банковской сферы и сотрудники милиции.

Социально-психологические параметры социального взаимодействия во многом зависят от типа культуры, а также от определенных стратегий поведения, связанных с национальными, ментальными чертами. Например, по свидетельству писателей, для англичан характерны: этика и активность в преодолении препятствий, умение подобающим образом реагировать на жизненные ситуации (культ предписанного поведения) в межличностных и социальных коммуникациях, регулирование эмоциональной экспрессивности, сдержанность и обходительность, потребность в коммуникациях, коммуникативная деликатность. Сохранение «жесткой верхней губы» для англичанина опосредовано моральными нормами и мнением окружающих о его поведении. При этом англичанам присущи отказ от воздействия на чужие установки, мнения, доброжелательность, вежливость в общении, избегание психологического давления (Сухарев, Сухарев, 2000, с. 131—136, 140—144).

Известный отечественный журналист и писатель В.В. Овчинников, исследуя национальные черты различных народов, приходит к выводу, что выработка таких черт у англичан и прежде всего их корректности, вырастает из инстинкта социального самосохранения. А преобладание в характере англичан репрессивности, т.е. самоконтроля, самообладания, особенно в кризисных ситуациях, культ предписанного поведения, вытекает из выгоды коммуникативной безопасности.

Существенная разница в кросс-культурных моделях взаимодействия обуславливает необходимость учета различий социально-психологических параметров и факторов в межкультурных отношениях. Известно, что в японском языке формы личных местоимений для обозначения говорящего или того, к кому была обращена речь, варьировались до бесконечности в соответствии со строгими правилами этикета, зависящими от того, какой ранг занимал каждый собеседник и какие их связывали социальные отношения. Когда число социальных классов резко сократилось, а затем они и вовсе исчезли, стало очень трудно узнать, как следует обращаться к человеку, чтобы избежать сложных или угрожающих коммуникативных ситуаций. В сомнительных случаях вместо «я» или «вы» люди стали применять все более расплывчатые безличные формы, предпочитая нейтральное «считают, что...» вместо «я думаю, что», чтобы случайно не допустить ошибки, используя неподобающее случаю личное местоимение (Фредерик, 2007, с. 98—100).

Тенденция к созданию тотального информационного пространства с обязательным кодированием субъектов социального взаимодействия снимает значимость ритуалов и этикета совместности, моральной и ценностной регуляции, создает «галлюцинаторную» свободу коммуникаций.

Для заключения воспользуемся антисимуляционным гуманистическим тезисом Ч. Кули: «Пока общество способствует развитию у каждого ребенка его лучших задатков, оно свободно; когда оно утрачивает эту

способность, оно перестает быть таковым. Там, где детей плохо воспитывают или плохо учат, где семейное влияние носит нездоровый характер, а школы неэффективны, где местная власть не справляется со своими обязанностями, а публичных библиотек не хватает, — там люди несвободны» (Кули, 2000, с. 307).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирхофф Г.У.* Просоциальное поведение // Перспективы социальной психологии / Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. М., 2001. С. 398—420.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. 3-е изд. М., 2009.
- Буунк Б.П.* Аффилиация, аттракция и близкие отношения // Перспективы социальной психологии / Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. М., 2001. С. 372—397.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М., 2005.
- Драгунский Д., Жарков В., Колесников А.* После кризиса: Пересоздание ценностей / Ведомости. Пятница, 30 января 2009. С. А 04.
- Кули Ч.* Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М., 2000.
- Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории. СПб., 2007.
- Льюис Р.* Как вести бизнес с русскими // «Эксперт Урал». № 27 (336). 07—13 июля 2008.
- Мунье Э.* Манифест персонализма / Пер. с фр. М., 1999.
- Сухарев В.А., Сухарев М.В.* Европейцы и американцы глазами психолога. Мн., 2000.
- Тоффлер Э.* Третья волна / Пер. с англ. М., 2004.
- Фредерик Л.* Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи: Пер. с фр. М., 2007.
- Уилк Х., Ван Книппенберг Э.* Групповое действие // Перспективы социальной психологии / Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. М., 2001. С. 454—503.
- Sicurezza E.* Organizzazione. A cura di Cesare Kaneklin, Giuseppe Scaratti. Milano, 2010.

С. Л. Кандыбович, М. Ф. Секач

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ — ЗАЛОГ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Реализация задач психологии безопасности основывается на достижении субъектом психического состояния подконтрольности комплекса внешних и внутренних параметров, на контроле за сохранением психофизиологического статуса и на укреплении здоровья.

Ключевые слова: безопасность субъекта, психологические ресурсы, здоровье населения, психическое благополучие.

The realization of challenges facing security psychology is based on a subject's achieving a mental state when a complex of external and internal parameters are under control, preservation of psychophysical status and health improvement being at that equally important.

Key words: an individual's security, psychological resources, public health, psychological wellness.

В последние десятилетия борьба человека за выживание стала крайне жесткой и даже жестокой. Войны, смена властей, стихийные и техногенные катастрофы, миграция, необходимость приспосабливаться к меняющимся социальным условиям — все это воздействует на нервную систему человека. А степень ее устойчивости разная, и у многих людей возникают сбои. Как считают психиатры и психологи, суть проблемы, вероятно, не столько в воздействии внешних факторов и условий, сколько в неспособности человека жить в мире с самим собой, найти какие-то пути и адаптироваться к тому, что подрывает его нервную систему.

Современная жизнь определяется еще и нахлынувшей волной информации о нашем прошлом, настоящем и будущем. Попав под эту волну, гражданин чувствует себя растерянным, утратившим фундаментальные ценностные ориентации. Приток разноречивой информации

Кандыбович Сергей Львович — докт. психол. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, зам. директора Института социального здоровья населения РФ (Москва). *E-mail:* kandybovich@sodru.com

Секач Михаил Федорович — докт. психол. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Военной академии РВСН им. Петра Великого (Москва). *E-mail:* MFSekach@yandex.ru

пропорционально увеличил приток лиц, обращающихся за помощью к психологам, психотерапевтам. Как оказалось, многие (особенно чувствительные) люди не могут адекватно переработать порой чудовищную, но правдивую информацию. Растет и количество лиц, страдающих от «синдрома информационного изнурения». Снижение уровня социальной поддержки приводит к одиночному переживанию стрессовых ситуаций, что ослабляет толерантные возможности человека. Отсюда и резкое возрастание количества депрессивных расстройств и психосоматических заболеваний, прежде всего тех, что являются наиболее характерной реакцией на психический стресс. Резко увеличивается распространенность алкоголизма, наркоманий, токсикоманий (особенно последних), у истоков которых тоже часто стоит психический и иной стресс.

Современный человек, вынужденный жить в нестабильной обстановке, при снижении социального, биологического, информационного иммунитета до критического уровня вовлекается в сложные столкновения с жизнью и для того, чтобы выжить, должен действовать относительно эффективно. В связи с этим понимание механизмов угроз и обеспечения личной безопасности становится насущной проблемой. Изучение сущностных черт, функциональных особенностей, основных проявлений и причин возникновения угрозы для безопасности ведется в самых разных сферах, однако исследований интегративного характера явно не хватает. Подход к исследованию безопасности с учетом психологических концепций, методологических установок, методов и методик позволяет учесть уровень *личности*, для которой, собственно, и нужна высокая степень безопасности в любой стране.

Обеспечение личной безопасности, являясь неотъемлемым компонентом психической жизни каждого человека, отражается в его сознании. Оно основано на привлечении комплекса принципов, стратегий и методов, которые отражают различные подходы к организации взаимодействия субъекта с экстремальной для него ситуацией.

В случае успешного прохождения всех шагов достижения подконтрольности ситуации выход из нее происходит в направлении достижения намеченной субъектом жизненной цели, т.е. вероятность ее воплощения растет. Оптимальным в данном случае является создание психологических ресурсов для взаимодействия с новой экстремальной ситуацией.

Рассмотрение характеристик, факторов и аспектов проявлений человека в напряженных ситуациях, кризисных и стрессовых состояниях, при стихийных бедствиях и катастрофах обуславливает пристальный исследовательский интерес к тому феномену, который имеет чрезвычайно высокий рейтинг в иерархии ценностей челове-

ка, — интерес к тем условиям, когда нет угрозы для жизни, здоровья, психики, нет оснований для бедствий и выхода из кризисных ситуаций. Это фундаментальное социальное явление в одном из наиболее авторитетных в мире психологических словарей, составленном американским психологом А. Ребером, определяется как ощущение доверия, невредимости, отсутствия страха или тревоги, особенно в отношении удовлетворения собственных настоящих (и будущих) потребностей (Ребер, 2001, с. 86).

Современный уровень научного знания позволяет подойти к рассмотрению этого важного и сложного феномена с учетом содержания и функциональных особенностей всех видов безопасности. При увеличении социальной напряженности уровень безопасности снижается и, наоборот, чем ниже напряженность, тем выше уровень безопасности. Интегративный характер социальных связей и отношений, систем взаимодействия социальных субъектов стимулирует поиск путей интегративного подхода к феномену безопасности. Интегративное рассмотрение безопасности раскрывает неразрывную связь и взаимозависимость всех сфер безопасности в обществе: политической, экономической, социальной, экологической, военной, информационной, демографической, международной и т.п. Такой анализ показывает, что нарушение условий безопасности в одной из сфер оказывает существенное влияние на системы и уровень безопасности в других сферах.

Интегративный подход во всем масштабе его методологической амплитуды приводит к пониманию взаимосвязи и взаимозависимости безопасности индивидуального субъекта и безопасности социальной группы, безопасности личности и безопасности общества, к взаимной обусловленности безопасности социальных субъектов различных уровней, к возможности формирования единой тенденции к мотивации социальной безопасности у социальных субъектов вне зависимости от их национальной, партийной, государственной принадлежности. Рассматриваемый подход позволяет систематизировать стороны и грани анализа проблемы до уровня понимания социальной безопасности как явления, не связанного с государственными границами и языковыми или культурными барьерами, историческими стереотипами и пред-рассудками.

Если же масштаб экстремальной ситуации таков, что она ставит на грань выживания и разрушения здоровья, психики, приводит к психической дезадаптации большие социальные группы, то речь может идти о нарушении социальной безопасности. Разумеется, принятие мер по предотвращению экстремальных ситуаций — насущная социальная задача, которая учитывает теснейшую взаимосвязь безопасности обще-

ства и безопасности личности, единство их содержательной основы, гуманистических целей и базовых ценностей. На фоне новых постперестроечных социально-экономических отношений в России особенно остро встает вопрос о базовых личностных и индивидуальных ресурсах самого человека. К основной ресурсной ценности человека в целом относится *здоровье* (Секач, 2005, с.18).

Здоровье населения — это сложное социо-психобиологическое явление, которое отражает культурный, интеллектуальный, креативный, профессиональный потенциал нации, определяя безопасность государства. На состояние здоровья влияют природные, генетические и социальные факторы, при этом последние — в наибольшей степени. Иллюстрацией сказанного могут служить последствия рассылки писем со спорами сибирской язвы в США, когда фактически незначительное по масштабу «биологическое» начало вызвало колоссальный по своей конечной цели психический феномен утраченного, направленный на дестабилизацию ситуации в обществе с развитием не только психологической, но и социальной паники. Тот же эффект имела и рассылка взрывчатых веществ в принтерах. Взрывы были единичными, а психологический эффект громадный. Эта ситуация породила множественные фобические, ипохондрические и депрессивные реакции, проявления психосоматических расстройств и нарушения личностно-социальных характеристик (Секач, 1998, с. 108).

Не меньший ущерб здоровью населения, а в свою очередь и безопасности, наносят так называемые индуцированные состояния, близкие к таким издавна известным явлениям, как «массовая истерия», «военный невроз». В генезе индуцированных состояний большую роль играют «вторичные индукторы», обладающие мощным потенциалом воздействия на психику и поведение, к каковым прежде всего нужно отнести высказываемые в СМИ мнения влиятельных и авторитетных в широких кругах населения деятелей. Следует отметить, что освещение событий нередко рождает и искаженную информацию, всевозможные слухи, мифы и т.п. Безусловно, такая «работа» дестабилизирует общество, создает напряженность, снижает уровень безопасности, а у отдельных людей вызывает обострение хронических психосоматических расстройств или проявление нервно-психических заболеваний (Кандыбович, 2010, с. 67).

Здоровье — базовое условие реализации продуктивной профессиональной деятельности человека, приоритетная ценность, обеспечивающая активность человека во всех видах деятельности и реализацию его жизненных смыслов, продуктивность которых коррелирует с его образом жизни. Следует отметить, что психология здоровья теснейшим образом связана с другими отраслями психологического знания, а

именно с психофизиологией, медицинской психологией, социальной психологией, психологией спорта, психологией профессиональной деятельности и т.д. Исследование соотношения здоровья и личности опосредованно изучалось многими учеными. В профессиональной адаптации (А.А. Крылов, Б.Ф. Ломов), психофизиологической адаптации (Ф.Б. Березин, В.П. Казначеев, Ц.П. Короленко), в профессиональном здоровье (В.А. Пономаренко, И.Н. Гурвич, Г.С. Никифоров), в адаптации к экстремальным условиям (В.Н. Абрамова, Г.В. Ложкин, В.Г. Зазыкин, О.И. Жданов, М.Ф. Секач и др.). Впервые В.Н. Мясищев, а затем П.К. Анохин и А.Н. Леонтьев подходили к изучению человека как био-психосоциального существа. В таком ракурсе здоровье — это оптимальная устойчивость к воздействию патогенных агентов; биологическая, психическая и социальная адаптивность к постоянно изменяющимся условиям внешней среды; способность организма поддерживать жизнедеятельность на функциональном уровне. Исходя из этих позиций, психологи и врачи просто обязаны объединить и сконцентрировать свои усилия на разработке научных подходов, методов и методик повышения ресурса устойчивости человека в условиях современной жизни (Секач, 1998, с. 262).

Психические функции можно упражнять точно таким же образом, как и физические. Способность человека к компенсации можно упражнять, в частности, путем равномерного повышения нагрузки на физические и психические функции, тем более что между достигнутыми таким образом способностями к перенесению нагрузок и к компенсации существует вполне определенная взаимозависимость. Здоровая уверенность в себе, приобретаемая посредством активного успешного приспособления организма к окружающей среде, имеет огромное значение для внутреннего стремления к компенсации отклонений и адаптации к новым ситуациям и условиям. В период, когда нарушенное равновесие процессов и систем организма компенсировать не удастся, параметры внутренней среды изменяются, организм начинает болеть. Причем болезненное состояние будет сохраняться на протяжении всего времени восстановления значения параметров, соответствующих гомеостазису и обеспечивающих нормальное существование организма. Если же прежних значений параметров, необходимых для сохранения равновесия внутренней среды, достичь не удастся, то организм может попытаться обеспечить его при других, измененных параметрах. В этом случае общее состояние организма может отличаться от ранее считавшегося нормальным. Зачастую равновесие достигается через появление хронического заболевания. Именно поэтому организму необходим режим периодического на-

рушения равновесия со средой, порождающий позитивные стрессы (Деркач, Секач, 2002, с. 489).

Пребывание в стабильной среде приводит к снижению защитных свойств организма человека. Все это в целом снижает его способность к обеспечению личной безопасности. Здесь и возникает необходимость в спортивных занятиях, различных мероприятиях в рамках здорового образа жизни. Здесь огромное поле деятельности для государственных структур в плане реализации программ министерства молодежной политики и спорта. Прежде всего — молодежь. Но ведь в нашей стране очень много людей пожилых. К сожалению, многие из них не востребованы современной жизнью.

Резерв в сохранении здоровья человека заложен в организации образа жизни, зависящей от культуры здоровья, включающей знание индивидом генетических, физиологических, психологических возможностей своего организма, методов контроля, сохранения психофизиологического статуса и укрепления здоровья, умения распространять медико-биологические знания на свое окружение и в целом на социальную среду. Для поддержания здоровья организм постоянно задействует адаптационно-компенсаторные механизмы, реализующиеся в приспособительных поведенческих актах, которые позволяют поддерживать организм в состоянии биологического, психического и социального благополучия. В основе обеспечения безопасности лежит своевременное восполнение субъектом ресурсов своего организма, а своевременное восполнение ресурсов возможно только при регулярных тренировках и здоровом образе жизни. Относительные критерии здоровья той или иной популяции людей считаются абсолютными для каждого отдельного человека и при каждой отдельной ситуации его существования в тех или иных условиях. Известно, что состояние здоровья населения (и в этом контексте безопасность государства) зависит от образа жизни людей и воздействия факторов окружающей среды. Обеспечение безопасности с психологической точки зрения представляет собой достижение субъектом психического состояния подконтрольности комплекса внешних и внутренних параметров, позволяющих достичь состояния динамического равновесия со средой и влияющих на вероятность достижения значимых для него целей и решения соответствующих задач.

Итак, здоровье — это социально-экономическая категория и вопрос национальной безопасности. Это понимание требует новой стратегии профилактической работы, направленной на повышение индивидуальной активности населения в практическом освоении навыков и умений здорового образа жизни, на формирование общественного сознания, ориентированного на здоровый образ

жизни, на повышение культуры оздоровления человека, осознание индивидуальной и социальной ценности установки на психологию безопасности. В этой работе должна быть отведена большая роль как медицине и психологии, так и правительственным структурам социально-экономического блока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Деркач А.А., Секач М.Ф.* Психология безопасности. М., 2002.
- Кандыбович С.Л.* Информационное воздействие и психология безопасности // Мат-лы Междунар. симпозиума (Екатеринбург, 22 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 66—78.
- Ребер А.* Большой толковый психологический словарь. Т. 1. М., 2001.
- Секач М.Ф.* Саморегуляция психической устойчивости руководителя. М., 1998.
- Секач М.Ф.* Психология здоровья: Учеб. пособие для высшей школы. 2-е изд. М., 2005.

М. А. Кремень, А. П. Герасимчик

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

В работе анализируется разнонаправленность воздействия экстремальной ситуации на личность. Рассматривается взаимосвязь двух аспектов экстремальности: психологической и профессиональной. Делается вывод, что наиболее опасной для личности и общества в современном мире является информационная экстремальность.

Ключевые слова: экстремальность, экстремальная ситуация, безопасность личности.

The paper investigates multi-direction of extreme cases impact on an individual. Interdependence of two extremity aspects psychological and professional is traced. It is information extremity that is thought to be the most dangerous for personality and society.

Key words: extremeness, extreme situation, safety of the person.

Экстремальность в жизненно-личностных, профессиональных, социальных ситуациях требует от человека исключительных, прежде всего духовных, нравственных, психофизических качеств, обеспечивающих ответное системное деяние в виде мужества преодоления, взвешенной разумности. Экстремальность не есть что-то необычное, наносное, скорее это наш естественный спутник жизни в системе отношений с природой и обществом. Решение проблем экстремальности всегда будет требовать кроме знаний естественных, гуманитарных и теологических наук своего личного философского осмысления, прежде всего предназначения человека, его целей, мотивов, его внутреннего мира, его отношения к миру созидания.

Даже в вопросе, как готовить специалиста-профессионала к преодолению стресса экстремальной среды, внутриличностного конфликта, аварийной ситуации в профессиональной деятельности, к преодолению психического напряжения в соревновательной ситуации, надо знать, что именно страшит конкретного субъекта — утрата материального положения, чести и достоинства, отвержение профес-

Кремень Марк Аронович — докт. психол. наук, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь). *E-mail:* post@pac.by

Герасимчик Александр Петрович — первый зам. начальника Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь (Минск, Беларусь). *E-mail:* post@pac.by

сиональным сообществом или утрата самой жизни. Надо также знать, какие ценности исповедует профессионал, каковы его культура, здоровье, уровень интеллекта, выраженность профессионально важных качеств, каков мотив к достижению, уровень ценности личности, чем наполнена потребностная среда и т.д.

Рассмотрим эту проблему в контексте поведения человека в нестандартных ситуациях с явной угрозой для жизни. У человека опасной профессии угроза для жизни проецируется через сознание и чувства, порождая разные психические состояния, в том числе и страх. Однако сам процесс проекции психических состояний на субъекта опасной профессии встречает на своем пути буфер в виде ценности любви к профессии, избранной на всю жизнь. Отсюда в подсознании профессионала формируется страх утраты профессии из-за потери здоровья, способностей к постоянному повышению квалификации, органично связанной с расширением риска подвергать себя психической и физической угрозе вплоть до возможной гибели, появлением синдрома в виде потери мотива, что является высшей формой внутриличностного экстремального конфликта, и, наконец, из-за психофизиологического и нравственного истощения от непонимания тебя окружающими.

Отличием экстремальной ситуации от нормальной является незапланированность и включение в информационный поток самого сильного стресс-фактора неопределенности информации, что влечет за собой два отрицательных последствия.

1. Затруднение процесса предугадывания и управления происшедшими событиями, так как человек оказывается позади ситуации, и она им руководит, и ему требуется время на включение оперативного мышления по выбору решения. Задержка во времени, как правило, сопровождается ростом эмоционального и психического напряжения.

2. Заранее заученные операции, четко работающие в условиях стереотипных действий, необходимо оттормаживать, так как теперь впереди их идут специальные умственные действия, направленные на определение причины и смысла случившегося. Стереотип включен в систему обнаружения, а в данном случае требуется опознание и принятие решения. И не случайно более 2/3 времени, проходящего от момента обнаружения аварийной ситуации до выхода из нее, занимает этап принятия решения.

Таким образом, главным объектом психолого-педагогической подготовки к преодолению экстремальной ситуации является умственная деятельность: сознание, мышление, личностные характеристики, интеллект.

Кратко охарактеризуем черты умственных действий:

1) интеллектуальная способность к переработке неполноценной информации, к преобразованию неявного сигнала в стимульный, побуждающий к выполнению конкретных действий;

2) гибкая приспособляемость к меняющимся опасным условиям деятельности в пространстве и времени;

3) личностная активность в поиске нужных признаков и их творческий анализ;

4) быстрая мобилизация нужных в данный момент свойств психики: внимания, продуцирования новых решений.

Из вышеизложенного следует, что экстремальная ситуация любого генеза есть комплексный раздражитель, возникающий внезапно и требующий двухуровневого ответа: уровень приспособительно-защитных реакций типа ориентировочно-исследовательской деятельности и уровень сложных интеллектуальных реакций, формирующих стратегию поведения и обеспечивающих выбор решений и мобилизацию всех психических процессов и состояний на преодоление конкретного экстремального события.

Экстремальная ситуация всегда отражает угрозу и первоначально адресуется психике. Сила и продолжительность ее воздействия отражается состоянием сознания. Поэтому экстремальная ситуация может быть одной, а формы ее отражения в сознании могут быть разными. Это объясняется тем, что человек может реагировать не на сам факт, а на воображаемые последствия.

При определении связи профиля личности с гибелью в чрезвычайных ситуациях установлено, что люди, обладающие отрицательными личностными качествами (такими, как амбиции, чрезмерное самомнение, недостаточная критичность в самооценках и др.), чаще погибали в крайне сложных и скоротечных ситуациях (см., напр.: *Пономаренко В.А.* Профессия — психолог труда. М., 2007, с. 216).

Практически все раздражители физико-химической, биологической, психофизиологической, социально-экологической природы, с которыми сталкивается организм, психика, личность действующего человека при взаимодействии с природой, обществом, входят в состав экстремальных ситуаций. Все органы чувств и психика имеют разветвленную сеть регулирующих, защитных, приспособительных механизмов, обеспечивающих жизнедеятельность и психическую выносливость. Но все до определенного предела, обусловленного общим законом, мерой вещей.

Экстремальность есть крайнее выражение любого вида воздействия на живую материю, живое вещество, на высшее психическое образование. Экстремальность как универсальная угроза приобретает системное очертание разрушения целостности человека, когда у него в данной конкретной жизненной ситуации не сформирован адекватный механизм адаптации, оперативной перестройки всей системы компенсаторных функциональных механизмов регуляции жизненных систем. Что касается психики, то для нее экстремальность проявляется в двух ипостасях:

— *психологической*, когда человек не обладает специфическими качествами воли организовать интеллектуальный процесс в интересах построения модели предвиденного будущего;

— *профессиональной*, когда профессионал не имеет средств для снятия с ситуации ее экстремальности с помощью смыслообразующего выбора нестандартных, альтернативных действий.

Экстремальность воздействия набирает силу и масштаб распространения, когда в памяти нет образов распознавания стимулов и механизмов перевода угрожающего физического стимула в смыслообразующий акт принятия решения.

Экстремальность избирает стандартность, устойчивость, симметричность, логичность, традиционность и все то, что, казалось бы, проверено жизненным и социальным опытом. В результате информационная матрица нашего жития в определенное время, оказывается, не содержит в полном объеме тех новых функциональных органов, которые обеспечивают главное — ассиметричный, нестандартный, высокоинтеллектуальный, этический, нравственный ответ, отражающий не столько факт, сколько истину происходящего.

Из всех видов экстремальности наиболее опасна и разрушительна для личности, общества, человечества в целом *информационная экстремальность*. Точками приложения информационной экстремальности являются сознание, психические процессы, состояния, интеллект, чувства, воля, дух.

Человеческий фактор в процессуальном отношении всегда представлен в виде гласной и полугласной вины в любом происшествии. У человека опасной профессией, целью которой является спасение других или жертвование своим здоровьем, информационно формируется синдром виновности. Именно этот психический образ тормозит альтернативное решение в экстремальной ситуации, если это решение выходит за рамки регламента. Например, на 100 погибших летчиков-истребителей более 50% имели возможность воспользоваться средством катапультирования, но не воспользовались. Боролись за жизнь самолета, за свою честь, долг, предчувствуя последствия «разборов» на земле.

И. С. Бусыгина

КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье обосновывается положение о том, что главным условием при обеспечении безопасности современной организации выступает идея корпоративности как консолидированности в диаде «человек—организация». Определяется понятие «корпоративность», исследуются компоненты и разновидности безопасности организаций с различными уровнями выраженности идеи корпоративности.

Ключевые слова: корпоративность, безопасность организации.

The article substantiates the statement that the idea of corporationism, integral consolidation in the continuum “person/organization”, acts as a crucial condition for providing organizational security. The notion “corporationism” is defined and components and varieties of companies’ security in organizations with different levels of corporationism manifestation are investigated.

Key words: corporationism, organization’s security.

1. В понимании безопасности организации можно выделить два ключевых подхода — традиционный и человекоцентрированный. Первый предполагает выстраивание системы защиты от угроз внешней и внутренней среды (информационная, экономическая, кадровая и др. безопасность); второй — создание в организации таких условий, при которых человек был бы ей привержен, лоялен, мог бы работать эффективно, реализуясь в процессе профессиональной деятельности, с максимальной профессиональной и личностной самоотдачей.

Сегодня накоплено достаточное количество эмпирического материала, свидетельствующего в пользу неизмеримо большей эффективности второго подхода в обеспечении безопасности организации. Исследования показывают, что в основе отношения человека к организации лежат три ведущих фактора: фактор равноценного обмена личного вклада в работу на мотивирующие условия, предлагаемые организацией; фактор «характер отношений с организацией», фактор «причастность, корпоративность» (Агейкина, 2008). Усложнение отношений в диаде «человек—организация» приводит к пониманию того, что их необходимо тщательно конструировать,

Бусыгина Инна Сергеевна — докт. психол. наук, доцент, зав. кафедрой управления персоналом Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург). *E-mail:* busygina@rambler.ru

отслеживать «слабые сигналы» только намечающихся отклонений, подводить под эти отношения идеологическую базу, выстраивать содержательные линии корпоративности. Корпоративное управление и корпоративная социальная ответственность признаются фундаментом, на котором устойчиво базируется безопасность организации (Харский, 2003).

Определимся с понятием корпоративности. Термин «корпоративный» происходит от латинского «corporatio» — объединение, общество, а не от «корпорации» как организационно-правового типа предприятия. Анализ термина «корпоративный» приводит к выводу, что это — интегративная, междисциплинарная категория. Например, в Большом российском энциклопедическом словаре дается следующая трактовка рассматриваемого термина: «Корпорация (от позднелат. corporatio — объединение) 1) объединение, союз, общество, 2) (юрид.) совокупность лиц, объединившихся для достижения к.-л. цели, является юрид. лицом...». В Большом энциклопедическом словаре и словаре иностранных слов приводится следующая интерпретация слова «Корпорация»: общество, союз, группа лиц, объединяемая общностью профессиональных или сословных интересов. В испанско-русском словаре современного словоупотребления термин «corporación» переводится как «сообщество; объединение; корпорация; ассоциация» (Садиков, Нарумов, 2001, с. 220).

В политической науке и практике термин «корпоративность» характеризует сущность политической системы через господство политических корпораций — совокупности лиц, объединившихся для достижения цели реализации государственной власти. В таком контексте корпоративность зарождается в средневековом обществе и означает его структурирование через наличие корпораций (цехов, сословий, коммун и т.п.), выполняющих хозяйственно-профессиональные, политические, социальные функции (воспроизводство, воспитание, трансляция опыта и пр.). Сегодня политология констатирует, что современные корпорации более открыты, текучи, изменчивы, нежели средневековые корпорации; однако в основе тех и других лежит интерес. Между корпорациями действует механизм «увязки», согласования интересов их членов. Тем самым складываются определенные корпоративистские представительства, а государство становится «корпоративистским государством». В основании политики последнего лежит не «общественный интерес», а интерес той политической корпорации, чьи представители в данный момент находятся у руля государственной власти или оказывают на нее наибольшее влияние.

Социологическая трактовка понятия определяет корпоративность как чувство принадлежности к единой группе, в которой индивиды имеют общие взгляды и убеждения (Гидденс, 1999).

Культурологический подход трактует термин «корпоративный» как «коллективный». «В очень жестких культурах... можно обнаружить совместный контроль над собственностью, корпоративное владение пищевыми запасами и производством энергии, наличие жестких религиозных лидеров, иерархическую структуру... Такие взаимоотношения предполагают, что жесткость коррелирует с коллективизмом (корпоративным контролем)» (Триандис, 2007, с. 207).

В социально-психологической науке корпоративность рассматривается как аспект социальной идентификации индивида, приводящей к социальной идентичности этого индивида с выполняемой им общественно значимой функцией, что неизбежно приводит к отождествлению данным индивидом себя с теми социальными группами, которые выполняют соответствующие функции. Таким образом, возникает явление корпоративности (в значении «узкогрупповой, обособленный»), имеющее объективно-субъективную природу и выражающееся в стремлении члена группы, подчиняясь групповым нормам, приспособлять свои поступки к принятым в данной группе эталонам поведения (Социальная..., 1979).

Главная черта корпоративности в социально-психологическом ее понимании — отнюдь не объективное объединение людей по признаку подобия, хотя без него тоже не обойтись, поскольку именно такое объединение создает объективные предпосылки для формирования корпоративного стиля мышления и образа действия. В социально-психологическом аспекте корпоративность представляет интерес прежде всего с точки зрения ее субъективной составляющей, выраженной в осознании индивидом себя как представителя какой-то профессиональной корпорации, а также в осознании окружающими данной группы как чего-то целого и обособленного от других (Мертон, 1991).

Таким образом, анализ трактовок понятия «корпоративный» дает нам возможность рассматривать его именно в смысле «объединяющий, связующий» и соответственно изучать «корпорацию» как форму организации человеческого сообщества, своеобразную группу со специфическими признаками.

Обратимся к рассмотрению корпоративности как основания безопасности организации. Именно корпоративность является тем «социальным клеем», который помогает удержать целостность организации и обеспечить стабильность ее деятельности (Бородин, 2008). В современной экономике стабильная работа предприятия — немаловажный фактор в конкурентной борьбе. Она напрямую зависит от персонала, работающего на предприятии. Поэтому у каждого руководителя возникает необходимость объединить всех этих людей с различными характерами, стремлениями и амбициями в один целеустремленный коллектив.

Любая организация построена на интеграции деятельности посредством управления. Однако интеграция может быть слабо или заметно выраженной; может поддерживаться в определенном состоянии, а может укрепляться и развиваться, переходя постепенно в корпоративность и далее (возможно) в синергию.

Корпоративность — это высокая степень интеграции, объединение не только по функциям деятельности, но и по человеческим отношениям внутри организации, а также по отношению к организации в целом (ее миссии, целям и состоянию). Она проявляется в качестве персонала и в результатах совместной деятельности; может возникать стихийно в силу каких-либо обстоятельств, но может быть предметом особого внимания и специального управления (корпоративное управление). Корпоративное управление возникло как необходимость интеграции деятельности не только по организационным, но и по социокультурным параметрам. Сотрудничество и согласие, взаимопонимание и взаимная поддержка, гармония интересов и ценностей становятся факторами повышения производительности труда, способствуют разработке новых идей и общему ускорению развития организации.

2. Для определения разновидностей, структуры, типологии взаимосвязи корпоративности с безопасностью организации нами было выполнено исследование, позволившее выделить уровни *корпоративной безопасности организации* (КБО). Проведенный в 2010 г. опрос 792 работников образовательной сферы, сферы государственного и муниципального управления, здравоохранения, промышленных предприятий Свердловской области выявил 4 варианта взаимоотношений между оценками безопасности организации и личной безопасности человека в ней.

Помимо двух «чистых» вариантов, когда сотрудник оценивает безопасность организации и свою личную безопасность в ней одинаково высоко (1) или одинаково низко (2), были зафиксированы еще 2 варианта (назовем их «смешанными»), когда человек чувствует себя в организации защищенным, а самой организации присваивает низкие баллы по шкале безопасности (3); и, наоборот, чувствует себя незащищенным и при этом присваивает организации высокие баллы по шкале безопасности (4).

Анализируя «смешанные» варианты, мы предположили, что причины варианта 3 (организация небезопасна, я защищен), вероятно, кроются в отношении к человеку в организации либо являются личностно-профессиональными. А причины варианта 4 (организация безопасна, я не защищен) связаны с профессионализмом (профессиональная идентичность/профессиональный маргинализм) либо с тем, что организация не является референтной группой для человека (Ермолаева, 2009).

Таким образом, сочетая корпоративную безопасность и личную защищенность человека в организации, можно выделить 4 уровня корпоративной безопасности:

1) сочетание корпоративной безопасности и личной защищенности в организации — наиболее благополучная ситуация, при которой мы определяем положительный уровень безопасности организации;

2) сочетание корпоративной безопасности и личной незащищенности в организации — в организации диагностирована благополучная ситуация по безопасности, а самому человеку некомфортно (вероятно, причины кроются в отношении к человеку в организации либо являются личностно-профессиональными);

3) сочетание корпоративной небезопасности и личной незащищенности в организации — наименее благополучная ситуация, при которой мы определяем отрицательный уровень безопасности организации;

4) сочетание корпоративной небезопасности и личной безопасности в организации — уровень, при котором в организации условно небезопасно, а человек защищен. Вероятно, причины связаны с профессионализмом (профессиональная идентичность/профессиональный маргинализм) либо организация не является референтной группой для человека.

Предположив, что оценки сотрудников организации («изнутри») неминуемо субъективны, связаны с опытом производственных, служебных отношений, взаимодействием на уровне «персонал—руководящее звено», личностными особенностями человека, мы сравнили наши данные с экспертными оценками («снаружи»), полученными в результате аудита корпоративной безопасности (аудиту подвергались все организации, его проводили одни и те же эксперты-аудиторы корпоративной безопасности). Это сравнение привело нас к следующим выводам относительно трактовки «смешанных» вариантов.

1) Если персонал оценивает организацию как безопасную, а эксперты — как небезопасную, то следует предположить, что данная организация характеризуется сильной корпоративной и низкой коммуникативной культурой: персонал не имеет сведений о реальном положении дел, «слепо верит» руководству, некомпетентен в области КБО.

2) Если персонал оценивает организацию как небезопасную, а эксперты — как безопасную, то следует предположить, что в организации слабая корпоративная культура, менеджмент в целом, так как ощущение персоналом неблагоприятия свидетельствует о низкой эффективности управленческих процессов.

Для оценки уровня КБО нами использовалась условная шкала, представляющая, по сути, индекс КБО: 0—30 — низкий уровень; 40—70 — средний; 80—100 баллов — высокий уровень КБО.

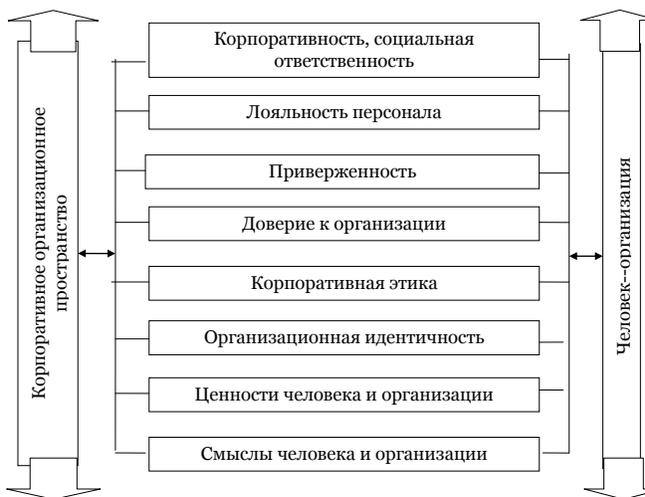
В нашей выборке выделились три группы:

1) сотрудники из условно «корпоративно безопасных организаций» (n=218; 27.5% выборки): уровень КБО 80—100 баллов; оценка экспертов, руководства и персонала, личная и корпоративная защищенность совпадают.

2) сотрудники из условно «корпоративно опасных организаций» (n=167; 21%): уровень КБО 0—30 баллов; негативная оценка экспертов, руководства и персонала, личная и корпоративная незащищенность совпадают.

3) сотрудники из организаций с недифференцированной (смешанной) КБО — n=407; 51.5 % выборки.

Для определения структуры КБО в эксперименте были использованы данные двух типов организаций: одна группа являлась экспериментальной (отрицательный уровень КБО), вторая — контрольной (положительный уровень КБО). Руководители и собственники бизнеса, директора *HR*-департаментов и служб безопасности предприятий нами были опрошены как внутренние эксперты, компетентные обосновать те компоненты, которые, по их мнению, должны были составлять структуру КБО. В результате были выделены следующие компоненты КБО: социальная ответственность бизнеса, корпоративная социальная деятельность, сформированное и развитое корпоративное сознание организации с навыками рефлексии и аутоидентификации; единое прозрачное адекватное смысловое поле организации, осознающее угрозы и потенциалы корпоративной безопасности; сформированное профессиональное поведение персонала организации; осознанность



Иерархия компонентов корпоративной безопасности организации

будущих сценариев развития компании и готовность к риску. Совершенно очевидно, что в сознании руководителей не представлен единообразно сложный полифакторный феномен КБО, он дискретен и не структурирован.

Эксперты констатировали, что сегодня наблюдаются и негативные проявления КБО, т.е. корпоративные «опасности». Более подробное исследование показало, что для большинства организаций периоды дестабилизации и появления корпоративных опасностей являются относительной нормой, но существуют организации, которые можно назвать «условно патогенными», в них угрозы КБО «вшиты» в саму ткань спроектированной организации, что согласуется с исследованием М.К. де Врие и Д. Миллер ([эл. ресурс]) о психопатологических критериях организационной культуры, в котором был проведен перенос на организацию психопатологических критериев, использующихся в отношении отдельных личностей.

Проведенные нами исследования (Бусыгина, Перелыгина, 2010) позволяют вскрыть иерархию компонентов КБО (см. рисунок). Приведенная иерархия отражает внутреннюю сторону структуры КБО, связанной с личностным центром в континууме «человек—организация» и с отношениями в нем.

Необходимое условие формирования КБО — информированность сотрудника об организации, в которой он работает. Новый материал становится условием формирования целостной картины, благодаря которой сотрудник может почувствовать, ощутить свою принадлежность к организации, «присвоить» ее цели, ценности, нормы. Так, некоторые организации фиксируют основополагающие ценности в письменном виде, чтобы затем передавать их следующим поколениям сотрудников. Идентификация с организацией в свою очередь функционально порождает социальную ответственность персонала. В понятие корпоративной социальной ответственности исследователи включают корпоративную этику; корпоративную социальную политику в отношении общества; политику в сфере охраны окружающей среды; принципы и подходы к корпоративному управлению; вопросы соблюдения прав человека в отношениях с поставщиками, потребителями, персоналом; политику в отношении персонала (Харский, 2008). В свою очередь корпоративная социальная ответственность является сама по себе ценностью, регулирующей поведение и иные социально-психологические параметры существования человека в организации.

В процессе «включения» в компанию главное, что предстоит работнику, — усвоить профессионально-значимые ценностные ориентации. Для новичка в компании корпоративность определяется принадлежностью к профессиональному сообществу. Следовательно, корпоративные ценности специалиста в современном обществе — это предпочтения

определенных смыслов и построенных на их основе способов поведения и взаимоотношений человека в профессиональном сообществе. В результате успешного вхождения человека в корпоративное организационное пространство, в поле собственного профессионального Я включаются обобщающие корпоративные ценности: профессиональная компетентность, репутационный менталитет¹, профессиональная этика и др. Сферы должного и сущего сливаются, порождая новую организационную реальность, где можно действовать, понимая смысл и ценность того, что делаешь. Итак, констатируем факт принципиальной важности идеологии корпоративности для обеспечения безопасности организации. Однако его признание не есть практическое воплощение. Сущность корпоративности (корпоративных отношений, корпоративного управления) ясна, но организационные и психологические средства ее достижения до конца не определены, не апробированы и не обобщены (Смирнова, 2008).

3. Научные исследования и практика управления производством и профессиональными взаимодействиями убедительно свидетельствуют, что значительные резервы роста производительности труда и продуктивности жизнедеятельности организации в целом заложены в отношениях между работниками организации и управленческими кадрами. Эти отношения оказывают существенное влияние на результативность совместной деятельности, интерес к работе, отношение к профессии и организации, безопасность в целом. Иными словами, существует фундаментальное противоречие между функциональным отношением руководящей системы к персоналу организации как к ресурсу, который надлежит эффективно использовать, и разобщенностью интересов, ценностей в континууме «человек—организация».

Понимание и высокий индекс значения фактора корпоративности приводит к использованию в практике менеджмента исторически известных, но новых для современного бизнеса манипулятивных инструментов достижения и поддержания корпоративности в управлении персоналом.

Формирование в корпоративном сознании «образа врага» — известный способ пропаганды, используемый для сплочения коллектива и корпоративности. В современном менеджменте появилась практика проведения «пятиминуток ненависти» к конкурентам (так, например, в старых корпоративных заповедях ТС «Пятерочка» много написано о врагах: «Нашими врагами являются те сотрудники, которые пытаются нарушать Пирамиду соответствия, нанести другой вред Компании и сотрудникам»; поклонение волшебной «Пирамиде соответствия» в «Пятерочке» было приравнено к личному успеху). С психологической

¹ Под репутационным менталитетом специалиста понимается динамичная система профессионально-личностных корпоративных ценностных ориентаций.

точки зрения подобное корпоративное позиционирование может указывать на шизоидное расстройство, однако оно хорошо формируется при актуализации архетипа общинности.

Помимо идеологической обработки компании часто практикуют слежку за работниками. По данным исследований, проведенных специалистами портала *Superjob*, 28% российских работодателей отслеживают переписку сотрудников по корпоративной почте. Эксперты портала *rabota.ru* утверждают, что тоталитарный стиль корпоративной культуры часто практикуется в компаниях, где топ-менеджеры — бывшие военные. По их словам, заботливая *HR*-служба опекает работников действительно тотально, проводя постоянные тренинги, тимбилдинги, личные и профессиональные ассесменты. В результате у сотрудника интериоризируется, «монтируется» четкая корпоративная «матрица», которая постепенно вытесняет личное осознание. Такими сотрудниками легко управлять, и именно в таких организациях внутренняя безопасность находится на высоком уровне, однако истинная продуктивность развития организации и человека в ней оказывается низкой, ибо нравственные регуляторы деятельности «выключены». Объясняется это тем, что каждый человек обладает некоторой системой нравственных ориентаций, представлений о «добре и зле», которые он осознанно применяет относительно всего спектра своих отношений с окружающим миром, включая и мир корпоративный. Нравственный фактор в системе безопасности создает феномен под названием «предел моральной упругости». Его корпоративная интерпретация связана с оценкой устойчивости организации к угрозам внешней и внутренней среды, готовностью защищать организацию. Именно этот феномен отсутствует в организациях с зомбирующей, тоталитарной корпоративной культурой.

Таким образом, мы приходим к заключению, что основанием КБО выступает идея корпоративности как системное новообразование на пути развития организации. Именно развитие этой идеи делает возможными гибкость и мобильность организационной системы, проактивность ее поведения, готовность к изменениям, способность реагировать на динамику глобального мира, что предопределяет безопасность организации и сотрудников, персонала в целом. Целостное видение этих процессов составляет эффективную психологическую систему обеспечения КБО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агейкина В.В.* Социально-психологические механизмы развития организационной приверженности персонала: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
Бородин И.А. Психология корпоративной безопасности. М., 2008.

Бусыгина И.С., Перельгина Е.Б. Основные закономерности обеспечения корпоративной безопасности организации. М., 2010.

Врие, де, М.К., Миллер Д. Психопатологические критерии организационной культуры. URL: <http://hq.soc.ru/publications/jssa/1998/4/kapus.html>

Гидденс Э. Социология. Глоссарий: основные понятия и важнейшие термины. М., 1999.

Ермолаева Е.П. Психология реализации профессионала в условиях социально-экономических изменений: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.

Мертон Р.К. Референтная группа и социальная структура. М., 1991.

Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. 4-е изд. М., 2001.

Смирнова И.А. Система корпоративной культуры организации (психолого-акмеологические аспекты). Иваново, 2008.

Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979.

Триандис Г.С. Культура и социальное поведение: Учеб. пособие / Пер. В.А. Со-снин. М., 2007.

Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. СПб., 2003.

Харский К.В. Принципы ценностного управления. М., 2008.

В. П. Беляев, Н. Г. Валиев, Х. Халилу

ПСИХОЛОГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Доклад посвящен актуальному вопросу влияния корпоративных отношений на формирование позитивного имиджа организации. Исследуется взаимосвязь таких факторов становления и успешного функционирования корпоративных отношений, как уровень экономического мышления, психологическая культура, стиль руководства и др.

Ключевые слова: имидж, имидж организации, корпоративные отношения.

The report is dedicated to a pressing issue of corporate relations influence on a favorable image build up. The authors explore factors of formation and successful performance of corporate relations such as economic thinking level, psychological culture, leadership style and others in their interconnection.

Key words: image, image of the organization, corporate relations.

Формирование позитивного имиджа организации и формирование корпоративных отношений в организации — одни из главных задач деятельности любой корпорации. Значимость этих задач обусловлена тем, что между ними должно быть гармоничное соответствие, так как вид корпоративных отношений существенно влияет на имидж управленческой команды и самое главное — персонала организации, а эти виды имиджа являются важными структурными компонентами имиджа организации.

Формирование позитивного или эффективного имиджа организации — одно из важнейших направлений деятельности любой корпорации. Современная организация, созданная для достижения конкретных целей, осуществляет свою деятельность в условиях разнообразных взаимодействий и взаимосвязей, в окружении, имеющем разнообразные интересы, — экономические, политические, правовые, социальные и пр. К тому же организация постоянно находится в системе

Беляев Владислав Петрович — канд. филос. наук, доцент, начальник Управления международной деятельности Уральского государственного горного ун-та (Екатеринбург, Россия). *E-mail:* umd@ursmu.ru

Валиев Нияз Гадымович — докт. техн. наук, профессор, проректор по научной работе Уральского государственного горного ун-та (Екатеринбург, Россия). *E-mail:* Valiev_N@ursmu.ru

Халилу Хасен — профессор экономики Университета Баджи Мохтар (Аннаба, Алжирская Народная Демократическая Республика).

разнообразных воздействий, которые, несомненно, оказывают влияние на ее деятельность и принятые решения. Поэтому регулирование этих сложных взаимодействий считается одной из важнейших функций организации, обуславливающей успешность ее деятельности. Такая регуляция отношений с другими организациями, группами, общественностью в основном направлена на достижение взаимного доверия, гармонизацию отношений.

В последние годы новое слово «имидж» стало необыкновенно популярным и вытеснило русские синонимы. Стали привычными такие выражения, как «имидж политика», «имидж организации», «имидж проекта», «имидж города или региона» и пр. Появилось немало специалистов по формированию любого «эффективного имиджа» — имиджмейкеров, увидели свет публикации по проблеме имиджа, даже заявлена новая наука — имиджелогия. На формирование привлекательного имиджа тратятся огромные средства, особенно в период избирательных кампаний. Правда, оценить результативность деятельности имиджмейкеров очень сложно. С момента первых работ по созданию эффективного имиджа, когда проблема решалась на уровне, соответствующем крылатым выражениям «Имидж у меня нормальный — на здоровье не жалуясь!» или «Главное в имидже — прическа и галстук», прошло несколько лет. В этот процесс активно включилась наука, прежде всего психология. Это естественно, потому что имидж — не что иное, как особый психический образ и содержание его сугубо психологическое.

Высокая регулирующая сила имиджа обуславливается еще и тем, что, как говорят психологи, *«имидж — это реальность иллюзорного пространства»*. Считается, что мы живем как бы в двух мирах — реальном и иллюзорном (мнимом). В реальном мире происходят события, действуют люди, доминируют отношения, смысл, значения и характеристики которых адекватно отражаются в сознании людей. В нем нет (или очень мало) лукавых версий, искажения и обмана. Если, к примеру, у человека имеется маниакальная акцентуация и поэтому он рвется к власти, то так и говорится, а не навязывается мнение, что он «активно выступает за радикальные реформы в интересах населения». В иллюзорном пространстве реальность целенаправленно искажается и определенным образом преподносится обычно в соответствии со скрываемыми интересами. Поэтому в большинстве случаев мы имеем дело не с истинной информацией о ком-либо или о чем-либо, а со специально сконструированными ее образами, имеющими, как правило, характер стереотипов и установок. Иными словами, мы живем в мире внушенных установок, весьма далеких от реальности. На этом, собственно, и строится реклама с ее «хрустящим счастьем» и «райским наслаждением», на этом строится и политика, где, по меткому выражению американских специалистов, «конкурируют не политики, а их имиджи».

Таким образом, имидж — это манипулятивный, привлекательный, легко трактуемый психический образ, воздействующий на эмоциональную сферу человека и на его подсознание, а через них — на объяснимые механизмы сознания и поведения, на осуществляемый человеком выбор. Действие имиджа основано на сильном эмоциональном впечатлении, когда снижаются механизмы сознательного контроля. Вот в чем главное отличие имиджа от психического образа, отражающего характеристики кого-либо или чего-либо. Если вернуться к первоначальной мысли, то можно утверждать, что репутация, престиж — категории рассудочные, когда отношение возникает в результате осознанного выбора, рационального аргументированного сравнения. А имидж дает иллюзию качеств и свойств. Поэтому сейчас многие стали бороться именно за формирование привлекательного имиджа, а не за репутацию или престиж.

Имидж руководителя, так же как и имидж лидера, во многом сходен по своим характеристикам с политическим имиджем, а его психологические характеристики, модели и технологии создания следует рассматривать специально. Это психологическое сходство обусловлено тем, что в силу деятельности «паблик рилейшнз» многие руководители становятся как бы «публичными руководителями», а такой вид деятельности по своему содержанию близок к деятельности политической (за исключением, пожалуй, идеологической окраски, которая для многих политиков — просто фон, прикрывающий их отчетливые экономические интересы). Имидж персонала следует рассматривать в контексте его профессионализма и существующих корпоративных отношений. Главное, что хотелось бы еще раз подчеркнуть, формирование имиджа — задача, прежде всего, психологическая и без психологии решить ее весьма затруднительно.

Как отмечалось, необходимо стремиться к достижению гармоничного соответствия между внешним и внутренним имиджами организации, а это во многом зависит от существующих в ней отношений. Принято считать, что эта гармония достигается, когда сформированы *корпоративные отношения*, которые сейчас рассматриваются как оптимальные в сложных ситуациях экономических и иных взаимодействий. Во многих публикациях по «паблик рилейшнз» постоянно подчеркивается необходимость создания именно корпоративных отношений в организации и повышения корпоративной культуры персонала и аппарата управления. Мало того, указывается, что и во внешних связях организации надо также добиваться корпоративности в отношениях. Правда, конкретные пути и методы обычно описываются в значительной мере обобщенно, загадочно, а то и просто неконкретно.

Психологический анализ данной проблемы, анализ опыта работы «продвинутых организаций» позволяет сформулировать весьма конструктивные психологические рекомендации, направленные на

создание корпоративных отношений. Они исходят из сущности этих отношений.

Корпорация определяется как сообщество, союз группы людей, объединенных общностью каких-либо интересов. Соответственно *корпоративные отношения* совершенно справедливо рассматриваются как результат осознания всеми участниками взаимодействий принадлежности к единой общности.

Для организации корпоративные отношения очень важны, ибо если они сформированы, то между участниками взаимодействий возникает симпатия, гармонизируется психологический климат, в работе повышается уровень взаимовыручки и взаимопомощи, повышается ответственность, снижается уровень и острота конфликтов. Развитие корпоративных отношений способствует улучшению экономических показателей деятельности организации.

Считается, что основной путь достижения корпоративных отношений — это совместная деятельность, объединенная общими интересами и привлекательными целями (В. Врум, П. Друкер, У. Оучи, Т. Питерс, Ф. Герцберг, М. Хассель и др.). Считается, что если каждый работник в организации будет еще и в известной мере ее собственником, то у него коренным образом изменится отношение к ней и отношение к сослуживцам и руководителям. Было доказано, что в настоящее время для формирования корпоративных отношений весьма привлекательна так называемая *лично-корпоративная*, или либерально-общинная, форма собственности.

Итак, первый фактор, способствующий формированию корпоративных отношений, — это **владение частью собственности**.

Этот фактор считается определяющим, но не единственным. Доказано, что важен также **уровень экономического мышления**. Поэтому признается необходимой постоянная и целенаправленная работа по повышению квалификации и экономической компетентности персонала. Она позволяет стимулировать желание принимать участие в управлении в качестве ассоциированного собственника, раскрепощает и повышает инициативу.

Специалисты в области экономической психологии считают важным фактором формирования корпоративных отношений высокую **психологическую культуру** персонала и руководства. Было показано, что она способствует: а) корпоративному мышлению, осознанию чувства сопричастности и ответственности; б) самоидентификации в компании; в) установке и сильной мотивации на достижение общих корпоративных целей и интересов.

Значительное влияние на формирование корпоративных отношений оказывает стиль руководства. Сейчас наиболее прогрессивным в этом смысле считается патернализм, при котором руководитель или хозяин рассматривает персонал буквально как членов своей семьи и

соответственно строит отношения с ними. В этом случае даже недостатки в стиле управления, например некоторая авторитарность, будут восприниматься сквозь призму «семейных интересов».

Важное следствие реализации принципа патернализма — оптимизация **делового и управленческого общения**. Тот или иной стиль общения обычно оценивается как проявление отношения, особенно если общение протекает в иерархически организованной системе. Согласно существующим психологическим рекомендациям, управленческое общение связано: а) с уменьшением доли субординационного общения; б) с повышением доли служебно-товарищеского и даже доверительного общения; в) с доброжелательностью и конструктивностью.

В системе корпоративных отношений значительную роль играет видение **личной перспективы**. Поэтому продвинутой части персонала целесообразно разрабатывать индивидуальные программы личностно-профессионального развития, а некоторым работникам — и индивидуальные планы профессиональной карьеры.

Среди других факторов надо назвать комфортные условия труда, высокий уровень психологического обеспечения кадровой работы, авторитет руководителя или лидера.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что корпоративные отношения — важная составная часть привлекательного имиджа организации. Исследования в этой области, безусловно, необходимо продолжать.

А. В. Дроздова

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕКЛАМЫ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Безопасность личности в информационном пространстве рассматривается как одна из центральных ценностей современного общества. Каналом воздействия на личность в информационном пространстве является реклама, влияние которой носит амбивалентный характер. Рекламная безопасность связана с проблемами свободы выбора и идентичности человека в современном информационном обществе.

Ключевые слова: информационное общество, манипуляция, безопасность личности, воздействие рекламы, медиа-субъект.

Personality safety is considered to be one of the fundamental values of modern society. In information field advertising acts as one of the channels effecting personality and its impact is of ambivalent, dual nature. Advertising safety is linked with freedom of choice and individual's identity in modern information society.

Key words: information society, manipulation, personality safety, advertising impact, media-subject.

В условиях «медиатизации» современного мира изменились не только содержание и направленность коммуникации, но и формы общения людей. В связи с переходом к информационному обществу, увеличением масштабов и усложнением содержания и структуры информационных потоков и всей информационной среды многократно усиливается ее влияние на человека, а темпы этого влияния стремительно возрастают.

Современный человек — это «медиа-субъект», живущий в ситуации медийной удвоенности, где знак, по мысли Ж. Бодрийяра, существует сам по себе, не отсылая более ни к референту, ни к реальности. Согласно Бодрийяру, не только закончилась история, но сама реальность уступила место тотальной ее симуляции (имитации). Реальность не просто отчуждается, она исчезает, а вместе с ней исчезает и общий субстрат человеческого опыта, заменяясь множеством знаково произвольных и относительных картин мира. Общий источник внешних угроз информационно-психологической безопасности личности — та

Дроздова Алла Владимировна — канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой рекламы Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург). E-mail: drozdovaalla@mail.ru

информация, которая не только вводит людей в заблуждение, в мир иллюзий, не позволяет адекватно воспринимать окружающее и самого себя, но и травмирует сознание индивида своим возрастающим количеством.

Взаимодействие человека с информационной средой — это сложный и противоречивый процесс, который включает в себя как влияние информации на человека, так и обратное воздействие человека на поступающую информацию, ее анализ и корректировку. Таким образом, взаимодействие информационной среды и человека в современном мире не следует представлять как одностороннее движение от одного участника взаимодействия к другому. Это взаимодействие носит процессуальный и ситуационный характер, во многом зависит от моментальных, темпоральных особенностей и подробностей жизни. То, что в прошлом веке А. Тойнби адресовал диалогу цивилизаций («вызов—ответ»), сейчас можно отнести к взаимодействию личности и информационной среды как постоянную доработку и уточнение взаимных требований и рекомендаций.

К таким «вызовам» современной эпохи Л.В. Матвеева относит следующие характерные черты (Матвеева и др., 2000).

1. Развитие средств массовой коммуникации породило феномен «дефицита от изобилия». Этот дефицит проявляется в недостатке информации о причинно-следственных связях. Современный индивид всему открыт, но воспринимает все как знаковую поверхность, не пытаясь даже проникнуть в глубину вещей, в значения знаков. Все воспринимается как цитата, условность, за которой нельзя отыскать никаких начал, истоков, происхождения.

2. Повсеместное распространение экранных средств коммуникации превратило все стороны жизни общества (общественно-политическую жизнь, информационные взаимодействия, межличностное общение и т.д.) в спектакль или отрежиссированную игру.

3. Современное общество конституируется как общество тотальной зрелищности — так называемой витрокультуры, в которой визуальные коды и визуальные образы стали основным средством передачи информации.

Если в XX в. М. Маклюэн рассматривал медиа только как внешнее расширение человека, то уже в XXI в. медиа становятся продолжением наших психологических функций, создавая новые формы мышления, памяти и даже новые потребности. Сейчас человек переходит от получения информации не с листа, а с экрана, главным носителем текста стал экран телевизора или компьютера. Возникли огромный избыток информации («шум») и огромная скорость, создавшие новый тип чтения без диалога — чтение-потребление. Текст на экране построен как поток «микрособытий», и это привело к кризису «макротекста», объясняющего мир и общество, к глубокому кризису традиционных ценностей.

Другая важная проблема, связанная с влиянием на личность современного информационного общества, — усиление настроений агрессии, страха и, как следствие, разрушение социальных связей. Деятельность СМИ во многом определяет социальное самочувствие населения, может способствовать развитию в обществе толерантности или, наоборот, агрессивности. Исследователи, занимающиеся проблемой агрессии и насилия, указывают на важную роль средств массовой коммуникации, в первую очередь телевидения, в распространении этих форм поведения.

Важно также отметить, что противоречивость современности, принципиальная открытость и плюрализм информационного общества порождают у человека серьезные проблемы ориентации и ставят вопрос о его собственной идентичности. Неслучайно в своих работах Г. Бехман (2007) определяет современное общество как общество риска, в котором безопасность поднята до уровня центральной ценности. Это одно из тех понятий, которое конституирует саму социальную реальность и способно объяснить сложность взаимодействия человека и информационной среды. В современном информационном пространстве одновременно с увеличением возможностей и разных точек зрения возрастает и необходимость выбора. Такое представление о безопасности имеет под собой глубокую историческую и философскую традицию, идущую еще от Сократа и Платона. В диалоге Платона «Лахес» неразрешимость антиномии человеческого существования преодолевается путем сознательного выбора своего пути, когда человек делает ответственный и мужественный шаг в ситуации риска. Так и в современном информационном обществе безопасность личности связана с преодолением социальных шаблонов и стереотипов, с отстаиванием своей позиции в мире все возрастающих возможностей-рисков. Поэтому, на наш взгляд, особое значение в решении проблемы безопасности личности приобретает именно социально-психологический аспект, который позволяет раскрыть главные механизмы взаимодействия человека и современного информационного общества.

Проблема безопасности личности напрямую связана с «технологиями» современной жизни, их позитивными или негативными влияниями на человека, с одной стороны, и противостоянием самого человека нежелательным и разрушающим воздействиям, с другой стороны. В данном случае под социально-психологической безопасностью личности в условиях современного общества мы понимаем некую жизненно важную среду обитания человека (своеобразную «экологию личности»), где происходит защита суверенитета личности, границ ее субъективности и ценностей, где личность способна принимать оптимальные для себя решения и отстаивать свою жизненную позицию.

В информационном пространстве современного общества реклама — наиболее важный канал, оказывающий воздействие на человека. Сегодня любой человек становится действенным участником культурного поля, занятого рекламой. И этот процесс не зависит от личных пристрастий реципиента, поскольку чертами рекламы являются повторяемость, навязчивость, заставляющие нас включать производимые ею высказывания в свой жизненный горизонт.

Существует устойчивое мнение о негативном влиянии рекламы на личность. В литературе, например, можно встретить следующие суждения. Реклама «оскорбляет наши взоры и портит пейзажи, она лжет, развращает любую добродетель и подкупает всякую критику» (Поль Валери). Реклама — «сильнейшее средство давления и оболванивания, в основе которого лежит представление о человеке как о самом тупом из животных» (Жорж Дюамель) (цит. по: Рюмшина, 2004, с. 5). Однако А. Веригин еще в 1898 г. показал двойственное влияние рекламы на личность: «...Цель рекламы — обратить внимание возможно большего числа людей на тот или иной факт, на ту или иную мысль, на то или иное лицо. В зависимости от того, что именно несет реклама, к чему возбуждает внимание, что именно проповедует, и может решиться вопрос о ее пользе или вреде. В одном случае она может явиться благодеянием, в другом — бедствием, как всякое другое орудие цивилизации» (Веригин, 1898, с. 5—6).

Как видно из приведенных высказываний, многие считают, что цель рекламы — умело скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства товара или услуги. Поэтому реклама (по крайней мере, большая ее часть) — обман. Несмотря на внешнюю простоту, реклама использует достаточно сложные механизмы воздействия на человека. Риски для потребителя могут быть связаны не только с тем, что недобросовестная реклама намеренно вводит его в заблуждение, но и с тем, что она освобождает человека от необходимости мыслить самостоятельно, взвешивать соответствующие обстоятельства.

Технологии воздействия рекламы на личность носят ярко выраженный манипулятивный характер. А.Н. Лебедев (2000) выделяет две методологические традиции (условно «немецкую» и «американскую») в психологии рекламы, которые по-разному оценивают возможность рекламы воздействовать на сознание людей. В рамках первой традиции реклама рассматривалась главным образом как суггестия — способ психологического воздействия на волю человека с целью создания у него потребности в рекламируемом товаре. Предполагалось, что потребности можно создавать в известном смысле искусственно путем внушения. Однако с ростом потребительского рынка, избытком товаров и услуг формируется и закрепляется представление о том, что реклама направлена не на подавление воли покупателя с целью «искусственно создавать у него потребность в рекламируемом това-

ре», а на управление принятием решения о выборе товара или услуги. «Рынок продавца» постепенно вытесняется «рынком покупателя», т.е. главной фигурой в процессах производства продукции становится ее потребитель, получающий максимальные возможности для выбора. В результате знаменитых Хоторнских экспериментов (общее название ряда социально-психологических экспериментов, проводившихся группой ученых под руководством Э. Мэйло в США в 1920—1930-х гг.) было доказано, что рассматривать потребителя как объект суггестии, манипулирования и прямого воздействия во многих случаях нецелесообразно.

Современный подход к теории рекламной коммуникации состоит в том, чтобы рассматривать механизм ее воздействия на потребителей не как принуждение, а как обольщение, соблазнение рекламным дискурсом. Обольщение понимается как особая манипулятивная стратегия, пронизывающая все уровни информационного общества, в котором мы живем, — от политики до рекламы. Соблазн — это «замена реального знаками реального» (Бодрийяр, 2000, с. 5), при этом знак воспринимается в рекламе гораздо реальнее, чем сама реальность. Обольщение в современной рекламе часто происходит путем «иллюзорного, виртуального изображения не пережитого» (Липовецки, 2001, с. 43). В книге «Американа» культурологи П. Вайль и А. Генис отмечают, что «от рекламы не требуется реализма. Пусть человек несовершенное, противоречивое, иррациональное существо, но он верит, что есть другой, идеальный мир, в котором жизнь строится по внятным, правильным законам. Задача рекламы состоит не в том, чтобы продать сковороду, а в том, чтобы потребитель подсознательно стремился отождествить себя с героем «коммершлз». Тогда он купит сковородку не для того, чтобы стать жарить яичницу, а для того, чтобы стать участником идеальной экранной жизни» (Вайль, Генис, 1991, с. 25).

Реклама как мифологизированная коммуникация строится на отмене повседневности и внедрении «небудничного» в жизнь. Для этого реклама использует образы, которые переносят потребителя из повседневной-упорядоченной жизни в атмосферу праздника, создавая «тексты-удовольствия», вызывающие эйфорию. Так, рекламная кампания «Кока-колы» убеждает потребителей поддаться «серебряному искушению» и купить напиток в новой упаковке, обещая удовольствие от вкуса и возможность получения подарков, призов.

Соблазняя, современная реклама вынуждена делать акцент не на товаре, а на потребителе, его тайных вкусах и склонностях, стиле жизни, языке общения. Только хорошо изучив мотивы и потребности человека, рекламисты могут осуществлять контроль над его мыслями, чувствами, поведением и жизненными установками, управлять его отношением к рекламируемому товару. Современный потребитель больше не доверяет прямой (эксплицитной) рекламе,

открыто заявляющей об уникальных свойствах товаров/услуг, поэтому рекламная коммуникация все больше приобретает характер не прямой и скрытый (имплицитный). При этом потребитель понимает, что реклама должна продать ему товар, т.е. осознает ее цель, но не осознает ее стратегию, не манифестированную в рекламном сообщении и призванную, в конечном счете, побудить потребителя к покупке рекламируемого товара. По мнению Л.И. Рюминой, определяющим признаком манипуляции является не просто наличие воздействия (оно присутствует и при неманипулятивном убеждении), а его особый характер. Именно эта скрытость стратегии позволяет определить ее как манипулятивную. Стратегия здесь проявляет себя комплексно, «имеет два смысловых уровня: один — явный, другой — скрытый. Наличие двойного воздействия можно считать главным признаком манипулятивного воздействия» (Рюмина, 2004, с. 43). Для успеха манипуляции существенно, чтобы адресат оставался в неведении относительно ее скрытого смысла. Именно поэтому говорят об искусстве манипулирования, суть которого заключается в такой организации сообщения, чтобы человек, на которого направлена манипуляция, об этом не догадывался.

Для манипулятивной рекламной стратегии характерно, прежде всего, обращение к эмоциональной сфере, а не к логике. Включение последней предполагает убеждение, некую рациональную деятельность по осознанию предлагаемой информации, что может пресечь манипулирование. Поэтому рекламные объявления чаще всего сводятся в одно предложение (что отличает эмоциональную стратегию), а не в развернутые аргументационные схемы, свойственные рациональным аргументам. Манипулятивная рекламная стратегия отражается и на тактике. Для страховки от случайностей манипулятивные приемы будут появляться с определенной частотой во всех рекламных сообщениях данной фирмы.

Способы организации манипулятивной рекламной коммуникации постоянно совершенствуются. Е.В. Медведева выделяет прием «сияющего обобщения», использующего эмоциональные и положительно окрашенные метафоры, появляющиеся в рекламе характеристик товаров, например: «белоснежная улыбка», «свежесть морозного утра», «волосы легкие, как пух». Таким образом, рекламируемый товар как бы присоединяют к группе продуктов, обладающих указанным свойством, и он «автоматически вбирает в себя их положительные черты, пусть и не названные в рекламном сообщении» (Медведева, 2004, с. 68). Метафора создает красочный образ, и чем парадоксальнее метафора, тем сильнее ее манипулятивное воздействие.

Нередко в манипулятивной коммуникации используется воздействие на общечеловеческие особенности, эксплуатируются человеческие инстинкты, страсти, естественное любопытство,

желания, влечения (особенно сексуальное как наиболее сильное), психофизиологические потребности и др. Сюда же может быть отнесено влияние на архетипические слои бессознательного. Нужно отметить, что противостоять такому уровню манипулирования крайне трудно. Конечно, это далеко не полный перечень способов манипулирования. Механизм их осуществления может быть описан в русле различных психологических теорий: теории когнитивного диссонанса Фестингера, законов восприятия, предложенных гештальтпсихологами (прежде всего, эффект незавершенного действия), теории поля К. Левина, «редукции напряжения» и некоторых других. Суть их сводится к следующему: вызвать внутри человека дисбаланс, диссонанс, внутренний дискомфорт. Стараясь восстановить утраченное равновесие, человек с готовностью получает и скрытый смысл сообщения манипулятора. Чтобы это произошло именно по данной схеме, человека нужно лишить свободного выбора, точнее, создать его иллюзию. Обеспечивается это за счет своеобразной организации условий прохождения манипуляции, создания или использования уже имеющейся ситуации, невыносимой для объекта манипуляции и удобной для манипулятора.

Реклама существует в изменяющемся мире и быстро реагирует на изменяющиеся потребности человека, более того, она не только отражает запросы потребителей, но и сама подвергается их влиянию. Известный манипулятивный прием «ссылка на авторитет», который строился на рекомендации того или иного товара «известными людьми», претерпел существенные изменения. Сегодня в рекламной коммуникации в качестве статусной персоны активно используется рядовой человек, чье мнение важно для большинства. В недавней рекламной кампании «*Drive One*» компания *Ford* в коротких роликах использовала обычных людей, которые говорят о том, что интересуется клиентов (от бортового компьютера до лючка бензобака для заправки автомобиля). Потребители высоко оценили эту рекламу, так как в ее персонажах многие узнали себя, тем самым попав в фокус массового внимания. «*Come as you are*» («Приходи таким, какой ты есть») — это не только новое позиционирование *McDonald's*, но и новый тренд рекламной коммуникации, утверждающей ценность индивидуальной свободы и личности. Но истинна или мнима свобода самоидентификации путем использования массово производимых и продаваемых товаров, всегда вопрос спорный (Бауман, 2008).

Таким образом, вопрос о безопасности личности в социально-психологическом аспекте представляет собой антиномию-проблему «личность—информационная среда», не имеющую простого решения. Признавая приоритетную роль рекламы в информационном потоке, не следует давать одностороннюю оценку ее влияния на личность (позитив/негатив). Текущий и дискретный характер взаимодействия человека и

мира приводит к тому, что человек постоянно находится в ситуации выбора, принятия жизненно важных решений, которые являются основой для социально-психологической и в том числе рекламной безопасности личности. В этом социально-психологическом контексте личность решает вопросы своей судьбы, предназначения, идентичности, а конкретно — своей безопасности, т.е. своего права на выбор в современном информационном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
- Бехман Г.* Современное общество как общество риска // *Вопр. философии.* 2007. № 1. С. 26—46.
- Бодрийяр Ж.* Соблазн. М., 2000.
- Веригин А.И.* Русская реклама. СПб., 1898.
- Вайль П., Генис А.* Американа. М., 1991.
- Лебедев А.Н.* Две методологические традиции в организации научно-практических исследований и разработок психологии рекламы // *Психол. журн.* 2000. Т. 21. № 4. С. 89—97.
- Липовецки Ж.* Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб., 2001.
- Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В.* Психология телевизионной коммуникации. М., 2000.
- Медведева Е.В.* Рекламная коммуникация. Изд. 2-е, испр. М., 2004.
- Рюмина Л.И.* Манипулятивные приемы в рекламе. М., 2004.

Л. В. Матвеева, Е. В. Лаврова

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОПАСНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ СМИ

В статье описывается исследование кратковременного и долговременного воздействия СМИ на представление об опасности (ПО). С помощью авторского опросника «Оценка опасных ситуаций» выявлены субъективные ПО, и на их основе разработана новая классификация представлений об опасностях. Показаны различия в ПО у мужчин и женщин и особенности их трансформаций под влиянием новостных передач. Даны рекомендации к составлению новостных выпусков с учетом психологических механизмов восприятия опасных ситуаций, показываемых по телевидению.

Ключевые слова: представление об опасности, средства массовой информации, телевидение, новостной дискурс, опросник «Оценка опасных ситуаций».

This article describes a study of short and long term effects of media on the danger perception. With the new questionnaire «Dangerous situations assessment» were refined by the existing classification of dangers, as well as developed a new classification based on subjective perceptions of dangerous situations. We show the difference in perceptions of risk in men and women and especially their transformation under the influence of news coverage. We give recommendations for the compilation of news releases, taking into account the psychological mechanisms of perception of dangerous situations that are shown on television.

Key words: danger perception, mass media, TV, news discourse, questionnaire “Dangerous situations assessment”.

С появлением в истории человечества знака как специфического регулятора человеческой деятельности изменилась сама деятельность, а также психика человека. Знак стал орудием психической деятельности, средством для управления своим поведением и поведением других (Выготский, 1960).

Язык — это развитая система знаков, благодаря которой человек может достаточно быстро передать информацию письменно или устно. Постепенно скорость передачи информации увеличилась, первым шагом на этом пути стало изобретение книгопечатания, затем возник-

Матвеева Лидия Владимировна — докт. психол. наук, профессор кафедры методологии психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* matweewa-com@yandex.ru

Лаврова Елена Васильевна — аспирантка кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* may_day@list.ru

ли периодические печатные издания (газеты и журналы), телеграф, а XX в. — кинематограф, телевидение и интернет. Огромную роль в современном мире стали играть различные средства массовой информации (СМИ). Учитывая глобальность этого процесса, современный этап исторического развития принято обозначать как информационную революцию.

В результате информационной революции и появления новых технологий передаваемая информация перестала быть связанной с ее источником напрямую, т.е. с человеком, который ведет повествование. М. Маклюэн (2007) описывает, как вновь появляющиеся технологии меняли общественные отношения и стиль мышления людей. По его мнению, «средство есть сообщение», т.е. именно тот факт, что мы смотрим телевизор, оказывает на нас значимое влияние наряду с информацией, которую мы при этом воспринимаем. Одно и то же сообщение, переданное с помощью печати и с помощью телевизионной коммуникации, будет производить разный эффект, проявляющийся на разных уровнях сознания (Матвеева и др., 2002).

Поскольку СМИ — это новый мощный фактор, воздействующий на формирование картины мира человека, они требуют специального психологического исследования. Для оценки эффекта информационного воздействия важен как его семантический анализ, так и учет личностных особенностей воспринимающего субъекта. Для решения задачи изучения влияния СМИ требуются новые методологические приемы и методики.

В данном исследовании в качестве рабочей модели был выбран эффект трансформации представления об опасности под влиянием новостных сообщений. *Представление об опасности* (ПО) — чрезвычайно важная составляющая в картине мира человека. Оно существенно влияет на качество жизни людей. От ощущения наличия потенциальной опасности зависит мироощущение человека, уровень его тревожности. Поэтому исследование в этой области является весьма актуальным.

Понятие опасности описывает, с одной стороны, угрожающие человеку объекты и события реального мира, а с другой — создаваемую субъектом психологическую реальность. Некоторые психологи выделяют когнитивный и эмоциональный компоненты ПО, формирующиеся у человека в процессе адаптации к внешнему миру (Султанов, 2009; Schneier, 2008). В некоторых работах рассматривают три компонента: когнитивный, ситуативное психическое состояние и устойчивая личностная особенность (Савченко, Головина, 2006).

Когнитивный компонент ПО состоит в оценивании ситуации по ряду параметров. Выявление наиболее значимых параметров можно отметить в ряде работ, посвященных темам опасности и влиянию СМИ. Американский исследователь П. Словик, представитель Калифор-

нийской школы, полагает, что в ПО наиболее значимы два фактора, влияющие на оценку степени опасности. Это субъективные вероятности опасных событий и последствия их воздействия. Как отмечено в работе Т.В. Корниловой: «Улучшение работы СМИ в информировании людей о риске мыслится как перенос акцента с вероятностей, на которых обычно сфокусировано внимание, на потенциальные последствия» (Корнилова, 2003, с. 183). В предпринятом исследовании также предполагалось уточнить структуру представлений об опасности в виде отдельных параметров.

Цель и план исследования

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы выявить трансформирующее влияние информационных сообщений на ПО респондентов. При этом основное внимание уделялось когнитивному компоненту ПО, поскольку именно когнитивные психические функции обеспечивают обработку информации, оценку отдельных ее параметров, отбор наиболее значимых моментов, их сохранение и использование в виде обобщенных представлений. Когнитивные процессы обработки информации об опасности проявляются в изменении параметров ее оценивания.

Исследование строилось по следующему плану: 1. Выяснение того, как представлена опасность в сознании респондентов. 2. Составление списка ситуаций, наиболее часто расцениваемых как опасные. 3. Выявление основных параметров оценивания опасных ситуаций. 4. Исследование трансформации ПО под влиянием кратковременного и долговременного просмотра новостного контента.

Разработка пунктов опросника

Список опасных ситуаций, включаемых в опросник, был составлен в ходе предварительного сбора информации. Сначала респонденты отвечали на вопрос: «Что такое опасность?» Анализ ответов показал, что в субъективной картине мира опасность чаще описывается в виде определенных ситуаций или обстоятельств, которые угрожают жизни, здоровью или препятствуют удовлетворению потребностей личности. Затем респондентов просили перечислить конкретные ситуации, которые они оценивают как опасные. Набор наиболее часто упоминавшихся ситуаций стал базовым (стимульным) материалом, который предлагался респондентам для оценивания в форме выставления баллов в зависимости от значимости опасности (10-балльная шкала). На основании полученных ответов был составлен список ситуаций для опросника «Оценка опасных ситуаций». Ситуации подбирались с учетом существующих классификаций опасностей таким образом, чтобы были представлены разные типы опасностей.

Понятие опасности может быть отнесено к разнообразным явлениям и ситуациям, поэтому в созданных ранее классификациях использовались несколько подходов.

Одна из классификаций опасностей различает их по источнику возникновения. Опасность может исходить от людей, технических систем, обладающих значительной энергией, химически или биологически активных компонентов окружающей среды, от информационных источников и т.д. Например, выделяют техногенную, социальную, экологическую, военную, экономическую опасности. Часто упоминается радиационная или химическая опасность (Бельков, Мирошниченко, 2008). Опасности могут носить как внешний, так и внутренний экзистенциальный характер (Леонтьев, 2003; Франкл, 1990).

Можно выделить 4 основных уровня проявления опасностей: мировой или глобальный, уровень отдельных государств, уровень социальных групп (различных по количеству членов) и индивидуальный уровень. На таком подходе строится и соответствующая классификация (Коротец, 2003). Наиболее удачной, по-видимому, можно считать классификацию, предложенную немецким психологом Д. Галтунгом. Он классифицировал опасные ситуации по трем типам, исходя из критерия удовлетворения потребностей. Он выделил опасности, которые препятствуют удовлетворению физических потребностей, социальных и экзистенциальных потребностей. Например, к первому типу относится опасность голода, болезней, ко второму — опасность потерять социальный статус или свободу. Опасности, препятствующие удовлетворению потребности в идентичности, соответствуют экзистенциальным опасностям и относятся к третьей группе (Gultung, 1995). Сходная по структуре классификация приводится в работе Б. Щербатых (2002). В ней различные виды страхов разделялись также на три группы: биологические, социальные и экзистенциальные. К первой группе относятся страхи, непосредственно связанные с угрозой жизни или здоровью человека, вторая представляет боязни и опасения за изменение своего социального статуса, третья группа страхов связана с глубинной сущностью человека и характерна для всех людей вне зависимости от конкретных ситуаций.

Результаты, полученные в ходе опроса о характере опасностей, позволили уточнить классификацию, предложенную в работе Б. Щербатых. Согласно уточненной классификации, в ней представлены четыре основных группы опасностей: физические, социальные, экзистенциальные и inferнальные (или мистические) опасности, которые существуют в воображении человека.

На основании анализа существующих классификаций, а также результатов, полученных в ходе опроса о характере опасностей, нами была взята за основу классификация Б. Щербатых и уточненная классификация (рисунок), в которой учтены ПО, наиболее широко

представленные у опрошенных респондентов. Данная классификация базируется на источниках, которые продуцируют опасные ситуации. Данная классификация позволяет оценить состав сообщений новостных передач. В основном в новостных передачах речь идет о физических и социальных опасностях.

Таким образом, в опросник были включены 36 ситуаций различного типа, которые предлагалось оценить по степени выраженности опасности, также было оставлено 4 пустых места для ситуаций, которые респонденты могли по желанию дописать сами.

Разработка шкал опросника

Шкалами опросника стали параметры оценивания опасных ситуаций. Для их выявления использовались две методики: полуструктурированное интервью на тему «Представление об опасности» и модифицированная методика репертуарных решеток Келли, направленная на оценивание опасных ситуаций, освещаемых в СМИ. В данных процедурах приняли участие 12 респондентов в возрасте 25—45 лет — 6 зрителей и 6 авторов новостей.

Вначале с респондентами проводилась беседа на тему «Опасность в жизни и на экране», а затем им демонстрировались ранее записанные новостные сюжеты (видеоролики), объединенные в 5 групп по 3 сюжета в каждой. Видеоролики отбирались таким образом, чтобы достаточно полно представить разные типы опасностей. После просмотра респонденты составляли письменный отчет по аналогии с методикой решетки Келли.

В результате было выделено 5 основных параметров оценивания опасных ситуаций: интенсивность, глобальность, вероятность, контролируемость, близость. Параметр интенсивности оценивает величину ущерба, который может принести возникновение опасной ситуации;



Классификация опасностей

параметр глобальности — то, насколько человека может затронуть та или иная ситуация, касается ли она только его самого, его семьи или всей страны; параметр вероятности — насколько, с точки зрения конкретного человека, велика вероятность возникновения подобной ситуации в его жизни; параметр контролируемости — насколько сам человек способен воздействовать на ситуацию в том случае, если она возникнет; параметр близости опасности оценивает личный опыт сопричастности человека к подобной ситуации и зависит от того, сталкивался ли он или его близкие с ней ранее.

Данные анализировались с помощью частотного контент-анализа. Сравнялось количество упоминаемых слов-маркеров, относящихся к категориям того или иного параметра.

Сравнение частот встречаемости 5 параметров не выявило значимых различий в представлениях авторов и зрителей новостных сообщений об опасности и о роли телевизионной коммуникации в их формировании. Таким образом, можно заключить, что профессиональная принадлежность не является ключевым фактором в развитии ПО.

Согласно проведенному нами частотному контент-анализу наибольшую значимость из 5 выявленных параметров имеет контролируемость. Если человек считает, что он может заранее предвидеть ситуацию, повлиять на нее или успешно справиться с ее последствиями, то она представляется гораздо менее опасной.

Выделенные параметры составили шкалы опросника. Разработанный опросник был использован далее в основном исследовании, которое состояло из двух этапов. На первом этапе в нем было 36 ситуаций и одна шкала — «оценка опасности». На втором этапе в опросник было добавлено еще 12 ситуаций, а в качестве шкал использовались 5 основных параметров: интенсивность, вероятность, контролируемость, глобальность и близость опасности.

Трансформации ПО под влиянием долговременного и кратковременного просмотра новостного контента

На *первом этапе*, в котором участвовали 53 респондента (30 женщин, 23 мужчины), выяснялось, как влияет на ПО долговременный просмотр новостного контента.

Процедура. Респонденты заполняли опросник «Оценка опасных ситуаций». Затем в течение 3 недель они смотрели новости по каналу НТВ в 22.00 и в конце каждой недели снова заполняли тот же опросник.

Результаты. По средним баллам, выставленным респондентами различным ситуациям по критериям воспринимаемой субъективной опасности, были рассчитаны рейтинги для каждой опасной ситуации в отдельности как до, так и после воздействия.

До просмотра роликов самые высокие баллы получили следующие ситуации: война, потеря близкого человека, опасная болезнь,

попадание в заложники. Заметно, что все они так или иначе связаны с универсальным страхом смерти. Потере близкого человека и опасному заболеванию женщины придают несколько большее значение, чем мужчины. По-видимому, это можно связать с большей их ориентацией на семью и большей заботой о своем здоровье по сравнению с мужчинами. В категорию наименее опасных ситуаций попали: смотреть новости, внезапное отключение света и увидеть на небе комету.

После трехнедельного просмотра новостных роликов по 17 ситуациям из 36 значимо (получены достоверные статистические различия на уровне значимости 0.05) увеличились показатели в баллах по шкале опасности (статистическая обработка по критерию Фридмана). Иногда можно было проследить связь этих изменений с конкретными сообщениями: например, в новостях сообщалось, что пропала девочка в Красноярске, в результате люди стали больше беспокоиться о своих близких. Повышение показателей по большинству ситуаций связано, на наш взгляд, не с конкретными сообщениями, а с тем, что новости вызывают более настороженное отношение к миру, в котором высока степень неопределенности и непредсказуемости событий.

Появились и новые ситуации, воспринимаемые как опасные. Самая устойчивая — пожар. Со второй недели просмотра 40% респондентов начали стабильно вписывать ее в бланк опасных ситуаций. Очевидно, это было связано с новостным сообщением о пожаре в доме престарелых, повлекшем человеческие жертвы (Лаврова, 2009).

Таким образом, мы зарегистрировали все возможные трансформации ПО, описанные А.А. Леонтьевым (1975), а именно появление новых объектов, изменение отношения к опасностям и формирование общего тревожного эмоционального настроения.

На *втором этапе* выяснялось, как влияет на ПО кратковременный просмотр новостного контента и как изменяются параметры оценивания опасных ситуаций.

Процедура. Респондентам предъявлялась смонтированная 45-минутная запись сюжетов новостей, темы которых отражали различные виды опасностей (например, землетрясение, захват заложников, автоткатастрофы и др.) и предлагалось оценить каждую ситуацию по 5 параметрам: интенсивность, вероятность, контролируемость, глобальность, близость. Экспериментальная группа включала по 60 женщин и мужчин; контрольная — по 20 женщин и мужчин. Все респонденты в возрасте 18—25 лет. Схема исследования предполагала анализ ПО до и после просмотра сюжетов новостей. Сюжеты отбирались таким образом, чтобы в них были представлены разные виды опасностей.

Результаты. Кратковременный просмотр новостных сообщений оказал значимое влияние на респондентов, при этом изменилось

соотношение выделенных параметров. Достоверность изменения была подтверждена с помощью статистической обработки результатов. Эффект воздействия несколько различался в группах мужчин и женщин.

До просмотра сюжетов субъективная степень интенсивности опасности у мужчин была выражена сильнее, чем после. Для статистической обработки использовался критерий Вилкоксона для зависимых выборок. Значимо (на уровне значимости 0.05) повысилась субъективная степень вероятности возникновения ситуаций и степень их субъективной близости людям. Параметр субъективной неконтролируемости опасного события после просмотра новостных сюжетов также возрос, а субъективная глобальность слегка снизилась.

На женщин просмотр новостей оказал несколько иное влияние. В отличие от мужчин, у них снизились показатели по субъективной неконтролируемости события и возросли показатели по субъективной глобальности и степени опасности событий. Так же, как и у мужчин, у них увеличились показатели по параметрам субъективной вероятности события и его субъективной близости.

Разнонаправленные тенденции у мужчин и женщин, на наш взгляд, объясняются различиями в жизненных стратегиях мужчин и женщин, психологическими различиями полов. Мужчин новости заставляют задуматься о глобальных процессах, о том, что любое событие может иметь значение для большого числа людей, а женщины под воздействием новостной коммуникации сосредоточивают внимание на событиях, которые могут произойти в их жизни или жизни их близких.

Классификация представлений об опасности

Еще одним результатом нашей работы стала классификация ПО. В отличие от предложенной ранее классификации опасностей, классификация ПО базируется не на источниках опасности, а на внутренних процессах оценивания ситуаций, что выявляется по изменениям параметров ПО. Эта классификация учитывает субъективность в отношении к опасности. Она помогает обнаружить, за счет оценки каких параметров возможно искажение общей интегративной оценки уровня опасности, которое может возникнуть под влиянием поступающей от СМИ информации.

С помощью кластерного анализа в программе SPSS было установлено, что представления об опасных ситуациях разделяют их на 4 основных типа.

1) В первый тип входят опасности высокой интенсивности, повлиять на которые практически невозможно. Человеку крайне сложно совладать с ними. Он одинок пред лицом таких опасностей. Их можно назвать «неизбежными» или «непреодолимыми» Это: наступление

старости, изменения во властных структурах, внезапная смерть, смерть близкого человека, начало грозы.

2) Во второй тип входит большая часть опасностей из представленных в опроснике. Их можно назвать «знакомыми». Конечно, они случаются не каждый день, но, как правило, многие уже хоть раз сталкивались с подобными опасностями и имели опыт совладания с ними. Это: позднее возвращение родственников домой, внезапное отключение света, ссора, публичное попадание в неловкое положение, путь по темной улице и т.д.

3) Третий тип опасностей: оказаться за чертой бедности, испытывать ощущение ненужности, увольнение с работы, трогать пауков, змей, заплывать далеко в море, возмездие за грехи и т.д. В основном это опасные ситуации, в которые человек попадает по неосторожности или из-за недостаточной активности и предусмотрительности и несет определенную ответственность за случившееся. Несовладание с ними можно назвать расплатой за беспечность или некомпетентность. Осознание возможности подобных обстоятельств заставляет человека быть более деятельным и осведомленным.

4) В четвертый тип опасностей входят: начало войны, землетрясение, крушение самолета, поезда, потоп, наводнение, цунами, пожар и т.д. Эти опасности характеризуются высокой деструктивностью и низкой степенью возможного совладания. Это ситуации катастрофического характера, которые случаются нечасто и на которые крайне сложно оказать влияние. Особенность опасностей этого типа — высокая степень глобальности, так как при наступлении ситуации могут пострадать другие люди.

После просмотра новостных сюжетов структура ПО значительно меняется. Ситуации второго типа («знакомые опасности») начинают казаться менее контролируруемыми. Ситуации катастрофического характера становятся субъективно ближе, но вместе с тем повышается их субъективная контролируемость, степень их субъективной опасности остается без изменений. Отдельно необходимо отметить, что после просмотра наиболее субъективно близким оказывается именно четвертый тип (катастрофический), все остальные отходят на второй план. Таким образом, можно сделать вывод о том, что новости могут отвлекать людей от повседневных проблем. По-видимому, новости пользуются популярностью отчасти из-за этого психологического эффекта — эмоциональной «причастности ко всему миру». Когда человек чувствует эту сопричастность, его собственные проблемы кажутся не такими страшными и неразрешимыми. Аналогичное объяснение можно встретить в работах М. Маклюэна.

В заключение подчеркнем, что для обеспечения информационной безопасности и предотвращения негативного влияния новостных передач необходимо проводить корректировку при их составлении.

Представление новостных сюжетов должно содержать информацию о событиях, а также негативные и позитивные эмоции, но при этом акцентировать внимание на повышении ощущения контролируемости событий, рассказывать о том, как можно справиться с опасной ситуацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельков О.А., Мирошниченко В.М. Опасность как социальное явление и научное понятие // Проблемы безопасности. Бюллетень Научно-исследовательского центра «Наука-XXI». 2008. № 1. С. 18—64.

Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений, М., 2003.

Коротец В.И. Опасность и безопасность в современном мире: философско-культурологический анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2003.

Лаврова Е.В. Представления об опасности и их изменения под воздействием новостных передач // Вестн. Университета (Гос. ун-т управления). 2009. № 20. С. 72—74.

Леонтьев А.А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975.

Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней бороться // Моск. психотерап. журн. 2003. № 2. С. 107—119.

Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2007.

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. М., 2002.

Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М., 2006.

Султанов Т.Н. Отношение спортсменов к экстремальным ситуациям // Уч. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2009. № 2. С. 72—76.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Щербатых Б. Психология страха: Популярная энциклопедия. М., 2002.

Galtung J. Selected works. N.Y.; L., 1995.

Schneier B. The psychology of security. 2008. URL: <http://www.schneier.com/essay-155.html>

Поступила в редакцию
20.06.11

Ю. С. Шойгу, Л. Г. Пыжьянова

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ РИСКАМИ ВО ВРЕМЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

В статье изложена система прогнозирования и управления социально-психологическими рисками в зоне чрезвычайной ситуации (ЧС). В основе системы прогнозирования лежит оценка риска возникновения таких неблагоприятных социально-психологических процессов и явлений, как массовые агрессивные, истероидные, фобические, панические реакции, слухи. Проанализировав 36 ЧС, авторы выделили 24 фактора, наиболее существенно влияющих на социально-психологическую обстановку в зоне ЧС. Учет выделенных факторов позволяет построить модель, на основе которой может быть проведен анализ и сделан прогноз риска отдельно по каждому виду неблагоприятных социально-психологических последствий ЧС. А это в свою очередь позволит организовать процесс рационального распределения сил и средств в зоне ЧС и достижения оптимального уровня безопасности населения.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация (ЧС), неблагоприятные социально-психологические последствия (НСП-последствия), массовые реакции, факторы риска, анализ риска, прогноз риска, безопасность населения.

The main theme of the article is the system of foreseeing and managing social and psychological risks in emergency situation (ES) areas. The method is based on a risk estimation of adverse social processes and phenomena such as: mass aggressive, hysteroid, phobic and panic reaction, rumors. In the process of analyzing 36 emergency situations the authors have identified 24 factors that have the most significant influence on the socio-psychological situation in the ES area. Accounting for identified factors allows us to construct a model which can become a base for analyzing and forecasting risks of all adverse social processes. It will help to organize the process of rational resource distribution in ES areas and to achieve the needed level of public safety.

Key words: emergency situation (ES), adverse social and psychological consequences (ASP-consequences), mass reactions, risk factors, risk analysis, assessment of risk, public safety.

Шойгу Юлия Сергеевна — канд. психол. наук, директор ГУ ЦЭПП МЧС России.
E-mail: 6263896@mail.ru

Пыжьянова Лариса Григорьевна — начальник отдела дистанционных методов психологического консультирования и информационной поддержки ГУ ЦЭПП МЧС России.
E-mail: 6263707@mail.ru

Проблема защиты населения и территорий от *чрезвычайных ситуаций* (ЧС) природного, техногенного и экологического характера сформировалась в последние годы в системе государственного регулирования страны как насущная и объективная потребность и функция государства. Возрастающие масштабы прямого ущерба от ЧС и затрат на их ликвидацию показывают, что переход к устойчивому развитию страны требует повышения эффективности предупредительных мер, уменьшающих опасность, размеры и последствия катастроф. Важность этого направления в деле защиты населения и территорий от природных и техногенных ЧС нашла свое отражение в распоряжении Президента РФ от 23 марта 2000 г. № 86-рп, определившем необходимость и порядок создания в стране системы мониторинга и прогнозирования ЧС.

Огромные различия регионов России по экономическим, природно-географическим, социальным и другим показателям, а также своеобразный, уникальный характер каждой ЧС исключают унифицированный подход к решению этой проблемы. Оптимальный выход из сложившейся ситуации — реализация научно обоснованной и экономически целесообразной системы превентивных мер по предотвращению ЧС, совершенствование государственной стратегии в области прогнозирования ЧС, снижения рисков и смягчения их последствий, в том числе неблагоприятных последствий социально-психологического плана.

Следует отметить, что прогнозирование последствий ЧС как понятие включает в себя достаточно широкий круг задач (объектов или предметов), состав которых обусловлен целями и задачами управленческого характера¹. Качество мониторинга и прогноза ЧС определяющим образом влияет на эффективность деятельности в области снижения рисков их возникновения и масштабов, а также — управления рисками. Сегодня оценка риска — единственный аналитический инструмент, позволяющий определить как факторы риска, так и их соотношение, и на этой базе очертить приоритеты деятельности по минимизации риска. Оценка риска — это идентификация опасности и возможных ее источников, исследование механизма их возникновения, оценка вероятности появления идентифицированных опасных событий и их последствий

¹ Подробнее об этом см.: Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2005 года: Постановление Правительства РФ от 29.09.1999 г. № 1098 «О федеральной целевой программе». URL: <http://www.garant.ru>; О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 г. № 794. URL: <http://www.garant.ru>; О силах и средствах единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Постановление Правительства РФ от 03.09.1996 г. № 924 (с изменениями от 05.04.1999 г., 08.09.2003 г., 23.12.2004 г.). URL: <http://www.garant.ru>

(Гражданская защита..., 2001). Заблаговременное предвидение (прогноз) риска, выявление влияющих факторов, принятие мер по его снижению путем целенаправленного изменения этих факторов с учетом эффективности принимаемых мер и составляет управление риском.

Разработка методик оценки риска возникновения *неблагоприятных социально-психологических последствий* (НСП-последствий) в зоне ЧС — задача многоплановая. Во-первых, такая методика должна всесторонне описывать ЧС, ее риски, угрозы, ресурсы и т.д. Сложность решения этой задачи заключается в том, что необходимо создать максимально гибкую модель, которую можно было бы настраивать в соответствии с реальной ситуацией. Во-вторых, методика оценки рисков должна быть предельно прозрачна, чтобы специалист, использующий ее, мог адекватно оценить конкретную ЧС и просчитать возможные НСП-последствия.

В качестве методического подхода к системе прогнозирования риска возникновения НСП-последствий ЧС нами была выбрана система анализа, базирующаяся на сочетании качественных и количественных методов оценки, являющаяся наиболее распространенным в настоящее время способом оценки рисков (Зубков, 1998; Каннеман и др., 2005; Смакотина, 1999; Яницкий, 2004). Эмпирическую основу настоящего исследования составили материалы, полученные в результате анализа 36 ЧС федерального характера, произошедших на территории РФ в период с 2000 по 2010 г.

При анализе ретроспективной информации об объекте исследования (социально-психологические риски в зоне ЧС) предполагалось четкое разделение количественной и качественной информации. Количественная информация (достаточно надежная) использовалась для объективной оценки факторов риска. Качественная информация классифицировалась, систематизировалась и служила основанием для оценок экспертов и разработки экспертных прогнозов.

Применение в нашем исследовании метода экспертных оценок обусловлено тем, что изучение поведения людей при ЧС сопряжено с целым рядом трудностей, главная из которых — ограниченная возможность непосредственного квалифицированного наблюдения за поведением в момент экстремального воздействия. Кроме того, от 21 до 78% населения отказываются участвовать в опросах, обычно проводимых с целью восстановления ситуации (Александровский, 1991). Поэтому данные о событиях часто бывают разрозненными, обедненными, недостаточными для решения практических задач и теоретического освоения темы. При ретроспективном анализе отдельные картины часто по-разному определяются, приобретая различные толкования очевидцев и неодинаковый смысл. Субъективность подобных оценок снижает достоверность получаемых результатов, препятствует распознаванию основных психологических закономерностей поведения людей в ЧС, а также выделению определенных факторов, влияющих на возникновение

НСП-последствий в зоне ЧС (Брусилковский и др., 1928; Караяни, 2003; Моляко, 1992; Решетников и др., 1989, 1990). Поэтому применение данного метода целесообразно только при условии привлечения очень опытных экспертов, хорошо знающих оцениваемую ситуацию и четко представляющих цели исследования. В данном исследовании в качестве экспертов выступали 14 сотрудников отдела экстренного реагирования, ведущих психологов ГУ ЦЭПП МЧС России в возрасте 28—50 лет, принимавших участие в ликвидации последствий ЧС федерального характера на территории РФ с 2000 по 2010 г.

Процедура оценки риска состояла из следующих этапов:

- 1) оценка степени выраженности НСП-последствий в конкретной ЧС;
- 2) выявление и количественная оценка факторов, влияющих на возникновение НСП-последствий в зоне ЧС;
- 3) создание базы данных по степени выраженности каждого фактора;
- 4) анализ социально-психологической обстановки каждой ЧС с учетом влияния факторов.

На первом этапе проводилась экспертная оценка выраженности НСП-последствий по каждой из 36 анализируемых ЧС. Оценивались такие последствия ЧС, как массовые агрессивные, истероидные, фобические, панические реакции, слухи. Эти реакции были выделены на основании анализа теоретических источников и эмпирических данных, полученных в ходе ликвидации последствий ЧС. Оценка выраженности производилась на основе экспертных заключений по шкале от 1 до 10 в зависимости от степени проявления риска по данному показателю.

На втором этапе анализу подвергались такие факторы развития НСП-последствий ЧС, как степень завершенности ситуации; степень информированности пострадавших и их родственников; количество пострадавших и погибших; территориальное устройство населенного пункта; степень нарушения условий жизнедеятельности; степень изменения жизненного стереотипа; этнокультурные особенности пострадавших; и др.

В ходе анализа из массива факторов, характеризующих ЧС, было выделено 24 фактора, наиболее существенно влияющих на социально-психологическую обстановку в зоне ЧС — факторы риска (таблица). Ряд выделенных факторов имеют объективное численное значение (количество пострадавших и погибших в ЧС, их национальный, профессиональный, конфессиональный состав, величина населенного пункта и т.д.), другие факторы могут быть численно выражены с помощью балльных оценок (угроза жизни людей, угроза потери значительной части имущества населения, проведение эвакуации населения из зоны ЧС, проведение компетентной информационно-разъяснительной работы среди населения в зоне ЧС, степень привлечения к ситуации широкого общественного интереса и т.д.).

Факторы риска возникновения и развития неблагоприятных социально-психологических последствий в зоне чрезвычайной ситуации (ЧС)

№ п/п	Фактор риска
1	Число человеческих жертв в данной ЧС
2	Наличие среди погибших детей (в том числе студентов)
3	Наличие среди погибших работоспособного населения
4	Угроза жизни людей (потенциальная, мнимая или реальная)
5	Количество людей, получивших физические травмы в данной ЧС
6	Наличие пострадавших, судьба которых неизвестна
7	Неизвестна судьба детей (в том числе студентов)
8	Неизвестна судьба работоспособного населения (кормильцы)
9	Необходимость проведения эвакуации пострадавших из зоны ЧС
10	Потеря или угроза потери значительной части имущества населения
11	Степень разрушенности инфраструктуры в зоне ЧС
12	Проживание пострадавших непосредственно в зоне ЧС
13	Степень удаленности проживания пострадавших от зоны ЧС
14	Проведение компетентной информационно-разъяснительной работы среди населения в зоне ЧС
15	Степень привлеченности к ситуации широкого общественного интереса
16	Наличие конкретного лица или группы лиц, ответственных за ЧС
17	Национальная среда в зоне ЧС, а именно степень ее однородности
18	Наличие среди пострадавших представителей славянской группы
19	Наличие среди пострадавших представителей коренных малочисленных народов, проживающих на Крайнем Севере России и на приравненных к нему территориях
20	Наличие среди пострадавших представителей этнических групп, проживающих на территории Кавказа
21	Профессиональная среда в зоне ЧС, а именно ее структура
22	Конфессиональная среда в зоне ЧС, а именно степень ее однородности
23	Степень завершенности и перспективы развития ситуации в зоне ЧС
24	Величина населенного пункта, на территории которого произошла ЧС

Например, фактор 1 «Человеческие жертвы» учитывает общее число человеческих жертв в данной ЧС и присваивает численные значения от 1 до 10 в следующем порядке: 1 → жертв нет; 2 → 1—4 жертвы; 3 → 5—9; 4 → 10—19; 5 → 20—39; 6 → 40—59; 7 → 60—79; 8 → от 80 до 99; 9 → 100—499; 10 → 500 и более жертв. Важность фактора обусловлена тем, что гибель людей, тем более массовая, вызывает острые стрессовые реакции (плач, истерика, агрессия, ступор, страх, паника) у родных и близких погибших, а также у свидетелей происшедшего. В свою очередь такие острые стрессовые реакции, как паника, истерика, агрессия, могут носить провокационный характер и вызывать массовые реакции, существенно осложняя обстановку в зоне ЧС.

Фактор 4 «Угроза жизни людей» учитывает степень вероятности возникновения угрозы жизни людей, находящихся в зоне ЧС, и присваивает численные значения от 2 до 10 в следующем порядке: 2 — угрозы нет; 6 — существует мнимая или реальная угроза; 10 — угроза очевидна. Данный фактор связан с высоким уровнем «тревожного ожидания» пострадавших и их родственников, неясностью перспектив развития ЧС, что способствует возникновению острых стрессовых реакций и может спровоцировать массовые реакции.

Для статистической обработки данных применялись корреляционный анализ и множественный регрессионный анализ. На основе последнего была выявлена взаимосвязь экспертных оценок НСП-последствий в зоне ЧС (зависимая, результирующая переменная) и показателей ЧС, влияющих на оценку риска — факторов риска (независимых, исходных переменных). Каждому виду НСП-последствий ЧС (массовые агрессивные реакции, массовые истероидные реакции, массовые фобические реакции, массовые панические реакции, слухи) была сопоставлена группа факторов риска, наиболее существенно влияющая на его возникновение и развитие. Примеры на рис. 1, 2.

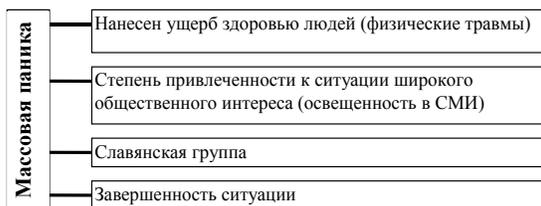


Рис. 1. Факторы риска, связанные с возникновением массовой паники

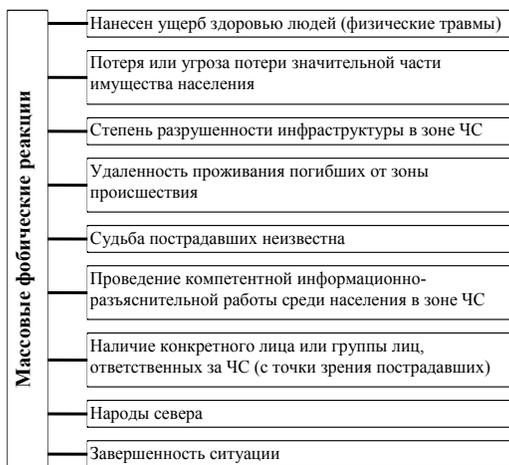


Рис. 2. Факторы риска, связанные с возникновением массовых фобических реакций

На основании коэффициентов, полученных методом регрессионного анализа, создавался математический аппарат прогнозирования и управления рисками возникновения НСП-последствий в зоне ЧС. Так, для расчета уровня риска возникновения массовой реакции, т.е. предсказания значений зависимой переменной, использовались B -коэффициенты путем исчисления ее оценок по уравнению регрессии, в соответствии с формулой:

$$Y = B + B_1V_1 + B_2V_2 + \dots + B_pV_p,$$

где Y — зависимая переменная; V_1, \dots, V_p — независимые переменные; B, B_1, \dots, B_p — параметры модели.

Вероятность возникновения массовых реакций может быть представлена как высокая, выше средней, средняя и низкая. Для расчета этих показателей используются такие статистические параметры, как математическое ожидание, дисперсия, стандартное отклонение. Предложенный алгоритм анализа и прогнозирования рисков НСП-последствий в зоне ЧС был реализован на базе программно-аппаратного комплекса в составе АИС «Психолог». Информация о степени выраженности риска возникновения каждого из видов НСП-последствий в зоне ЧС и объективный анализ факторов риска, предоставляемый АИС «Психолог», позволяет планировать мероприятия по психологическому сопровождению аварийно-спасательных и других неотложных работ (АСДНР) максимально эффективным образом (Шойгу, 2010).

Итак, прогнозирование и управление социально-психологическими рисками во время ЧС представляет собой целостный процесс, направленный на своевременный анализ и оценку ситуации исходя из факторов риска, на принятие управленческого решения по реализации наилучшего из возможных способов уменьшения рисков и как следствие на предотвращение или уменьшение масштабов массовых неблагоприятных социально-психологических последствий в зоне чрезвычайной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Шукин Б.П. Психогения в экстремальных ситуациях. М., 1991.

Брусиловский Л.Я., Бруханский Н.П., Сегалов Т.Е. Землетрясение в Крыму и невропсихический травматизм. М., 1928.

Гражданская защита: Понятийно-терминологический словарь / Под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. М., 2001.

Зубков В.И. Введение в теорию риска (социологический аспект). М., 1998.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков, 2005.

Караяни А.Г. Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 6. С. 47—54.

Моляко В.А. Паника в условиях экологического бедствия // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 2. С. 66—74.

Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В. Психофизиологические аспекты состояния, поведения и деятельности пострадавших в очаге стихийного бедствия // Психол. журн. 1989. Т. 10. № 4. С. 125—128.

Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В. Уфимская катастрофа: особенности состояния, поведения и деятельности людей // Психол. журн. 1990. Т. 11. № 1. С. 95—101.

Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М., 1999.

Шойгу Ю.С. Принципы оказания экстренной психологической помощи в условиях чрезвычайных и экстремальных ситуаций // Вестн. СПбГУ. 2010. Сер. 12. № 1. С. 162—165.

Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5—15.

Поступила в редакцию
20.04.11

О. Ю. Зотова

ПОТРЕБНОСТЬ В БЕЗОПАСНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ГРУПП

В статье излагаются результаты эмпирического исследования степени удовлетворенности потребности в безопасности (ПвБ) у 650 респондентов. Описана авторская методика исследования (опросник). Показаны половые, возрастные и профессиональные различия в выраженности составляющих ПвБ у представителей разных социально-экономических групп.

Ключевые слова: потребность в безопасности, составляющие потребности в безопасности, половые, возрастные и профессиональные различия.

The article gives an account of the empirical study results involving 650 respondents. The aim of the study was to determine the degree of need for security satisfaction. The author's research method (a questionnaire) is described. It is outlined that gender, age-related and profession-associated distinctions in representation of need-for-satisfaction components differ with representatives of various social and economic groups.

Key words: need for security, need-for-satisfaction components, gender, age-related and profession-associated distinctions.

За последние десятилетия в психологической науке существенно возрос интерес к проблемам безопасного существования человека. Потребность в новом взгляде на мир и на то место, которое занимает в нем человек, заставляет исследователей искать новые пути осмысления и решения древнейших мировоззренческих проблем. Вектор социального познания перемещается и на феномены, связанные с предотвращением угроз повседневной жизни, с обеспечением психологической и социальной безопасности.

Потребность в безопасности (ПвБ) — одна из антропологических констант человеческого существования. Она появляется вместе с появлением самого человека и сопровождает его на протяжении всей обозримой истории. Обеспечение безопасности, умение предотвращать угрозы, формировать стратегию безопасности служит показателем социокультурного развития общества, свидетельствует о гуманности его политических и идеологических ориентаций. Представления о безопасности отражают сложные процессы в коллективном бессознательном

Зотова Ольга Юрьевна — канд. психол. наук, доцент, зам. декана ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (Екатеринбург). *E-mail:* oiambusheva@mail.ru

этноса, в структуре его архетипов. Уровень безопасности является специфическим показателем состояния общества. В представлениях о том, что опасно и что безопасно, отражается самосознание общества, доминирующие в нем ценностные ориентации (Моздаков, 2008). С точки зрения Ф. Эвальда, в современном обществе безопасность поднята до уровня центральной ценности (Ewald, 1989).

ПвБ принадлежит к числу базисных (Маслоу, 2001) мотивационных механизмов человеческой жизнедеятельности. Эволюция человеческой истории выявила ряд закономерностей, характеризующих функцию безопасности (Родачин, 2004):

- социальный прогресс не устраняет и не отменяет опасности существованию личности, общества, государства;
- рост власти человека над природой сопровождается и увеличением масштаба угроз человечеству;
- по мере дифференциации общества и усложнения его организации расширяется и спектр социальных опасностей;
- социальные угрозы не неизменны, они модифицируются вместе с развитием общества;
- системы безопасности — неотъемлемый атрибут сложных социальных систем и организаций;
- недооценка или игнорирование проблем безопасности на всех уровнях социальной организации не только оборачивается теми или иными потерями, но в конечном счете неизбежно ведет к падению жизнеспособности (конкурентоспособности) и даже гибели соответствующих ее элементов (субъектов).

Таким образом, безопасность — сложный социальный феномен, многоплановый и многогранный в своих структурных составляющих и проявлениях, отражающий противоречивые интересы различных социальных субъектов. Удовлетворение ПвБ — необходимое условие нормального существования и развития человека — реализуется в обществе через определенные организационные формы, устойчивые структуры социальных взаимодействий, совместную деятельность, трансформируясь в систему взаимосвязанных личных и групповых интересов и способов их достижения. Поэтому человек так нуждается в ощущении своей связи с окружающим миром, другими людьми, в принадлежности к определенным социальным группам и общественным структурам.

ПвБ обуславливает стремление личности к защищенности от деструктивных воздействий, обеспечивая внутренний ресурс сопротивляемости, и тесно связана с чувствами психологической защищенности, устойчивости, уверенности, которые испытывает субъект в сложившейся ситуации.

Структура ПвБ включает в себя следующие составляющие: потребность в стабильности; потребность в законе и порядке; потребность в предсказуемости событий; потребность в надежной работе со стабильным

заработком; потребность быть любимым и желанным; потребность быть защищенным от опасностей и враждебного мира; потребность в защищенности от реальных чрезвычайных обстоятельств (Маслоу, 2007).

Мы предположили, что выраженность тех или иных составляющих ПвБ зависит от половых, возрастных и профессиональных различий. Для проверки этого предположения было проведено эмпирическое исследование, цель которого состояла в выявлении степени удовлетворенности ПвБ у представителей разных социально-экономических групп.

Методика

В исследовании применялся авторский опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности», пункты которого касались перечисленных выше составляющих ПвБ.

При конструировании вопросов использовалась шкала интервалов с пятью разрядами: «в очень большой степени» (+2), «в большой степени» (+1) — ПвБ удовлетворена; «средняя» (0) — средний уровень удовлетворенности ПвБ; «в небольшой степени» (-1), «совсем нет» (-2) — ПвБ не удовлетворена.

Опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности» отвечает следующим требованиям: 1) дает достаточно полную характеристику по исследуемым параметрам и их структуре; 2) небольшой объем позволяет в относительно короткий промежуток времени охватить исследованием большое количество субъектов; 3) простая конструкция вопросов делает их одинаково понятными для любой категории субъектов; 4) дает возможность создания стандартизированной схемы обработки полученных данных; 5) обладает относительной простотой и однозначностью интерпретации полученных данных.

Ключ к опроснику таков: суммарное число баллов от -14 до -9 — ПвБ *полностью не удовлетворена*; от -8 до -3 — *не удовлетворена*; от -2 до +2 — *удовлетворена частично*; от +3 до +8 — *удовлетворена*; от +9 до +14 — ПвБ *удовлетворена в очень большой степени*.

Выборка исследования (650 человек) была уравнена по полу (48% мужчин и 52% женщин) и уровню образования (53% с высшим и 47% со средним образованием), а также разбита на 4 возрастные группы в соответствии с периодизацией Д. Бромлей (Bromley, 1966): поздняя юность (переход от зависимости к независимости) — 130 испытуемых (20%) в возрасте 18—21 года; ранняя зрелость (включение во все виды социальной активности) — 136 испытуемых (21%) в возрасте 21—25 лет; средняя зрелость (интеллектуальный и профессиональный пик) — 169 испытуемых (26%) в возрасте 25—40 лет; поздняя зрелость (уход детей из семьи) — 215 испытуемых (33%) 40—55 лет. Профессиональный состав выборки: медицинские работники, сотрудники МВД, студенты, педагоги, предприниматели, инженерно-технические работники (ИТР), менеджеры, продавцы, рабочие, работники банков.

Процедура. Обследуемым давали для ознакомления описанный выше опросник и просили заполнить его самостоятельно в удобное для них время.

Обработка. Полученные сырые данные заносились в сводную матрицу и обрабатывались в соответствии с предписанными правилами подсчета показателей. На основании этого проводилась дальнейшая статистическая обработка результатов в соответствии с основной гипотезой исследования.

Анализ результатов

1. По результатам исследования было выявлено, что ПвБ у респондентов удовлетворена лишь частично (средний балл по всей выборке 0.72). Это свидетельствует о том, что в относительно стабильных социальных условиях у относительно благополучно устроенного человека ПвБ хотя бы в минимальной степени удовлетворена или субъективно воспринимается как удовлетворенная. В таких случаях она практически не фиксируется в качестве активного фактора детерминации мотивационной сферы и может проявляться, например, как предпочтение знакомых форм поведения и жизненных ситуаций с достаточно четкими перспективами по отношению к тем формам поведения и ситуациям, в которых много элементов неопределенности, и как стремление к более стабильным условиям существования и т.п.

Анализ результатов показывает, что в структуре ПвБ абсолютный приоритет принадлежит потребности быть любимым и желанным (средний балл 1.17). В известной мере близость других приводит и к прямому снижению тревожности, смягчая последствия физиологического и психологического стресса. К этой потребности непосредственно примыкают потребности в стабильности и в надежной работе со стабильным заработком (0.82 и 0.81 соответственно). На уровне минимальных значений, напротив, определилась только одна потребность в предсказуемости событий (0.28). Самые низкие оценки по данной позиции дают основание говорить о том, что стремительные изменения в современном мире ведут к глубокой неуверенности, рождающей мощную потребность в предсказуемости. «Глубокая неуверенность в будущем способствует возникновению не только потребности в сильных властных фигурах, которые защитили бы от угрожающих сил, но и к ксенофобии. Пугающе быстрые перемены рождают нетерпимость к изменениям в культуре и к иноэтническим группам» (Инглхарт, 1997, с. 18).

Оценочные рейтинги остальных четырех потребностей определились на среднем уровне значимости (от 0.5 балла и выше).

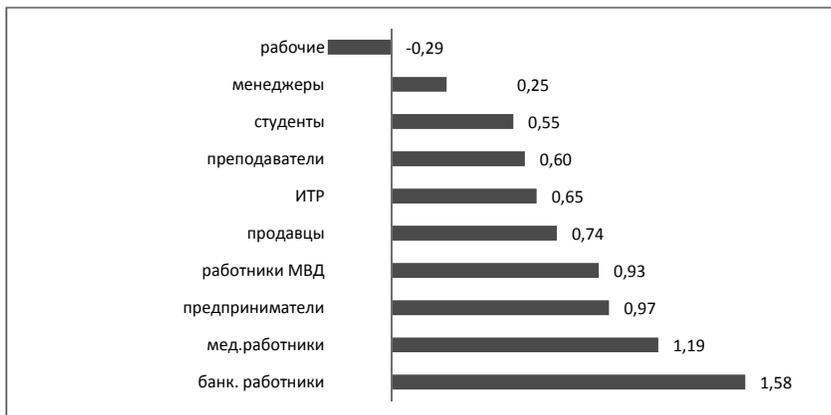
Таким образом, ПвБ как внутренний ресурс личности имеет четко выраженную ориентацию на личное благополучие (любовь, семья, радость), где основополагающей является потребность быть любимым, желанным и защищенным от опасностей и враждебного мира.

2. Сопоставительный анализ мужской и женской выборок выявил ряд различий в иерархии и степени удовлетворенности ПвБ. Статистически значимые различия ($p < 0.05$) обнаружались только по такой составляющей ПвБ, как потребность быть защищенным от опасностей и враждебного мира. У женщин эта потребность выражена сильнее, чем у мужчин. Потребности в надежной работе со стабильным заработком, в законе и порядке в большей степени удовлетворены у мужчин; потребность быть любимой и желанной — у женщин. В статусе самой нейтральной, т.е. в равной степени представленной у мужчин и женщин, оказалась потребность в защищенности от реальных чрезвычайных обстоятельств.

3. Анализ различий в степени удовлетворенности ПвБ в различных возрастных группах позволяет увидеть динамику формирования чувства комфорта, безопасности и защищенности по мере взросления респондентов. Так, в группе поздней юности (18—21 год) степень удовлетворенности ПвБ самая низкая (0.48 балла). Это можно объяснить тем, что очень молодые люди воспринимаются обществом и самими собой как новички в мире взрослых и только начинают изучать возможности, которые предоставляет им взрослость, и пытаются создать устойчивую структуру собственной жизни. В следующем периоде — ранней взрослости (21—25 лет) наблюдается увеличение степени удовлетворенности ПвБ (0.75 балла), что, по-видимому, говорит о том, что жизненная структура становится устойчивее, но не дает полного ощущения стабильности и постоянства. В возрастной группе средней взрослости (25—40 лет) происходит некоторое снижение степени удовлетворенности ПвБ (0.67 балла), что, вероятно, обусловлено максимальной значимостью в этом периоде жизни материального обеспечения, связанной с объективно высокими финансовыми потребностями. В периоде поздней взрослости (40—45 лет) ПвБ удовлетворена в максимальной степени (1.07 балла). Данный факт связан, скорее всего, с изменением самоощущения людей в этом возрасте, чья потребность в достижении во многом уже удовлетворена и они в большей степени переходят к «обороне», защите достигнутого.

4. Результаты показывают, что в разных профессиональных группах степень удовлетворенности ПвБ различна (рисунок). Так, наиболее удовлетворена ПвБ у банковских работников (1.58 балла), затем следуют медицинские работники (1.19). Можно предположить, что у респондентов из этих профессиональных групп имеется постоянная гарантированная работа и стабильный заработок, что и дает им чувство защищенности и относительной безопасности. ПвБ не удовлетворена у менеджеров (0.25) и у рабочих (-0.29).

Анализ выраженности составляющих ПвБ у представителей разных профессиональных групп показал следующее. Потребность в стабильности максимально удовлетворена у предпринимателей (1.18), что, веро-



Удовлетворенность потребности в безопасности у представителей разных профессиональных групп

ятно, связано со спецификой их деятельности, которая предполагает наличие таких качеств, как рациональность, склонность к планированию, уверенность в себе, готовность к преодолению препятствий, оптимизм, вера в свои возможности. У рабочих данная потребность удовлетворена на минимальном уровне (-0.44). Потребность в законе и порядке наиболее удовлетворена у предпринимателей (1.09) и работников МВД (1.00), наименее — у менеджеров (-0.27) и рабочих (-0.64). Потребность в надежной работе со стабильным заработком максимально удовлетворена у работников МВД (1.30), потребность быть любимым и желанным — у преподавателей (1.36), потребность быть защищенным от опасностей и враждебного мира — у медицинских работников (1.63). Таким образом, наиболее благополучными с точки зрения удовлетворенности ПвБ среди наших респондентов являются предприниматели и сотрудники МВД, наименее удовлетворенная группа — рабочие.

Значимым представляется анализ депривированной составляющей ПвБ у представителей разных социально-экономических групп. Отсутствие адекватных возможностей для удовлетворения данной потребности может вызывать эмоционально негативные, остро переживаемые состояния, на фоне которых протекают практически все психические процессы человека. Именно депривированная составляющая определяет социальное поведение своим интегральным влиянием. Так, у менеджеров депривированы потребности в законе, порядке и в защищенности от реальных чрезвычайных обстоятельств. У рабочих депривирована большая часть составляющих ПвБ, кроме потребности быть желанным и любимым и быть защищенным от реальных чрезвычайных обстоятельств. Таким образом, наиболее неблагополучная с точки зрения удовлетворения базовых потребностей в безопасности — это группа рабочих.

Заключение

Итак, проведенное исследование дает основание для вывода, что ПвБ удовлетворена у респондентов лишь частично. Это может быть связано со стремительностью изменений социальной жизни, ее политического и организационного устройства, ведущей к всеобщей утрате привычной системы социальной защищенности и, как следствие, снижающей психологический ресурс сопротивляемости человека негативным воздействиям среды. Наибольшая степень выраженности выявлена у такой составляющей ПвБ, как потребность быть любимым, желанным, что отражает удовлетворенность большинства респондентов семейным благополучием, свидетельствует о значимости взаимопонимания и теплых отношений с родными и близкими.

В качестве наиболее депривированной респонденты отмечают потребность в предсказуемости событий, что, вероятно, связано с трагическими событиями последнего времени, а именно терактами, произошедшими в разных странах, включая Россию, эскалацией насилия в межгрупповом и межличностном взаимодействии.

При исследовании степени удовлетворенности базовой для личности ПвБ проявляются особенности, связанные с половыми, возрастными и профессиональными различиями. Потребность быть защищенным от опасностей и враждебного мира более свойственна женщинам, тогда как потребность в надежной работе со стабильным заработком характерна для мужчин, что вполне оправдано архаичным представлением о мужчине и женщине. Самая архаичная потребность женщины — быть защищенной. Это ожидание по отношению к мужчине свойственно любой женщине и относится к ее инстинктивным проявлениям.

Анализ данных в профессиональных группах выявил, что ПвБ наиболее удовлетворена у банковских и медицинских работников, тогда как ПвБ рабочих депривирована, что является сильным стрессором и может привести к таким искаженным формам удовлетворения ПвБ, как участие в общественно опасной деятельности организованной преступности, националистических объединений и т.п.

Обращая внимание на социально-психологические основания взаимосвязи безопасности личности, групповой причастности и смыслообразующей социальной системности, Э. Фромм писал: «Сознавая свою отдельность, сознавая — пусть даже очень смутно — неизбежность болезней, старости и смерти, человек не может не чувствовать, как он незначителен, как мало значит в сравнении с окружающим миром, со всем тем, что не входит в его “я”. Если он не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнести

себя к какой-то системе, которая направляла бы его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способности действовать, а значит, и жить» (Фромм, 1989, с. 28).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6—33.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2007.

Моздаков А.Ю. Социально-философские аспекты проблемы безопасности: Дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2008.

Родачин В.М. Безопасность как социальное явление // Право и безопасность. 2004. № 4 (13). С. 14-17.

Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.

Bromley D.B. The psychology of human ageing. L., 1966.

Ewald F. Die Versicherungs-Gesellschaft // Kritische Justiz. 1989. Jg. 22. N. 4. S. 385—393.

Поступила в редакцию
22.03.11

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

М. Ш. Магомед-Эминов

ПСИХИКА КАК РАБОТА

В фокусе внимания статьи — обоснование психики как психической работы, опосредствующей деятельность человека, а также поиск методологических и теоретических оснований психологической помощи, не совпадающей ни со сферой психологической практики, ни с прикладной теорией. Психологическая помощь понимается с точки зрения феномена заботы — душевной работы, работы личности. Проблема рассматривается через призму взглядов отечественных и зарубежных психологов и философов (А. Бергсона, Л.С. Выготского, Э. Гуссерля, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М. Хайдеггера и мн. др.). Автор предлагает идею двойного перехода («психологии в жизнь» и «жизни в психологию») и двойного горизонта тематизации и понимания — «имманентно психологического» и «трансцендентно психологического» (метапсихического), а также развивает взгляды относительно темпоральной работы личности, что важно для продуктивного рассмотрения психологии психологической помощи как структуры, включающей методологию, теорию, психотехнологию, обучение, практику, образ жизни.

Ключевые слова: феномен заботы, психологическая практика, психологическая помощь, транзитный феномен, культурно-историческая работа личности, темпоральная работа личности, темпоральный феномен, темпоральность.

The article is focused on psychic as a work and the psychological help as a phenomenon of care — the work of personality. In order to lighting the points of discussions on interaction between psychological theory and practice, the author analyses the variety of scientific views and thoughts: A. Bergson L.S. Vygotsky, E. Gusserl, A.N. Leontiev, S.L. Rubinstein, M. Heidegger et al. In this work the idea of double transition: psychology to life and the life to psychology is suggested. This concept also conditions concepts of doubled horizon: immanent psychological and transcendent psychological. In that context the theory of temporal work of personality is developed to show the psychology of psychological help with its methodology, theory, psych technology, education, ethics, and way of life.

Key words: phenomenon of care, psychological practice, psychological help, transitional phenomenon, cultural-historical work of personality, temporal phenomenon, temporal work of personality, temporality.

Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ.
E-mail: m_sh_m@mail.ru

Статья публикуется в авторской редакции.

Основной целью настоящей статьи является обоснование понимания психики как работы — психической работы, опосредствующей, обслуживающей деятельность субъекта, связывающую его с объективной действительностью — для постановки, а где возможно и разрешения ряда остроактуальных вопросов современной теоретической и практической психологии. Употребляя термин «работа» в контексте психики, мы имеем в виду, что в психической работе, работе личности человек не только отражает, сознает, познает, объясняет мир, но и творит его, конструирует, осуществляет в практике жизни, практике бытия особые способы существования, модусы бытия, формы жизни. Существенным моментом этого определения является различие понятий работы и деятельности, требующее, как мы проясним далее, темпоральной трактовки деятельности и разделения понятий темпоральности и времени (неважно, понимается ли время как число, мера или форма, т.е. временная форма). Необходимость предлагаемой трактовки психики продиктована рядом причин, прежде всего: 1) проблемами, обусловленными парадигмальной трансформацией научной рациональности, породившей идею смерти субъекта и утраты метанаррации (Фуко, 1994; Gergen 1991; McAdams, 2001; Sarbin, 1986), 2) неустойчивостью, неравновесностью, экстремальностью, проникающей чуть ли не во все сферы человеческого существования, в том числе в научную рациональность, 3) поиском методологических и теоретических оснований для понимания психологической помощи как особой практики заботы, или душевной работы, работы личности.

Основным методологическим принципом для разворачивания этой идеи является следующее положение. Человек, осуществляя определенные формы бытия, жизни, способы существования, многообразие жизнедеятельностей, работает с ними, обращается с ними, относится к ним, связывая их в единство многообразия, свершая темпорально протяженную историю собственного бытия в «со-бытии» с Другими, решая задачи на смысл, осуществляя поступки (в работе «поступания»¹), трансформируя, конструируя собственную идентичность и идентичность Другого, осуществляя заботу о себе и о Другом. В этом положении известный принцип философии практики (Маркс, Энгельс, 1955—1966) и культурно-деятельностной психологии (Выготский, 1982; Леонтьев, 1983; Рубинштейн, 1997) о том, что «психическое», «человек», «личность» понимаются на основе ансамбля отношений, реализуемых в многообразных деятельности, дополняется принципом конструктивной работы. «Психическое» вводится с точки

¹ Мы различаем поступок и работу поступания, в которой поступок осуществляется и живет, как форму работы личности. Человек, свершая поступок в работе поступания (термин «поступание» М.М. Бахтина, который использовал его как «поступление» — см.: Бахтин, 2003), воспроизводит универсалии, общественно-исторический опыт в индивидуальном, уникальном, единичном поступке как одном из моментов его целостной жизни, бытия. В поступке связываются универсальное и уникальное посредством работы поступания.

зрения работы соотношения: человек, осуществляя жизнедеятельность, работает с ней; осуществляя бытие, работает с ним; существуя в мире, работает с собственным существованием. Мы утверждаем, что человек не только осуществляет жизнедеятельность как субъект, но работает с жизнедеятельностью и собственной субъектностью, субъективностью, т.е. человек делает нечто с собой, делаящим нечто с предметом. Психическая работа возникает в месте раздвоения жизнедеятельности, бытия и соотношения разделенных форм жизнедеятельности, что требует различения работы и деятельности и процессов, их связывающих.

Работа и деятельность в контексте психики

Чтобы развернуть нашу аргументацию, требуется уточнить понятие психической деятельности человека посредством выделения понятия психической работы (в том числе внутренней работы личности) и соотношения его с понятием деятельности. Прежде всего, мы разделяем психическую работу человека и деятельность субъекта, связывающую его с объективной действительностью. Психику мы рассматриваем как работу — психическую работу, которая опосредствует деятельность субъекта, направленную на предметный мир. Значит, психическая деятельность (и внутренняя, и внешняя) — это деятельность, связанная с психикой, обслуживаемая психикой, т.е. психической работой. Психика как работа служит деятельности, является ее инструментом, средством, но и деятельность служит психике. Однако для нас эта служба двулика (как двуликий Янус): она не только ориентирует субъекта, но и осуществляет жизнедеятельность, бытие, т.е. имеет план конструктивной, экзистенциальной работы. Более того, психика как экзистенциальная служба, служение, форма практики жизни, вновь раздваивается: с одной стороны, психика является инструментом деятельности, т.е. работой по осуществлению жизнедеятельности, жизни, существования, бытия; а с другой стороны, психическая работа является инструментом становления человеческого в человеке, конструирования самоидентичности, творения себя, созидания истории личности².

² Психика, как известно, опосредствует деятельность (Леонтьев, 1983), обслуживает деятельность (Иванников, 1998). Б.С. Братусь (1997) считает, что личность — это служебный инструмент в руках человека, который используется для становления человеческого в человеке, родовой сущности и т.д. Это опосредствование, обслуживание мы рассматриваем как работу, и в этом состоит суть предлагаемого подхода. Таким образом, трактовка психики как работы позволяет разделить два плана психики (в действительности этих планов три, если учесть уже отмеченную работу по конструированию, созданию образа мира). Один план — психика как инструмент жизни, т.е. работа, осуществляющая деятельность, жизнедеятельность. Второй план — психика как духовная практика по конституированию, творению смыслов, ценностей и осуществлению синтетической работы утверждения высших ценностей, духовных измерений бытия. Наконец, третий план — конструирование, создание образа мира — имеет «отражательный» и рефлексивный аспекты.

По сути, речь идет о необходимости разделения в душевной работе, в психической работе, т.е. в психике двух планов: профанного — мирского, связанного с повседневной жизнедеятельностью, по сути, с деятельностью; и сакрального, или неповседневного, связанного с трансценденцией деятельности, с выходом за пределы деятельности в план творения, созидания, трансгрессии, высших ценностных измерений, в сферу духовной практики, сферу нравственной работы. В других терминах, например Г. Гартмана (Hartmann, 1958), мы можем сказать, что, с одной стороны, психическая работа находится на службе деятельности, на службе адаптации; а с другой стороны — на службе трансформации, преобразования, трансгрессии, творения и т.д., т.е. на службе личности, субъекта.

Важно учитывать, что человек, работая с деятельностью, связывающей его с миром, создает, конструирует, творит образ мира и осуществляет определенный способ бытия, форму существования, образ жизни. При этом психика как работа понимается и в плане собственно психологическом, т.е. в плане психических функций, процессов, состояний, свойств, как внутренняя работа, и в плане метапсихологическом — в плане обращения личности с собой и с Другим, т.е. работы личности с собой (практика себя, забота о себе) и работы личности над Другим (практика Другого, забота о Другом). При этом в метапсихологическом измерении, трансцендентном собственно уровню психических функций, мы различаем абстрактный общепсихологический уровень и конкретный экзистенциальный план отношения человеческой индивидуальности в собственном бытии с другим бытийствующим индивидуумом. Чтобы обосновать экзистенциальный план психической работы, мы осуществляем переход в трактовке психики, деятельности от структурно-морфологической, т.е. пространственной, к динамической, т.е. к темпоральной трактовке деятельности человека. Темпоральность, прежде всего, требует рассмотрения процессов жизнедеятельности субъекта как перехода временных форм жизнедеятельности. Обратим внимание на то, что «мостиком» для этого перехода является психическая работа, в которой временные формы жизнедеятельности различаются и связываются для утверждения существования человека, его воспроизведения и производства (творения).

Психическая работа как работа связывания и различения

Сущность психической работы схватывается в процессах развязывания и завязывания в узлы функций (Выготский, 1983), деятельностей, форм жизнедеятельности — единиц жизни (Леонтьев, 1983). Действительно, конституирование психической работы связано с феноменом разделения процессов жизнедеятельности субъекта (Леонтьев, 1981) и самого субъекта, превращающегося в Номо-duplex (Выготский, 1986), и с феноменом связывания соответствующих трансформаций. Психи-

ческая работа эксплицируется, открывается в переходе форм жизнедеятельности — в горизонтальной, или малой, динамике, т.е. во внутридеятельностных переходах, и в вертикальной, или большой, динамике, т.е. в междеятельностных переходах. В этой работе функции завязываются в узлы, образуя высшие психические функции (назовем ее внутренней работой), а деятельности завязываются в узлы личности (назовем это работой личности, которая имеет также план внутренней работы). Вот эти два феномена — работа различения и работа связывания — позволяют нам ставить вопрос о проблеме единства и многообразия предметности, деятельности и субъектности (идентичности, личности, человека) в психологии с точки зрения психической работы.

Психика как работа соотношения наличного и неналичного

Следующий шаг нашего анализа предполагает обоснование психической работы как соотношения наличного и неналичного — присутствия и отсутствия, ближнего и дальнего, собственного и несобственного, своего и чужого, бытия и небытия, видимого и невидимого. Соотнесение наличного и неналичного, конечно, происходит в сфере разрыва между наличным и неналичным, в которой осуществляется транзитная работа. Психика возникает в разрыве. Эту идею мы проработаем, отгалкиваясь от культурно-исторической методологии. Действительно, психика схватывается в своей сути: 1) на основе разделения, раздвоения процессов жизнедеятельности, α (абиотических) и α (биотических) стимулов (Леонтьев, 1981), стимулов-средств и стимулов-объектов (Выготский, 1983) и 2) их связывания в опосредствующие структуры для утверждения существования, воспроизведения и производства себя и Другого (Маркс, Энгельс, 1955—1966; Леонтьев, 1983), овладения собой в драмах жизни и творения, конструирования себя (Выготский, 1986). Хотя этот текст и говорит сам за себя, один из его фрагментов о соотношении абиотического и биотического факторов в наших терминах можно интерпретировать как соотношение наличного, видимого, указывающего, намекающего на невидимое, неналичное, которое является необходимым для утверждения существования, т.е. является экзистенциальным объектом. Если следовать А.Н. Леонтьеву, то яркая кожура яблока всего лишь символизирует, скрывая мякотную, нужную часть, до которой еще надо добраться. Человек — существо далей. «Здесь и теперь» его личности надо определить из «там и тогда», т.е. «оттуда», из далей. Женщина, потеряв после инсульта способность свободно двигаться, говорила: «Как я мечтаю, как я хочу, чтобы я могла ходить! Тогда я бы пошла купить хлеб в самый-самый дальний магазин на окраине Москвы». Мы живем в будущем, которого еще нет, и в прошлом, которого уже нет.

Оформим теперь наше рассуждение в следующем положении. Психическая работа разделяет (работа разделения, различения) еди-

ную форму жизнедеятельности, бытия, существования индивидуума на наличное и неличное, соотносит (работа соотнесения) и связывает их (работа связывания) — для утверждения своего существования (собственного и несобственного), воспроизведения и производства, творения идентичности Я и Другого.

Таким образом, психическая работа вводит в бытие человека небытие, в наличное — неличное так, что сама работа, деятельность, существование человека определяется из разрыва, промежутка, медиальной сферы между наличным и неличным, ближним и дальним, собственным и несобственным, начинанием и завершением. В темпоральном плане психическая работа вводит небытие, отсутствие в настоящее, раздвигая, расширяя его двумя горизонтами — горизонтом продолжения бывшего и горизонтом начинания будущего. Именно в работе происходит первичное связывание пространства и времени в деятельности человека, а в образе мира — симультанного и сукцессивного. В работе овременения пространства и опространствования времени мир предстает как объемный, панорамный, текучий и изменчивый, в котором мы рождаемся, живем и умираем. Если в психической работе соотносятся наличное и неличное, то мы можем утверждать, что именно она является инстанцией соотнесения профанного и сакрального, т.е. сферой, в которой за вещами и явлениями открывается таинственное, нуминозное, чудесное, мифопоэтическое. Тогда посредством психической работы одушевленный человек (человек временной, конечный) является транзитным субъектом, идентичностью — медиальной личностью, всегда пребывает в чем-то, прибывая откуда-то и двигаясь куда-то. Завязывание узлов личности происходит не внутри, а в бытии (Леонтьев, 1983), поэтому рассмотрим психическую работу в практике жизни, в практике бытия.

Психологическая практика как форма практики жизни

Термин «психологическая помощь» чаще всего используется в обыденном значении и до сих пор не получил концептуального оформления. Так, Л. Бремер и Э. Шостром говорят о «терапевтической психологии» (Bremmer, Shostrom, 1968), другие авторы — о «терапевтическом психологическом знании» (Гулина, 2001), «консультативной психологии», «психологическом консультировании» (Кочунас, 2005), «психотерапии» (Карвасарский, 1999; Рудестам, 2006; Соколова, 2002), «психокоррекции» (Спиваковская, 1988). Многие психологи справедливо указывают на отсутствие или слабую разработанность собственно психологической теории практики, а также на отсутствие научной интеграции разнородного опыта психологической, психотерапевтической, консультативной помощи (Василюк, 2003; Гулина, 2001).

Обычно психологическую практику рассматривают в форме прикладной психологии или практической психологии. В современной пси-

хологии складывается также психологическая практика, основанная на психотерапевтической парадигме и связанных с ней консультировании и коррекции. Мы считаем психологическую практику формой практики жизни. Раскроем эту точку зрения, отталкиваясь от вышерассмотренных положений и трактовки психики как работы — внутренней работы, работы личности над собой и Другим. Прежде чем это сделать, нам нужно уточнить понятие деятельности в таком ключе, чтобы мы могли наметить переход от абстрактной психологии к конкретной психологии жизни. В современной психологии деятельность рассматривается двояко: как объяснительный принцип, категория и как предмет психологии. Не вдаваясь в дискуссии, эти две точки зрения мы дополняем третьей — рассмотрением деятельности как «единицы жизни» (Леонтьев, 1983), формы жизни, формы существования, способа бытия, и этот третий план мы назовем экзистенциальным планом. Говорить о деятельности здесь означает рассматривать живого, конкретного человека в жизни, в существовании, в бытии, но всегда в конкретной онтологии и конкретной экзистенции — в конкретной культурно-исторической форме существования, форме жизни и т.д. В отличие от экзистенциализма, экзистенциальный план деятельности в нашем подходе уточняется с точки зрения психической работы, одушевляющей деятельность (термин А.Н. Леонтьева), и, следовательно, одушевляющей существование. Тогда рассмотрение человека в существовании, жизни, бытии (что стало в последнее время модной идеей) уточняется с точки зрения практики жизни — в практике жизни человек работает с собственной жизнью, занимая позицию, осуществляя поступки. Напомним: человек в собственном существовании, жизни работает с собственным существованием, жизнью с той или иной позиции и т.д. Существование и работа существования различаются. Кроме того, теоретическая и практическая деятельность являются формами практики жизни.

Так как психика есть работа над собственной (и несобственной) деятельностью, жизнью, бытием, т.е. практикой, то психологическую практику, в которой происходит трансформация психической работы (в том числе межличностной, синергичной работы), назовем «психологической работой». Таким образом, мы рассматриваем психологическую практику с точки зрения психологической помощи, которую мы понимаем как форму практики жизни.

Основываясь на этих идеях и признавая необходимость разделения практической психологии и психологической практики, а также и разработки методологии, теории и психотехники практики (Василюк, 2003), мы предлагаем осуществить следующий шаг — разделить психотерапевтическую помощь и психологическую помощь. Подобное разделение позволяет нам уточнить интенциональную направленность психической работы как направленность на осуществление практики заботы, т.е. работы личности, в которой осуществляется забота о себе

и забота о Другом. По сути, современная психотерапия скрывает за-таенный план психической работы по восстановлению, развитию и трансформации способности заботы и радикально проблематизирует психологию (Магомед-Эминов, 2007).

Для того чтобы поставить проблему психологической помощи собственно в психологии на собственных основаниях, надо, во-первых, признать качественную психологическую специфику этой помощи, дифференцируя ее от медицинской помощи. Во-вторых, определить интенциональную направленность психологической работы в форме оказания помощи, имеющей иной смысл, нежели лечение. Предметом психологической работы является забота о конкретном, индивидуальном человеке, озабоченном проблематичностью собственного существования в «со-бытии» с Другим в переходах повседневного и неповседневного модусов бытия.

Сформулируем основной тезис этой части анализа: мы намечаем переход от лечения разговором, шире — лечения дискурсом, вербальным и невербальным, образным, телесным и др. (“*talking cure*”), к психологической работе как работе заботы (“*taking care*”). Специально оговорим, что мы не разрабатываем версию экзистенциальной психологии, так как оспариваем, точнее, деконструируем экзистенциальный солипсизм бытия-к-смерти, игнорирующий фундаментальное значение утраты Другого, т.е. бытия без Другого. Мы раскрываем заботу как транзитный феномен, определяющийся на перекресте заботы о себе и заботы о Другом. Транзитная личность пребывает не внутри и не вне, а всегда на пороге, в медиальности, между собой и Другим, между этими двумя сталкивающимися в согласии или разногласии идентичностями.

Темпоральный подход к деятельности

Так как свойства психики мы рассматриваем с точки зрения взаимодействия, связей, движения процессов жизнедеятельности, то обратимся к феномену темпоральности как основанию жизнедеятельности. Мы предлагаем развить культурно-деятельностную психологию на основании темпорального понимания деятельности человека. Темпоральная трактовка деятельности человека не отменяет известную структурно-морфологическую точку зрения, а дополняет и развивает ее. Тем самым мы прорабатываем динамическую парадигму в теории деятельности (Асмолов, Петровский, 1978; Леонтьев, 1983) на основе темпоральной трактовки деятельности и деятельностно-смысловой трактовки человека в жизни. Чтобы предложить темпоральный подход к деятельности, мы прежде всего введем в психологию понятие темпоральности, отличая его от традиционного понятия времени. Время, как и пространство, являются общенаучными понятиями психологии, как и прочих наук: всякая деятельность рассматривается в психологии и в пространстве, и во времени. Но как только мы берем время, или

временность, за основание деятельности, а саму деятельность трактуем как одушевленную деятельность одушевленного человека, то время, временность (или темпоральность), принятые за исходные основания, дифференцируются на два плана, один из которых мы продолжаем обозначать как время (неважно, о какой временной форме идет речь — физической, феноменологической и др.), а другой — как темпоральность. Так мы отстаиваем тезис: время, которое рассматривается как мера и форма — временная форма процесса, изменения, движения, становления, трансформируется, когда она берется как основание деятельности. Она трансформируется и обнаруживает в себе переход временных форм и дифференциацию на два плана, которые мы обозначаем как время и темпоральность. Темпоральность — это переход временных форм в темпоральной работе.

Если это так, то надо различать временную форму деятельности (ее временную организацию) и работу, в которой временная форма, формация деятельности производится, конструируется, создается, строится, синтезируется. Путем раздвоения (далее — мультивокальности) деятельность движется во времени, ибо темпоральность ставит жизнедеятельность человека в становлении иным и иным, как считали еще Платон, Аристотель и Плотин. Именно на темпоральной почве мы вводим понятие работы, в отличие от деятельности.

Итак, в отличие от традиционной точки зрения, когда на психику смотрят с точки зрения образа, ориентировки, отражения, мы выделяем в психической работе два плана: 1) конституирование образа мира; 2) работа по осуществлению деятельности, жизнедеятельности, способа существования, способа бытия, т.е. осуществление определенной практики заботы о жизни, о Другом, о себе, осуществление поступка и т.д. В свою очередь второй план подразделяем на: 1) работу осуществления деятельности, жизнедеятельности (внешней деятельности, внутренней деятельности); 2) работу по утверждению определенного способа существования, способа бытия, духовную работу, духовную практику по воспроизводству и производству духовных ценностей. Что касается понимания времени как числа, меры движения (Аристотель, 2002), временной формы (Кант, 1964), то мы, разделяя темпоральность и время, трактуем темпоральность, временность как переход временных форм, временных процессов, различающихся и связывающихся в темпоральной работе.

Познание себя и забота о себе и о Другом

Психологическая помощь явно или неявно строится на принципе познания себя, или следуя лозунгу «знание — сила». Однако психологическая помощь имеет еще более глубинные основания. Это забота о себе и забота о Другом. Чтобы развернуть этот тезис, отметим, что развитие динамической психологии, восходящей к экзорсизму, магне-

тизму, гипнотизму, катартическому методу, методу «психологического анализа» Жана и «психоанализу» Фрейда, сошлось в методическом принципе «лечения разговором» — “*talking cure*” (обозначим его как *ТС*). *ТС* основывается на работе символаобразования — все три источника несут некоторый загадочный, таинственный, скрытый смысл, значение, код, шифр. Фигура психологической помощи восходит к знатоку этих таинственных, загадочных, символических форм.

ТС в достаточно полной мере включает в качестве дискурсов не только вербальные нарративы, но и широкий круг образных, двигательных, акциональных, экспрессивных, дискурсивных практик смыслотворчества и работы семиотических структур. В любом случае, объяснительно или описательно, описательно или конструктивно, естественнонаучно или гуманитарно, *ТС* продолжает быть лечением посредством работы дискурса. Однако лечение разговором, построенное на просвещении, переживании, инсайте, понимании, скрывает онтологический горизонт работы заботы.

Придерживаясь двух планов психической работы: 1) работы по конституированию образа мира, которая соответствует «отражению», рефлексии, ориентировке и др.; 2) работы по осуществлению жизнедеятельности как форм жизни, форм существования, форм бытия, т.е. экзистенциальной работы по осуществлению заботы о бытии личности, мы будем выделять два принципа — принцип познания (понимания, объяснения) и принцип заботы. Концепция заботы о себе, практики себя М. Фуко³ приводится в связь с концепцией заботы М. Хайдеггера и трактуем ее с новой точки зрения культурно-исторической работы личности, в которой забота и практика себя открывается в заботе о Я и о Другом. Утверждается, таким образом, что принцип познания необходимо основывать на горизонте онтологии заботы и работы заботы. Это положение мы продумываем, исходя из философии практики Маркса, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (1997). Таким образом, принцип заботы (о себе, о Другом и о бытии) и принцип познания себя берутся во взаимопроникновении и внутренней связности. Принцип заботы выражается в работе, практике по осуществлению определенного способа бытия и вводит проблему преобразования, творения, изменения. Значит, психика не только познает, но и является заботливой работой (инструментом, служебной работой) по осуществлению жизнедеятельности, форм бытия, форм существования. Забота выражается в службе, служении, даже еще в более широком смысле — для стяжания сакральности, приобщения к высшим ценностям бытия, синтеза с трансцендентным объектом. В конкретно-психологическом плане такие феномены, как феномен материнского ухода (шире — родительской за-

³ М. Фуко (2007) считает, что в греко-римской культуре забота о себе предшествует принципу познания себя — дельфийскому лозунгу «Познай себя».

боты) и репрезентации «хорошей матери» Винникота, интерпретируется нами в онтологическо-темпоральном термине «забота». При этом мы переворачиваем феномен потребности в заботе, объясняя, как у самого ребенка формируется феномен заботы о Другом (Магомед-Эминов, 2007). В отличие от М.Фуко мы рассматриваем заботу о себе соотносительно заботы о Другом. Более того, утверждаем, что забота о себе возможна только как забота о Другом. Феномен заботы определяется на перекрестье заботы о себе и заботы о Другом и является, следовательно, транзитным феноменом. Личность медиальна и определяется между Я и Другим, между заботой о себе и заботой о Другом.

Помогающая психология

Если, согласно развиваемой нами точке зрения, принять в психологии принцип заботы (работы над собой и работы над Другим) за основание принципа познания, то необходимо дополнить традиционное теоретическое и эмпирическое познание практикой помощи. Кроме того, помимо описательной и объяснительной научно-психологических установок, следует учесть горизонт помогающей психологии, направленной на осуществление заботы — конструктивной, порождающей работы, практики заботы о Другом и о себе.

Сама психология должна совершить переход: не только объяснять явления и описывать феномены, но выйти в особую помогающую ситуацию, требующую преобразования, деятельной («работающей») заботы. Ф.Е. Василюк (2003) разработал подход «понимающей психотерапии» на основе перехода от переживания к молитве. Мы предлагаем продумать психологическую помощь на основе перехода от сознания, понимания к заботе, т.е. как «помогающую психологию». Человек, оказываясь в многообразии связей, деятельностей, способов бытия, реальностей, в драмах, трагедиях и т.д., т.е. в транзитной ситуации существования, не только осуществляет заботу о жизни и бытии, но и требует заботы. При этом забота как оформляет в единство, целостность, завершенность, полноту личности (это лишь одна сторона, подчеркивающая становление самости), так и размыкает самоидентичность, личность, субъекта навстречу жизни, бытию, более того — приобщению, единению с Другим.

Перефразируя известное изречение К. Маркса о том, что философия объясняла мир, в то время как его надо изменять, и, применяя его в мягкой форме, накладывая этико-эстетический запрет на властный захват человеческой личности, мы можем сказать, что психология должна не только объяснять и описывать, интерпретировать и понимать, но и помогать, содействовать изменению, трансформации бытия человеческой личности в жизненном мире. Принимая к сведению предостережение о дегуманизирующей функции техники и таящейся в ней опасности, в существовании которой пребывает человек (Хайдеггер, 1993), ситуация по-

мощи включает в себя нравственное измерение. Психотехника должна быть развернута в сфере не просто личности, но личности, «имеющей» нравственное измерение (Братусь, 2006) и изменяющейся личности в изменяющемся мире (Асмолов, 2007). «Помогать» трактуется в горизонте заботы, что позволяет говорить о психологии помощи как о заботе. Забота интерпретируется нами как работа личности в «со-бытии».

Трансформация идентичности

Забота о бытии, жизни, существовании и забота о себе и о Другом требует трансформации личности, идентичности и трансформации жизнедеятельности. Феномен трансформации принимается за основание понимания и психики, и деятельности. Признание феномена трансформации, корнящегося в самом основании бытия человека, вступает в явное противоречие с тем, что философское по сути понятие субъекта, которое использовалось в психологии Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном, Д.Н. Узнадзе не в категориальном значении, превратилось в субстанциональную категорию субъекта, субъекта жизни, субъекта бытия, бытийных пространств, человеческого бытия. Более того, субстанциональному, тотальному, самостийному субъекту, автономной самодетерминированной идентичности, согласно Р. Барту, Ю. Кристевой, М. Фуко, объявлена смерть. Субъект «исчезает» в постмодернизме и конструкционизме, утратив онтологический статус, в плюральных, межкультурных кодах, дискурсивных практиках, самонаррациях, текстах, семиотических структурах у Дж. Брунера, К. Гергена, Р. Лифтона, Д. МакАдамса, Х. Маркуса, П. Нури, Т. Сарбина, Р. Харре и др. Тем самым поднимается альтернативная пост-постмодернистская проблема воскресения субъекта и выхода из кризиса идентичности. В психологии возникает фундаментальный вопрос о единстве многообразия личности: «Как творится единство человека изменчивого, текучего, как сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство (идентичность)?».

Для решения и концептуализации данной проблемы положение о том, что внутренняя работа осуществляется в бытии личности, надо развернуть в переходе от работы структурирования к работе существования и принять более объемлющее понятие культурно-исторической работы личности с опытом бытия личности в «со-бытии» с Другим. Для воскресения идентичности и соответствующей позитивной трактовки трансформации личности мы рассматриваем культурно-историческую работу в самом основании конкретного индивидуального бытия личности в совместном мире.

В культурно-исторической работе личности человек в собственном культурно-историческом бытии (ансамбле отношений, реализуемом в многообразных деятельности, способах существования) относится к собственному бытию (в «со-бытии») с той или иной позиции, свершая

поступок, решая задачу на жизненный, бытийный смысл, изменяя себя (и другого), осуществляя заботу (о себе и о Другом).

Применив эту идею к субъекту, который умирает в современном постмодернизме, утратив основание, метанаррацию, мы можем сказать, что он воскресает в работе личности над собственной субъектностью. Недостаточно быть субъектом как субстанцией или подлежащим, о котором сказываются истории, необходимо создавать в собственной работе над собой и другими свою субъектность. Значит, конструирование субъекта, идентичности надо раскрыть из диалектики взаимодействия работы умирания и работы воскресения (как двух образующих работы личности), что по-новому ставит проблему «смерти субъекта» (Фуко, 2007) и «смерти бога» (Ницше, 1990) в современной психологической и философской антропологии. В культурно-исторической работе личности идентичность конструируется как единство многообразия в диалектике повторения и различения: 1) она повторяется как то же самое — воспроизводится, и 2) становится иным и иным, т.е. различается. Следовательно, в культурно-исторической работе самоидентичность (модернизм) и самонетожественность (постмодернизм) различаются. Это возможно по той причине, что культурно-историческая работа — это «связующее различие», преодолевающее односторонность и модернистской связности структур, и постмодернистского различения. Идентичность определяется нами на перекрестье Я и Другого в заботе о себе и заботе о Другом, в смысле для меня и смысле для Другого.

Постмодернистская антропология и психология трактуют идентичность с точки зрения текста, наррации, самоконструирования. Мы различаем наррацию и поступок, который определяется с точки зрения работы личности, т.е. работы «поступания», при этом считаем, что самонаррация, нарративная работа осуществляется в горизонте смысловой работы личности, в одушевленном бытии, а не в безличной онтологии или бумажной идентичности. В ходе культурно-исторической работы личности (и в производстве, и в присвоении опыта бытия) жизненный, бытийный смысл личности выражается в семиотических структурах, текстах, наррациях, дискурсах, в том числе, нарративной идентичности, автобиографической работе личности, а не наоборот, как это понимается в конструкционизме, постмодернизме, разрывающих деятельность и смысл. Жизненный опыт личности (в том числе, автобиографический опыт личности) не воспроизводится как фиксированная, застывшая картинка или фотография, а конструируется в темпоральной смысловой работе личности.

Для того чтобы ухватить этот феномен, необходимо рассмотреть многообразие деятельностей в связующей работе личности в событии «со-бытия» в мире. Личностный смысл, который определяется как «значение для меня» (Леонтьев, 1983), раздваивается, удваивается и в своей эквивокации (диалоге), двусмысленности определяется в транзитном

промежутке — переходе между смыслом для меня (Я есть) и смыслом для Другого (Ты есть). Кроме эквивокальной, диалогической трактовки личностного смысла, мы различаем смысл и смысловую работу, и кроме трех аспектов смысла, описанных Д.А. Леонтьевым (2003), выделяем экзистенциальный план — смыслы не только отражают жизненные отношения, есть также и работа осуществления определенного способа существования, модуса бытия.

Повседневное и неповседневное, ординарное и экстремальное

Противопоставление теоретического и практического, житейского и научного носит гносеологический характер. Мы предлагаем разделить повседневную и неповседневную реальность и связать их как единство различающихся модусов существования (Магомед-Эминов, 1996, 1998). В повседневности выделяется множество миров (Бергер, Лукман, 1995; Шютц, 2004), реальностей, но все они считаются разновидностями вертикальной реальности — повседневной реальности (Шютц, 2004). Конкретную, созидающую психологию жизни, в которой мы тематизируем психологическую помощь, необходимо также раскрыть в контексте двух фундаментальных модусов бытия личности — повседневном (ординарном) и неповседневном (экстремальном). Повседневный и неповседневный модусы бытия личности коррелятивны также повседневному и неповседневному жизненному миру. Говоря о повседневном жизненном мире, было бы целесообразно разяснить нашу позицию относительно феноменологии Э. Гуссерля (2004), феноменологической социологии А. Шютца (2004) и социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана (1995). Шютц, развивая феноменологическую социологию, связывает понятие «жизненный мир» Гуссерля с естественным обыденным миром, образуя понятие «повседневного жизненного мира» как пред-данности научной реальности. Бергер и Лукман аналогичную идею повседневного жизненного мира используют для создания социологии знания, в рамках которой рассматривается то, как повседневные знания конструируют социальную реальность, являющуюся донучной или квазинаучной. Повседневный жизненный мир в феноменологической социологии и социологии знания является схожим со средней повседневностью Dasein Хайдеггера (1997), в которой человек рассмотрен в рутинной, привычной, типичной обыденности, не охватывающей все формы человеческих реальностей. Так, вопрос, который Хайдеггер (1993) ставит как «открытие ничтожащего Ничто» человеку средней повседневности, подсказывает нам разделение повседневного модуса бытия личности и неповседневного модуса бытия личности, в котором человек переходит, осуществляет трансгрессию в сферу контакта бытия и небытия, жизни и смерти.

Феномен экстремальности понимается нами как проблематичность человеческого существования и определяется с точки зрения феномена

темпоральной предельности, который конституируется в двойной онтологической возможности существования: 1) «бытия-к-концу» — возможности невозможности и 2) «бытия-к-началу» — возможности подлинной возможности. Феномен экстремальности имеет не только негативный, но и позитивный аспекты и может быть полноценно рассмотрен в трансформационной триаде «страдание — стойкость — рост».

В качестве ключевых терминов и концептуальных понятий рассматриваются: смысл бытия и смысл небытия; L-смыслы и D-смыслы; предельный феномен и двойственное прочтение времени — временность как переживание конечности, краевой феномен, и временное, т.е. историчность личности в бытии (в том числе в условиях угрозы небытия). Связь экстремальности и темпоральности двояка: 1) в экстремальности разрывается связь времен, и человек оказывается в темпоральном разрыве; 2) но в темпоральном разрыве складывается, образуется новая временность. Таким образом, время множится, умножается и становится иным и иным. Однако экстремальность, экстатичность характерна всякой временности. Время как переход временных форм складывается в разрыве между временными формами в творящей темпоральной работе.

Заключение

Чтобы психология, которая «идет» в практику, жизнь, не превратилась в «практицизм» и эклектизм (кстати, высоко ценимый практиками), требуется теория и методология — философия практики (Выготский, 1982). Значит, абстрактная психология психики субстанционального субъекта должна быть дополнена конкретной психологией человека (человека одушевленного, временного). Конкретный человек рассматривается в бытии, в жизни, т.е. в практике жизни, практике бытия, для определения которых мы рассматриваем психику как работу. Психическая деятельность — это деятельность (внешняя и внутренняя), связанная с психикой, т.е. с психической работой. Психическая работа имеет два особых плана: 1) план отражения, рефлексии, осознания, конструирования образа мира; 2) план заботы, т.е. экзистенциальной работы по осуществлению деятельности, жизнедеятельности, способов существования, способов бытия, а также духовной, сакральной работы по утверждению способов существования и становления человеческого в человеке. В действительности, в психике мы выделили три ипостаси, если учесть еще конструирование образа мира, в том числе отражательно-рефлексивную работу. Для различения работы и деятельности мы вводим в психологию понятие темпоральности, отличая ее от времени как числа, меры и временной формы, и предлагаем темпоральный подход к деятельности, психике, человеку.

Привлекая понятие заботы к сакральности, мы можем утверждать, что духовная работа направлена на заботу о душе для реализации выс-

ших ценностей бытия и осуществления трансгрессии. Таким образом, мы можем говорить об одушевленной деятельности, т.е. о деятельности, опосредствованной психической работой, душевной работой. Душевная работа, таким образом, находится не только на службе деятельности, является средством деятельности, но и находится на службе спасения, развития, трансформации души. Но работа души происходит как синтетическая, совместная, синергичная работа. В терминах работы заботы (или практики заботы) мы можем выделить три формы: 1) заботу о конструировании образа, картины мира; 2) заботу об осуществлении деятельности, осуществлении формы жизни, формы бытия; 3) заботу об утверждении бытия личности, конструировании, творении себя и Другого, духовной практики, нравственной работы и др. В терминах служения (или служебной работы) мы можем говорить о трех ипостасях психики (психической работы): психика находится на службе образа мира; психика находится на службе жизни, жизнедеятельности, деятельности; психика находится на службе духовности, сакральности, поступка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Метафизика: Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеева. СПб.; Киев, 2002.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.

Асмолов А.Г., Петровский В.А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // *Вопр. психологии*. 1978. № 1. С. 70—80.

Бахтин М.М. К философии поступка. Автор и герой эстетической деятельности (фрагмент) // *Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1.* М., 2003.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // *Вопр. психологии*. 1997. №.5. С. 3—19.

Братусь Б.С. Леонтьевские основания смысловых концепций личности // *Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра* / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006. С. 117—133.

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1.* С. 291—436.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 3.* С. 5—328.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. 1986. № 1. С. 52—63.

Гулина М. Терапевтическая и консультативная психология. М., 2001.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.

Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1998.

Кант И. Критика чистого разума // *Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3.* М., 1964.

Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. 1-е изд. СПб., 1999.

Кочунас Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия. М., 2005.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981.

- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М., 2003.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 26—35.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Трансформация личности. М., 1998.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Позитивная психология: В 2 т. М., 2007.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч.: В 39 т. М., 1955—1966.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5—237.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
- Рудестам К.* Групповая психотерапия. СПб., 2006.
- Соколова Е.Т.* Психотерапия: теория и практика. М., 2002.
- Спиваковская А.С.* Профилактика детских неврозов. М., 1988.
- Фуко М.* Слова и вещи. М., 1994.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта. М., 2007.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2004.
- Brammer L.M., Shostrom E.L.* Therapeutic psychology. N.J., 1968.
- Gergen K.J.* The saturated Self. N.Y., 1991.
- Hartmann H.* Ego psychology and the problem of adaptation. N.Y., 1958.
- McAdams D.P.* The Person: An integrated introduction to personality psychology. 3rd ed. Fort Worth, TX; N.Y., 2001.
- Sarbin T.R.* (Ed.). Narrative psychology: The stories nature of human conduct. Princeton, NJ, 1986.

О. Г. Квасова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ)

В статье рассматриваются различные аспекты изучения временной перспективы в связи с экстремальным опытом человека. Отдельные исследования комментируются с точки зрения темпоральной концепции деятельности по конструированию временной формы (М.Ш. Магомед-Эминов).

Ключевые слова: временная перспектива, экстремальная ситуация, темпоральная концепция деятельности, темпоральная работа личности, посттравматический рост, нарративный анализ.

This article covers various aspects of studying the time perspective in connection with a person's extreme experience. Certain researches are analyzed from the viewpoint of temporal conception of the time form creation activity (M.Sh. Magomed-Eminov).

Key words: time perspective, extreme situation, temporal conception of activity, temporal personality's work, post-traumatic growth, narrative analysis.

Общепсихологический анализ закономерностей психологической трансформации человека в экстремальной ситуации и разработка адекватных методов психологической помощи людям, пережившим травматический опыт, предполагают рассмотрение феноменов экстремальности в темпоральном контексте, в частности в контексте понятия временной перспективы (ВП).

Мы будем основывать свой анализ на таком подходе, в котором экстремальность рассматривается в плане трансформации способа существования человека при переходе от повседневного к не повседневному способу бытия, жизни (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007, 2009). Вместе с тем в современной литературе экстремальность трактуется преимущественно в контексте медико-биологических или стимульно-реактивных концепций стресса. Но и в них темпоральный фактор занимает центральное место. Например, Г. Селье (Selye, 1956, 1976) связывает последствия для организма стимульного воздействия с его длительностью, а *посттравматические стрессовые расстройства* (ПТСР) определяет как отсроченные (следовательно, темпоральные).

Квасова Ольга Григорьевна — ст. преп. кафедры экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ. *E-mail:* 220163@mail.ru

Проблема ВП занимает особое место в психологических исследованиях человеческого поведения, мотивации, личности, когнитивных аспектов Я-концепции. В понятии Я-концепции, например у У. Джемса, присутствует не только актуальная самопрезентация, но и то, как сам индивид оценивает возможности своего развития в будущем, своего идеального Я. Динамические параметры актуализации того или иного временного «модуса» Я-концепции при анализе мотивации обсуждаются Ж. Нюттеном (2004). В рамках мотивационного подхода также изучаются такие характеристики ВП, как экстенсивность, протяженность, глубина, степень структурированности, насыщенности, уровень реалистичности и т.д. Рассматриваются возрастные особенности ВП (Прихожан, Толстых, 2007; Руководство..., 2000; Толстых, 2009), выделяются условия, необходимые для ее формирования. В частности, при сравнении ВП обычных школьников и подростков, воспитывающихся в условиях ограниченных возможностей для полноценного развития, обнаружено, что у первых ВП глубже, и в ней присутствуют мотивы, связанные с отдаленным и более структурированным будущим, чем у их сверстников из детского дома, демонстрирующих преобладание перспективы ближайшего потребного будущего (Толстых, 1982).

Подход, предложенный в работах М.Ш. Магомед-Эминова (1998, 2006, 2007, 2008, 2009), ставит проблему ВП личности в первую очередь в контекст столкновения человека с экстремальной ситуацией, катастрофой, разрывающей, расщепляющей его темпоральную структуру.

В последнее десятилетие темпоральные аспекты экстремальных событий стали вызывать интерес как у исследователей стресса (Миско, Тарабрина, 2004; Тарабрина, 2001; Юрьева, 1998), так и у исследователей личности и мотивации (Арестова, 2000; Фоменко, 2008).

Одним из популярных подходов к пониманию ВП является трактовка этого конструкта как фактора совладания со стрессом. Так, в концепции жизнестойкости С. Мадди человек совершает выбор прошлого (привычного и знакомого) и будущего (нового, неопределенного и непредсказуемого). Выбор прошлого, фиксация на прошлых воспоминаниях, вина за произошедшее создают бессилие и бессмысленность. Жизнестойкость — это ресурс, на который опирается человек при выборе будущего (Maddi, 2002). В терминах подхода к ВП как конструированию темпорального опыта в работе личности концепция Мадди подтверждает, что человек выбирает различные виды работы с опытом, либо отчуждая нечто негативное в своем опыте, либо повторяя позитивные тенденции, либо укрепляя в себе тенденцию стойкости к бедствию (Магомед-Эминов, 1998).

Распространенными на сегодняшний день становятся утверждения о том, что одним из психологических последствий социальных кризисов является «нарушение временной перспективы личности», «крах жизненных планов» и «временная дезориентация субъекта» (Арестова,

2000). Указывается, что темпоральные характеристики предельных, экстремальных «модусов существования» включают в себя феномены «обрыва временной перспективы», ее «сужения» или «жизни в отсутствии будущего с отказом от ее планирования» (Фоменко, 2008). В современных классификаторах ПТСР есть указания на «неспособность ориентироваться на длительную жизненную перспективу» (МКБ-10), например, когда человек не планирует заниматься карьерой, жениться, иметь детей или строить нормальную жизнь.

Психическая травма характеризуется двумя тенденциями — вторжением травматических воспоминаний, мыслей, образов с навязчивым возвращением и сильным аффективным переживанием вновь травмирующей ситуации (DSM-4-TR) в виде вспышек памяти, ведущих к спонтанным, мелким, разрозненным воспоминаниям, при которых не обнаруживается ни их контекст, ни их взаимоотношение во времени (Тарабрина, 2001). Психическая травма характеризуется также тенденцией избегания воспоминаний, сцен, мыслей, поведения, напоминающих травматическую ситуацию с полной или частичной амнезией, либо с неспособностью воспроизвести эти воспоминания. Феномен сжатия времени объясняется тенденцией гипервозбуждения, не наблюдавшегося до травмы и сопровождающегося постоянным ожиданием угрозы, сложностью концентрации внимания (там же). Это объяснение следует за сложившимся в западной традиции объяснением последствий хронического гипервозбуждения как утраты вербальных, семантических способов фиксации мнемических следов и возврата к более ранним сенсорным, иконическим (Janet, 1928; Van Der Kolk, 1986).

Так, при исследовании особенностей жизненной перспективы у ликвидаторов аварии на ЧАЭС и ветеранов войны в Афганистане с ПТСР и без него (Миско, Тарабрина, 2004) предпринято изучение качественной структуры изменения представлений о жизненной перспективе при психологической травме различного генеза. Было показано, что искажение ВП зависит от уровня травматизации. Обнаружено, что в случае военной травмы больше деформируется эмоциональный компонент перспективы будущего. Для ликвидаторов аварии на ЧАЭС перспектива будущего включает в себя ожидаемую травму, связанную с угрозой здоровью или жизни вне зависимости от степени травматизации.

По данным Л.Н. Юрьевой (1998), лицам, пережившим техногенную катастрофу, прошлое представляется как более значительный период жизни, а будущее приобретает негативную окраску, видится малоперспективным, зачастую размытым и неопределенным. Их психологический возраст больше биологического, у ликвидаторов аварии на ЧАЭС в целом происходит деформация картины жизни и ВП, «горизонты бытия» сужаются. При анализе ВП и отношения к прошлому, настоящему и будущему различных социальных групп в условиях экономического кризиса (Муздыбаев, 2000) выявлено, что у

большей части наших соотечественников ВП сильно сокращена или не определена. Значительное количество людей испытывают временную дезориентацию (преимущественная ориентация на прошлое); настоящее время оценивается как исключительно негативное, а прошлое — как позитивное. Оптимизм, диспозиционная надежда, внутренний локус контроля, высокое самоуважение значимо влияют на дальность ВП и выбор ориентации на настоящее и будущее, а также на способность к выбору эффективных рациональных стратегий совладания с трудностями и лучшей личностной адаптации.

Интерес при изучении ВП представляют также исследования переживания времени в самой экстремальной ситуации. Наши работы (Квасова, 2008) показали, что люди, пережившие травматические события, воспринимают время экстремальности как «растянутое»: «время растянулось в действиях», «увеличилось в голове», время длилось как в «покадровом просмотре», в «замедленной съемке», «секунда растянулась в минуту», «время было растянуто в ожидании». Чем более травмирующим является событие, тем более эффект «растянутости» приближается к практически полной «остановке времени»: «время тянулось целую вечность», «время остановилось», ощущалась «заторможенность времени», «происходило все, как в тумане», «не знаю, сколько времени прошло». При этой тенденции наблюдается также и отдаление перспективы будущего, когда будущее кажется чем-то далеким и нереальным. Эти эффекты согласуются с распространенными представлениями о «жизненном обзоре», «панорамных воспоминаниях» (Lommel, 2006; Noyes, Kletti, 1977), свидетельствующими о том, что мгновенный процесс переживается как чрезвычайно растянутый, когда человек воспроизводит практически одновременно целостный процесс прожитой жизни или в виде стремительной ретроспективы, или, наоборот, в хронологической последовательности. Интересны феномены разрыва и «вневременности», «наблюдение за происходящим как бы со стороны», которые описываются как диссоциативные феномены дереализации и оцепенения, т.е. как защитные процессы в контексте психической травмы (Herman, 1997).

В концепции темпоральной трансформации личности в экстремальной ситуации (Магомед-Эминов, 2007, 2008) разорванность или связанность опыта зависит от смысловой темпоральной работы личности, т.е. работы, которая дает возможность человеку наделять смыслом настоящее и переосмыслить будущее, утратить смыслы, позволившие выжить во время бедствия (спастись любой ценой), и сконструировать новые (Magomed-Eminov, 1997). Разорванность опыта обусловлена вторжением травматического опыта и его избеганием. Человек охвачен противоречием между утратой памяти о прошлом и оживлением этого прошлого, между импульсивным действием под влиянием воспоминаний и торможением этих действий в силу мощных избегательных

тенденций. Это заставляет его сильнее фиксироваться на травме и не думать о будущем.

В некоторых современных исследованиях идея необходимости связывания опыта присутствует априорно в построении самих экспериментов. Так, в методике описания временных представлений личности Л.Н. Юрьевой (1998) уже в самой инструкции содержится побуждение к рефлексии и сознательной личностной работе. Предложение «выразить переживания взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего» должно стимулировать испытуемых, имеющих «разрывы бытия», к тому, чтобы начать связывать временные модусы, заполнять временные «провалы».

Когнитивные подходы к интерпретации психической травмы, например, у М. Хоровитца (Hogowitz, 1986), указывают на то, что травма разрушает внутренние схемы, не ассимилированный опыт накапливается в памяти, травматические воспоминания не включены в когнитивную схему индивида и практически не изменяются со временем, и жертвы остаются «застывшими в травме» как в актуальном переживании.

Исследования так называемой автобиографической памяти, осуществляемые в русле когнитивного подхода, сегодня становятся популярны не только за рубежом, но и в России. Автобиографические воспоминания изучаются с точки зрения вида эпизодической памяти — как «краевые», «циклические календарные», «телескопические» эффекты, влияющие на воспоминания в зависимости от яркости образов, находящихся на оси времени, от других когнитивных параметров реконструкции и стратегий. Один из них — эффект «пика воспоминаний» (Нуркова и др., 2005), заключающийся в непропорционально большом объеме воспоминаний, относящихся к юности и молодости. Периоды переломных событий становятся, по мнению этих авторов, более доступными для реконструкции в силу наличия «индивидуальных смысловых узлов автобиографии», что является важным замечанием, но не находит своего дальнейшего развития.

Другие авторы интерпретируют различные искажения в воспроизведении событий жизни и в восприятии будущих ожидаемых событий с точки зрения пристрастий человеческого сознания (Buehler, McFarland, 2001; Mazzoni, Vannucci, 2007; Newby-Clark, Ross, 2003; Rubin, Berntsen, 2004). Более того, даже «панорамные воспоминания» после выхода из состояния клинической смерти причисляют к искажениям воспоминаний или «ложным» воспоминаниям в силу некоторых процессов, «закрепленных на биологическом уровне» (Нуркова и др., 2005) и необходимых для личности, чтобы мобилизовать ресурсы в экстремальной жизненной ситуации, которую человеку удастся пережить и выйти из нее.

Позиция концепции работы личности и темпорального подхода к деятельности (Магомед-Эминов, 1996, 1998, 2007) по этому вопросу такова: чтобы созданные травмой воспоминания человека, пережившие-

го экстремальный опыт, могли стать живым, актуально действующим настоящим, восстанавливающим разрывы в перспективе его жизни, «успокоить» это прошлое, определить его место и время, необходимо осуществить специальную работу личности по связыванию опыта и времени. Под «связыванием» понимается как онтизация (встреча с грядущим), так и деонтизация (разлука с бывшим) (Магомед-Эминов, 1998).

Характер одного из видов подобной работы достаточно детально рассматривается сегодня в рамках нарративного подхода. Исследования в психотерапии экстремального стресса показывают, что работа по созданию нарратива, реконструкция истории травмы одновременно и трансформирует травмированную память, и позволяет интегрировать воспоминания в историю жизни человека. Истоки такого подхода лежат в представлениях П. Жанэ о нормальной памяти как «деятельности по рассказыванию историй». Травматическая же память является бессловесной и застывшей. Сначала она может воспроизводить события в перспективе довольно стереотипно, бедно, безэмоционально в силу тенденции навязчивого повторения, выделенной З. Фрейдом (Freud, 1958) в целях «фальсификации» принципа удовольствия в психической системе при травматическом неврозе. Терапевт может помочь постепенно воссоздавать травматические эпизоды подобно кадрам немого фильма, которые в ходе восстановления надо озвучить и наполнить музыкой. А другой терапевт становится очевидцем и союзником, в присутствии которого уцелевший может говорить о том, о чем долго молчал. Представления З. Фрейда о болезни в работе «Воспоминание, повторение и проработка» также принципиально важны для понимания смысла восстановления связной трансспективы личности уцелевшего. «Пациент должен найти мужество ... более не презирать свой недуг, но сделать его врагом, достойным быть частью своей личности, которая имеет достаточные основания для существования, и из которой исходит то, что будет крайне важным для его будущего. Так прокладывается путь к примирению с вытесненным (забытым) материалом» (ibid, p. 148). Специалисты, работающие в нарративной традиции, и другие психотерапевты указывают, что «исправление» истории жизни пациента, пережившего травму, необходимо для восстановления жизненного «потока» и чувства преемственности с прошлым (Danieli, 1991). И это касается различных аспектов его опыта — идеалов, конфликтов, снов, фантазий, предшествовавших травматическому событию. Тем самым восстанавливается индивидуальный контекст, в котором может быть понят и смысл самой травмы. Одним из этапов восстановительного процесса становится реконструкция произошедшего путем пересказа (наррации). Из отдельных, фрагментарных, дискретных эпизодов и картин, застывших образов и ощущений, выступающих в наррации, терапевт осторожно собирает организованную детализированную словесную форму, имеющую временную направленность и исторический

контекст. В этом процессе бывают моменты, когда человек затрудняется в подборе слов и спонтанно переходит на невербальные способы выражения, например начинает рисовать, чертить, что может оказаться наилучшим способом инициации травматических воспоминаний. Нарратив должен содержать полное и ясное описание травматических образов рассказывающего: что он видит, что он слышит и даже то, что он воспринимает другими органами чувств. На важность телесных ощущений в реконструировании воспоминаний указывают разные авторы, в частности, Теренс Кин: «Если Вы специально не спросите о запахах, или о том, как билось сердце, как напрягались мускулы, о слабости в ногах, то человек не сможет пройти сквозь все это, потому что это слишком отвратительно» (цит. по: Herman, 1997, p. 177). На необходимость воспроизводства аффективных переживаний, сопровождающих воспоминания, указывали Й. Брейер и З. Фрейд. В процессе наррации человек реконструирует не только то, что случилось, но и то, что он чувствовал. Одна из важных частей реконструкции истории травмы — систематическая оценка смысла события, артикуляция тех ценностей, которые были утрачены в результате травмы. Наконец, переживший травму должен решить, что ему следует делать, для того чтобы включить свой травматический опыт в развернутый жизненный нарратив.

Еще один аспект изучения ВП в связи с экстремальным опытом человека касается исследования не только негативных последствий его пребывания в травматической ситуации, но и феномена так называемого посттравматического роста, т.е. интенсивной устремленности личности к поиску новых ценностей, построению новых связей с людьми, ориентации на ценность жизни, позитивному взгляду на свою жизнь после травмы. Этот процесс имеет противоположное направление относительно работы травмы, темпорально разделяющей жизненный мир человека на «мир-до-травмы», «мир-в-травме» и «пост-мир», и он связывает, интегрирует разорванный опыт. Это особая, смысловая, конструктивная работа личности (Магомед-Эминов, 1998, 2007, 2008).

В наших исследованиях характера травматического опыта и его связи с посттравматическим ростом и с характером ВП было показано, что люди, обнаруживающие выраженный рост после травмы, более позитивно смотрят на свое будущее (Квасова, 2007). В их ВП, исследованной с помощью опросника Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой (Сырцова и др., 2007; Zimbardo, Boyd, 1999), присутствуют как ориентация на позитивное прошлое, так и выраженная перспектива будущего, в отличие от людей с невыраженным ростом после травмы. Последние воспринимают свое прошлое скорее как негативное, а будущее — как лишенное надежды и бесперспективное. Важно отметить, что у людей, переживших более интенсивную травму, посттравматический рост оказался более выраженным, чем у тех, чьи экстремальные ситуации можно отнести к жизненному опыту средней тяжести. Это показыва-

ет следующее: чтобы восстановить разорванную связь времен и саму расщепленную целостность уцелевшего в травме человека, требуется особая «работа связывания» темпоральных горизонтов опыта (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007, 2008), деятельность по конструированию временной формы, связывающей три модуса времени в континуальную целостность. Исходя из этого и ВП рассматривается нами, во-первых, со стороны временной формы и, во-вторых, со стороны конструирования этой временной формы, т.е. темпоральной работы личности, в которой конструируется идентичность человека. Таким образом, ВП включает в себя все темпоральные формы идентичности в их континуальности. Жизненный опыт не только вспоминается, но и конструируется в работе личности и размещается в пространстве жизненного мира человека в единстве настоящего, прошлого и будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арестова О.Н.* Операциональные аспекты временной перспективы личности // *Вопр. психологии.* 2000. № 4. С. 61—73.
- Квасова О.Г.* Роль временной перспективы в позитивной работе личности с травматическим опытом // *Феномен посттравматического роста личности* / Под ред. М.Ш. Магомед-Эминова. М., 2007. С. 16—25.
- Квасова О.Г.* Трансформация временной перспективы личности после психической травмы // *Конструирование психической травмы* / Под ред. М.Ш. Магомед-Эминова. М., 2008. С. 57—81.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Личность и экстремальная жизненная ситуация // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1996. № 4. С. 26—35.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Трансформация личности. М., 1998.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Экстремальная психология: В 2 т. М., 2006.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Позитивная психология: В 2 т. М., 2007.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Внутренняя работа: конструирование временной формы М., 2008.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Деятельностно-смысловой подход к трансформации личности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.
- Миско Е.А., Тарабрина Н.В.* Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии ЧАЭС // *Психол. журн.* 2004. Т. 25. № 3. С. 44—52.
- Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // *Психол. журн.* 2000. Т. 21. № 4. С. 5—21.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В.* Автобиографическая память: «сгущения» в субъективной картине прошлого // *Психол. журн.* 2005. Т. 26. № 2. С. 22—32.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.
- Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. 3-е изд. СПб., 2007.
- Руководство практического психолога: психологические программы развития личности в подростковом и старшем школьном возрасте / Под ред. И.В. Дубровиной. 4-е изд. М., 2000.
- Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Методика Зимбардо по временной перспективе // *Психол. диагностика.* 2007. № 1. С. 85—106.
- Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001.

Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск; М., 2009.

Толстых Н.Н. Сравнительное изучение отношения к будущему у подростков, воспитывающихся в семье и вне семьи // Возрастные особенности психического развития детей / Отв. ред. И.В. Дубровина, М.И. Лисина. М., 1982. С. 111—121.

Фоменко Г.Ю. Парадоксы личностной организации времени при экстремальном модусе бытия // Мат-лы конф. «Личность и бытие: субъектный подход» (Москва, 15—16 октября 2008 г.). М., 2008. С. 216—220.

Юрьева Л.Н. Кризисные состояния. Днепропетровск, 1998.

Buehler R., McFarland C. Intensity bias in affective forecasting the role of temporal focus // Personality and Social Psychology Bull. 2001. Vol. 27. P. 1480—1493.

Danieli Y. Treating survivors and children of the Nazi Holocaust // Post-traumatic therapy / Ed. by F. Ochberg. N.Y., 1991. P. 278—294.

Freud S. Remembering, repeating and working through: Further recommendations on the technique of psychoanalysis. L., 1958.

Herman J.L. Trauma and recovery. N.Y., 1997.

Horowitz M.J. Stress response syndromes. 2nd ed. N.Y., 1986.

Janet P. L'evolution de la memoire et de la notion du temps. Paris, 1928.

Lommel, van, P. Near-death experience, consciousness, and the brain: A new concept about the continuity of our consciousness based on recent scientific research on near-death experience in survivors of cardiac arrest // World Futures. 2006. Vol. 62. P. 134—151.

Maddi S.R. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research and practice // Consulting Psychology J. 2002. Vol. 54. P. 173—185.

Magomed-Eminov M.S. Post-traumatic stress disorders as a loss of meaning of life // States of mind / Ed. by D. Halpern, A. Voiskunsky. Oxford Univ. Press, 1997.

Mazzoni G., Vannucci M. Hindsight bias, the misinformation effect, and false autobiographical memories // Social Cognition. 2007. Vol. 25. P. 203—220.

Newby-Clark I.R., Ross M. Conceiving the past and future // Personality and Social Psychology Bull. 2003. Vol. 29. P. 807—818.

Noyes R., Kletti R. Panoramic memory: A response to the threat of death // Omega. 1977. Vol. 8. P. 181—194.

Rubin D.C., Berntsen D. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // Memory and Cognition. 2004. Vol. 32. N 3. P. 427—442.

Selye H.A. The stress of life. N.Y., 1956.

Selye H.A. Stress in health and disease. Boston; L., 1976.

van Der Kolk B.A. Psychological consequences of overwhelming life experiences // Psychological trauma / Ed. by B.A. van Der Kolk. Washington, DC, 1986. P. 1—30.

Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // J. of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. P. 1271—1288.

О. О. Савина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Работа посвящена проблеме идентичности личности современных подростков и юношей, чье взросление происходит в ситуации социально-экономической нестабильности, кризисности. Идентичность личности рассматривается как трансформирующийся в своем становлении феномен. В качестве критериев для определения идентичности у испытуемых выбраны два признака: представления об устойчивости своего Я во времени и готовность к принятию решения. На основе сочетания данных признаков получена эмпирическая типология идентичности у подростков.

Ключевые слова: идентичность личности, психологическая трансформация личности, темпоральность, типология идентичности, подростки, юноши.

The article covers the problems of personal identity formation, identity transformations, special focus of the work is the methodological basis of personal identity formation research of adolescents, their “moving into adulthood” in the situation of social-economic instability and crisis. Personal identity formation is described as phenomenon in its transformations. As criteria for defining identity in adolescents we use stability of self-conceptions in time and readiness to make independent decisions in life. Thus different combinations of various levels of stability and readiness to make decisions will determine identity typology.

Key words: personal identity, psychological transformation of person, temporality, identity typology, adolescents, teenagers.

Проблема

В настоящее время в психологии возрос интерес к изучению идентичности личности, что обусловлено откликом науки на динамичные изменения в обществе. Проблематичный характер жизни современного человека связан с утратой традиций, размыванием морально-нравственных, ценностных ориентиров, социальных норм, гендерных образцов, ослаблением роли религии, глобализацией, существованием в межкультурном пространстве, развитием виртуальных, знаково-

Савина Ольга Олеговна — канд. психол. наук, доцент кафедры экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ. *E-mail:* savindm2006@rambler.ru

графических реальностей, повышением вероятности техногенных, природных катастроф, экономических, социально-политических кризисов, экстремальным состоянием культуры в целом. Проблему идентичности заостряет и происходящая при этом трансформация представлений человека о себе, своих возможностях. От личности требуется готовность к более высокому уровню свободы, способности принимать самостоятельные решения в отсутствии внешней предопределенности. Речь идет о том, что для выживания и развития, для воспроизведения культуры и ее производства необходимо осуществление работы личности, имеющей бытийно-темпоральный и культурно-исторический планы (Магомед-Эминов, 2009).

Установившееся к XX в. представление об идентичности как о последовательности, непротиворечивости личности выразил У. Джемс. Посредством данного термина обозначалась тождественность, одинаковость, полное совпадение чего-либо с чем-нибудь. Э. Эриксон (1996), связывавший идентичность с кросстемпоральной и кросситуативной устойчивостью, полагал, что она меняется в соответствии со стадиями развития личности и является той субстанцией, которая объясняет само единство личности.

Вторая половина XX и начало XXI в. характеризуется оживленными дискуссиями и активной проработкой проблем идентичности личности в ведущих теоретических концепциях психологической науки. Представители современного психоаналитического подхода (Дж. Марсиа, А. Ватерман, Н. Холланд и др.) значительно расширили представления о содержании, структуре и динамике идентичности, дополнив описательный подход Э. Эриксона эмпирическими исследованиями (Ego identity..., 1993). Экзистенциально-гуманистическому подходу в целом свойственны понимание идентичности как внутреннего свойства человека, ориентация на идеи латентного потенциала личности (Роджерс, 1994; Фромм, 2004). Основатель концепции символического интеракционизма Дж. Мид (1995) понимает под идентичностью способность человека воспринимать свое поведение и жизнь как связанное, единое целое. Его идеи творчески развиты в ролевых теориях идентичности (Identity and difference, 1997), социальной драматургии (Гоффман, 2000), конструктивизма (Бергер, Лукман, 1995). В теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986) исследования строятся на выделении в идентичности двух аспектов — ориентированного на социальное окружение и ориентированного на уникальность проявлений человека. В рамках данной теории идентичность, или Я-концепция (эти понятия употребляются как тождественные), представляется как когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения в соответствующих условиях (Codol, 1990; Markus, Kitayama, 1991).

В нарративной психологии (Gergen, 2009; McAdams, 2001; Narrative psychology..., 1986) идентичность понимается как создание «текста» о самом себе, непрерывная самоинтерпретация, самоистолкование, т.е.

состоит в способности человека представить когерентную историю о своей жизни. Основанием идентичности признается именно рассказ, а не соответствие поступков убеждениям или принципам.

Новые реалии жизни, необходимость соответствовать быстро меняющимся жизненным ситуациям способствовали появлению концепций, трактующих современного человека как субъекта с множественной идентичностью (Codol, 1990; Mummendey, 1997; Thoits, 1986). Последняя, в свою очередь, толкуется по-разному: как патологический феномен (множественность личности, диффузное Эго — Эриксон, 1996); как травмированная самость (Lifton, 1993); как многообразие сторон, ипостасей, форм активности субстанционального субъекта (целокупной, целостной личности); как безличные структуры, потоки интенсивностей (Делез, Гваттари, 2007); как самонаррации, культурные коды, дискурсы, тексты, семиотические структуры (Gergen, 2009; Narrative psychology..., 1986). В работах, выполненных в духе социального конструкционизма, системно-теоретической культуральной социологии или культурной, кросскультурной и межкультурной психологии (White, Epston, 1990; Zielke, Straub, 2008), констатируется утрата человеком собственной идентичности, так как индивидуальная (личная) идентичность представлена не в содержании нарратива, а в нарративных актах, т.е. в самом процессе наррации. Предполагается, что современная психотерапия — это практика самоконституирования человека, она фокусируется на сети взаимоотношений, в которую встроен индивид, при этом подчеркивается аспект диалогической со-конструкции смысла (значения), а не внутренних состояний и процессов (чувств, мыслей, мотивов) пациента или клиента. Прикладные исследования в области идентичности характеризуются многоаспектностью. В них выявляются особенности характерные гендерной, расовой, этнической принадлежностью, спецификой влияния восточной и западной культур (Zielke, Straub, 2008); анализируется трансформация идентичности в виртуальном мире; кроме того, в фокусе исследований оказывается практическая помощь людям, переживающим кризис идентичности (Ego identity., 1993).

В отечественной психологической литературе термин «идентичность» почти не употреблялся вплоть до 1990-х гг. Отечественная традиция изучения данной проблематики связана с исследованием и разработкой понятия «субъектность», или «самоопределение», трактуемого как конструирование человеком своего жизненного поля, включающего как совокупность индивидуальных жизненных смыслов, так и реальное действие (Абульханова—Славская, 1991; Анцыферова, 1999; Гинзбург, 1996; Петровский, 1996). В исследованиях 1990-х—начала 2000-х гг. акцент ставился на изучение социального аспекта идентичности (Андреева, 1997; Белинская, 2001; Стефаненко, 2000); выявлялись взаимосвязи особенностей идентичности и отдельных личностных и поведенческих характеристик, изучались проблемы

профессиональной, половозрастной идентичности (Антонова, 1995). Трансформация идентичности в ситуации психологической травмы, утраты, горя обнаруживалась при психологической помощи жертвам насилия, ветеранам локальных войн, людям, утратившим близких (Магомед-Эминов, 1998, 2009).

В целом нынешнее состояние исследований идентичности можно представить следующим образом: идеи понимания идентичности как сущности, имеющей субстанционально-структурный, внетемпоральный характер, сочетаются с представлениями о кризисе идентичности, об утрате ею онтологической реальности. Идентичность современного человека представляется в виде разорванного («лоскутного», «клочковатого»), мультикультурного образования, что в целом можно обозначить как идентичность без личности, традиционно понимаемой как устойчивое во времени образование.

В ситуации, когда речь идет о субъекте с множественной идентичностью (или о множестве субъектов, состояний Я, образов Я во времени и т.п.), все большее значение приобретает необходимость работы личности человека по связыванию этих разрозненных элементов в целостность.

Подход, утверждающий, что существование в гетерогенных культурах требует осуществления культурной работы личности, возрождающей трансформации, разработан М.Ш. Магомед-Эминовым (1998, 2009 и др.). Согласно этому подходу, самоидентичность — не застывшая сущность, она постоянно трансформируется и посредством связывающе-различающей бытийно-темпоральной работы объединяет многообразие собственных существований, миров, культур. Самоидентичность раскрывается в аспекте «бытия-между» — между Я и Другим, в единстве процессов индивидуации и приобщения. Существующие исследования доказывают значимость рассмотрения ситуационных и временных аспектов идентичности, обусловливающих изменчивость и процессуальность. Множественность идентичностей современного человека формулируется на основе ситуационности, из которой делается вывод об устойчивости личности. Однако устойчивость имеет и иную форму, нежели генерализация социальных аттитюдов, ситуаций, установок. Устойчивость как обобщение фактов и ситуаций, распространение закономерностей на класс фактов, есть одна форма, а другая — повторение одного и того же, но повторение различающее. Следуя темпоральной трактовке деятельности (Магомед-Эминов, 2009), время рассматривается как основание самоидентичности: становление самоидентичности личности происходит благодаря фундаментальному механизму связывания-различения, путем онтологической и темпоральной дифференциации и связывания различающихся состояний Я. Этот подход трактует множественную идентичность «позитивно — как сущность существования человека в событийности “со-бытия”, на перекрестье многообразия событий бытия» (там же, с. 70).

Исследование становления идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте

Противоречивость различных подходов к идентичности наложила отпечаток и на представления об эволюции идентичности в онтогенезе. Становление человека происходит и как природного индивида, и как социокультурного субъекта, и как духовно-практического существа одновременно. В нашей работе представлен взгляд на идентичность как на трансформирующееся личностное образование, непрерывный процесс, который в отличие от развития не проходит жестких этапов и не имеет завершенной структуры. Главное для нас не то, *что* становится (т.е. предмет), а сама история образования некой целостности (конкретности, единства многообразия), не являющейся ни системой, ни структурой (Магомед-Эминов, 2009).

Подростковый и юношеский возраст перспективен для психологического изучения идентичности: этот период жизни человека отличается высокой интенсивностью процессов социализации-индивидуализации. Взросление характеризуется активным самоопределением, поиском своего места в мире, в обществе, в системе социальных ролей, а также расширением осознания своих особенностей, способностей с точки зрения соответствия требованиям социума. Идентичность преобразуется, трансформируется в результате интеграции элементов личного опыта, образующегося в разных сферах жизни. Личность приобретает способность строить, видоизменять свою идентичность, завоевывая определенную независимость от влияния оценок окружения.

Современные исследователи при анализе становления идентичности постулируют два основных положения: во-первых, идентичность развивается в плане субъективного времени личности и, во-вторых, феноменологически проявляется через наблюдаемые паттерны «решения проблем», связанных с актуальным социальным выбором (Identity in adolescence..., 1985). Однако в реальных исследованиях эти характеристики не изучаются в их взаимосвязи, что приводит либо к отождествлению идентичности с субъектностью (изучаются самостоятельность, автономность, принятие решений и обязательств), либо к концентрации внимания именно на субъективных аспектах Я-образа, самокатегоризациях, самоотношении и самопереживании.

Предмет исследования – феномен идентичности и его становление. В качестве объекта исследования выступили юноши и девушки 14–20 лет (учащиеся 9–11 классов средних школ, студенты колледжей и вузов различного профиля г. Москвы). Группа сравнения была образована из молодых людей (от 23 до 30 лет). Всего в исследовании приняли участие 439 человек. Из них 224 девушки и 195 юношей.

В исследовании применялись следующие методики.

1. Опросник социально-психологической адаптации Р. Даймона и Р. Роджерса, адаптированный, стандартизованный для подростков и юношей Т.В. Снегиревой (1987); 2. «Тест двадцати утверждений — Кто Я» (Кун, Мак-Парленд, 2000) с последующей обработкой контент-анализом, выделение категорий контент-анализа осуществлялось методом независимых экспертных оценок; 3. Полуструктурированное биографическое интервью — модификация методики *LiefLine* А. Кроника (1993). Анализ полученных данных осуществлялся методами математической статистики. Применялись статистические критерии проверки гипотез: дисперсионный анализ (ANOVA); H — критерий Крускала—Уоллиса; r_s — коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Для проведения статистического анализа использовались программы Statistika 5.0 и Microsoft Excel.

Результаты

В эмпирическом исследовании было выявлено следующее: связь устойчивости и готовности принять решение в целом носит типологический характер. Для проведения кластерного анализа были стандартизованы данные: а) по устойчивости представлений о себе во времени, б) по частоте принятия решений в важных жизненных вопросах, социально-психологической адаптации, представлениях о себе как субъекте и влиянии окружающих на самоопределение. Кластерный анализ данных подростковых и юношеских групп (без молодых взрослых), основанный на выделении максимально удаленных, независимых друг от друга типов, позволил выявить 4 типа идентичности по критериям устойчивости во времени самопредставлений и готовности к принятию решений (табл. 1).

Таблица 1

Типология идентичности (кластеры)

Готовность к принятию решения	Устойчивость самопредставлений во времени	
	Низкая (количество устойчивых во времени < 40% самоописаний)	Высокая (количество устойчивых во времени >40% самоописаний)
Низкая (решения не принимаются или принимаются редко)	Тип 3 — Диффузный: неустойчивость представлений о себе сочетается с неготовностью принимать решения (n=98; 22% выборки)	Тип 1 — Неопределившийся в социально-ролевой сфере: устойчивость самопредставлений в сочетании с неготовностью к принятию решения (n=66; 15% выборки)
Высокая (решения принимаются «иногда» и «часто»)	Тип 4 — Динамичный: неустойчивость представлений о себе сочетается с высокой готовностью действовать (n=136; 31% выборки)	Тип 2 — Определившийся в социально-ролевой сфере: устойчивость чувства Я во времени и высокая готовность к принятию решения (n=139; 32% выборки)

Отметим, что во всех типах идентичности, за исключением типа 1, наблюдается незначительное преобладание лиц женского пола, что характерно для выборки в целом. Тип 1 обнаруживает ярко выраженную диспропорцию: количество мужчин в данном типе примерно в 2 раза больше, чем женщин. Таким образом, данные свидетельствуют о том, что тип идентичности, которому свойственно сочетание устойчивых во времени представлений о себе с низкой готовностью принимать самостоятельные решения, более характерен для подростков мужского пола.

Анализ распределения типов идентичности в изучаемых возрастных группах демонстрирует тенденцию зависимости проявления типа идентичности от возраста. В младшей (старший подростковый возраст) и средней (ранний юношеский) возрастных группах процент респондентов, имеющих типы 1 и 3 идентичности (неготовые к принятию решений), значимо выше, чем в старшей группе (юношеский возраст, переход к молодости). Для сравнения: на основании кластерного анализа в группе молодых взрослых (23—30 лет) были выделены три типа идентичности: неопределившийся в социально-ролевой сфере (малочисленный), динамичный и определившийся. Диффузный тип отсутствовал. Более выраженным для молодых людей является тип идентичности, сочетающий готовность к принятию решений с представлениями об изменчивости Я во времени. Для женщин в большей мере, чем для мужчин, свойственна готовность к принятию решений в важных сферах жизни. Причем эта готовность сочетается в равной мере с представлениями как об устойчивости, так и о динамичности собственного Я.

Значимые различия ($p < 0.1$) между типами обнаружены по временным аспектам образов Я, содержательным параметрам идентичности и жизненного пути. Сравнительный анализ, проведенный с помощью ANOVA по фактору «тип идентичности», показывает, что существуют значимые различия между общим уровнем социально-психологической адаптации у подростков и юношей с разными типами идентичности (табл. 2).

Показатели дезадаптации (стремление к уходу от реальности, самоотвержение, переживание чувства эмоционального дискомфорта, зависимость) значимо выше у лиц с диффузным типом идентичности. По мере взросления эта тенденция становится более отчетливой. Для лиц с определившимся типом идентичности характерны: самопринятие, интернальный локус контроля, лидерство. Подчеркнем, что показатели, дифференцирующие типы идентичности, свидетельствуют об активном характере социально-психологической адаптации, предполагающей не только принятие норм, но и самоисследование для осуществления самостоятельного поведения.

Итак, при анализе результатов эмпирического исследования нами было обнаружено несколько типов идентичности, которые различаются

Значимые различия средних показателей социально-психологической адаптации (в баллах) у подростков с разными типами идентичности ($p < 0.01$)

Переменные	Тип идентичности			
	Диффузный	Не определившийся в социально-ролевой сфере	Динамичный	Определившийся в социально-ролевой сфере
Самопринятие	38.4	35.8	36.8	38.6
Самоотвержение	19.6	19.7	19.7	17.5
Интернальность	34.2	33.7	34.9	37.1
Экстернальность	24.2	23.6	24.4	22.2
Дискомфорт	24.9	21.5	23.4	22.0
Лидерство	30.9	30.2	32.6	33.0
Зависимость	27.6	27.0	26.4	24.2
Уход от решения проблем	28.6	26.5	27.1	25.0
Адаптация	60.7	62.7	68.1	82.3

по личностной зрелости, проявляющейся как осознанность и осмысленность жизни и самого себя, реалистичность представлений о мире и себе, самопринятие, эмоциональная устойчивость, ответственность за себя, восприятие воздействий окружения на самоопределение в значимых сферах жизни (учеба, семья, межличностные отношения и др.).

Диффузный тип идентичности характеризуется неопределенностью представлений о себе, их конкретностью, слабой обобщенностью, отсутствием готовности к принятию самостоятельных решений в значимых областях жизни, что представляет собой незрелую, инфантильную личность. Очевидно, речь идет о недостаточной связующе-различающей работе личности, позволяющей связать прошлую, настоящую и будущую идентичность в континуальную целостность (Магомед-Эминов, 2009). Проявления этого типа аналогичны статусу диффузности идентичности (по Дж. Марсиа), несформированной идентичности (в терминологии Э. Эриксона) (Ego identity..., 1993). Диффузный тип наиболее распространен у старших подростков, что позволяет охарактеризовать данную ступень в подростковом возрасте как переходную от детской идентичности к более зрелой. Подростки слабо осознают противоречия с окружающим миром, игнорируют воздействия и мнения родителей, учителей и сверстников в процессе взросления, не рефлексируют изменения собственного Я. По мере взросления респондентов тенденции инфантильности, свойственные данному типу, усиливаются, что уменьшает показатели социально-психологической адаптации, личностной зрелости.

Не определившийся в социально-ролевой сфере тип сравнительно малочислен в старшем подростковом и раннем юношеском возрасте, однако встречается и в более старших возрастах. Ведущие признаки

этого типа: высокая стабильность собственного Я во временном аспекте и неготовность принимать самостоятельные решения в важных сферах жизни. Повышенная рефлексия собственных личностных качеств, устойчивость и неизменность во времени представлений о себе (за счет связывания без различения темпоральных форм идентичности) приводит к подавлению самостоятельной активности, отсутствию чувства себя как деятельного начала в жизни, к боязни инициативы и ответственности за свои действия, личностной незрелости, проявляющейся в неосознанности и неосвоенности социальных ролей, к неуверенности в собственных силах, отсутствию автономии и самостоятельности, ориентации на межличностные взаимоотношения.

Динамичный тип характеризуется неустойчивостью представлений о себе во времени, что свидетельствует о превалировании различающей работы личности. Для подростков и юношей свойственны позитивное самооценивание, обобщенный взгляд на собственные качества, обращенность в будущее, освоение социальных (ролевых) уровней идентичности. Они высоко оценивают проявления своей личности в разных областях жизни, чувствуют себя активным началом, субъектом собственных действий, сравнительно легко адаптируются на всех фазах подросткового возраста.

Определившийся в социально-ролевой сфере тип обладает наиболее высокими показателями готовности принимать решения и стабильности самопредставлений во времени (в отличие от предыдущего типа, здесь проявляется связующая составляющая связующе-различающей темпоральной работы личности). По сравнению с другими типами характеризуется большей адаптированностью, социальной желательностью, рефлексивностью, нормативностью. Респондентам свойственны позитивное самоотношение, осознание социальных и социально-психологических ролей, осмысленность временных отрезков собственной биографии (особенно прошлого и будущего). Представления о себе многомерны, интегрированы, обобщены. В самоописаниях присутствуют экзистенциальные, социальные и персональные уровни самокатегоризации.

* * *

Наши данные свидетельствуют, что характерными для подросткового возраста являются диффузная идентичность и идентичность, которой свойственна неустойчивость представлений о себе во времени. В юношеском возрасте в равной мере проявляются типы с устойчивыми и динамичными представлениями о себе во времени, что отражает разное соотношение связующе-различающих сторон темпоральной работы личности взрослых людей. Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что идентичность не задана, она изменяется, трансформируется, в результате чего можно говорить о процессе ее становления.

Данный процесс носит длительный дискретный характер и отличается выраженной поисковой направленностью; сопряжен с позиционированием индивида в окружающем мире, но не сводим к результату идентификации; его основа темпоральна. Обнаруженное разнообразие состояний идентичности в рамках исследуемого возраста позволяет акцентировать необходимость дальнейшего изучения механизмов тождества-дифференциации в процессе трансформации на уровне конкретной личности.

Практическая ценность работы состоит в построении методического аппарата для компетентной психологической поддержки, оказания психологической помощи людям, испытывающим трудности в осознании собственной идентичности. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и реализации социальных программ психологической поддержки молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 1997.
- Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в зарубежной социальной психологии. М., 1995.
- Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена «субъект» и грани субъектно-деятельностного подхода // Индивидуальный и групповой субъект в изменяющемся обществе / Тез. докл. к Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15—17 сентября 1999 г.). М., 1999. С. 17—19.
- Белинская Е.П.* Социальная психология личности. М., 2001.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Гинзбург М.Р.* Психология личностного самоопределения: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1996.
- Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. Кучково поле, 2000.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург, 2007.
- Кун М., МакПарленд Т.* «Кто Я?» // Психология самосознания. Хрестоматия по социальной психологии личности. Самара, 2000. С. 460—462.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Трансформация личности. М., 1998.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Деятельностно-смысловой подход к трансформации личности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.
- Мид Дж.* От жеста к символу. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1995. С. 57—62.
- Петровский В.А.* Личность в психологии. Парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
- Снегирева Т.В.* Методика изучения особенностей личностной саморегуляции // Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога / Под ред. И.В. Дубровиной. М., 1987. С. 89—98.
- Стефаненко Т.Г.* Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2000.
- Фромм Э.* Иметь или быть? Ради любви к жизни. М., 2004.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Codol J.-P. Studies on self-centered assimilation processes // *Cognitive biases* / Ed. by J.P. Caverni, J.M. Fabre, M. Gonzalez. Amsterdam, North Holland, 1990. P. 387—400.

Ego identity: Handbook for psychosocial research / Ed. by J.E. Marcia, A.S. Waterman, D.R. Matteson. N.Y. etc., 1993.

Gergen K.J. An invitation to social construction. Cambridge, MA, 2009.

Identity and difference / Ed. by K. Woodward. L., 1997.

Identity in adolescence, processes and contents / Ed. by A.S. Waterman. San Francisco; L., 1985.

LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Сост. А.А. Кропник. М., 1993. С. 15—42.

Lifton R.J. From Hiroshima to the Nazi doctors: The evolution of psychoformative approach to understanding traumatic stress syndromes // *International handbook of traumatic stress syndromes* / Ed. by J.P. Wilson, B. Raphael. N.Y., 1993. P. 11—25.

Mummendey A. Identität und Verschiedenheit // *Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen Gesellschaften. «Sozialpsychologie aktuell»* / Bernd Simon (Hrsg.) Bern, 1997. S. 127—148.

Marcus H. R., Kitayama Sh. Culture and the Self: implications for cognition, emotion and motivation // *Psychological Review*. 1991. Vol. 98. N 2. P. 224—253.

McAdams D.P. The Person: An integrated introduction to personality psychology. 3rd ed. Fort Worth, TX; N.Y., 2001.

Narrative psychology: The stories nature of human conduct / Ed. by T.R. Sarbin. Princeton, NJ, 1986.

Thoits P.A. Multiple identities: Examining gender and marital status differences in distress // *Amer. Sociological Review*. 1986. Vol. 51. P. 259—272.

Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *The Psychology intergroup relations* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago, IL, 1986. P. 7—24.

White M., Epston D. Narrative means to therapeutic ends. N.Y., 1990.

Zielke B., Straub J. Culture, psychotherapy, and the diasporic Self as transitoric identity: A reply to social constructionist and postmodern concepts of narrative psychotherapy // *Meaning in action: constructions, narratives and representations* / Ed. by T. Sugiman et al. Japan, 2008. P. 9—73.

О. И. Магомед-Эминова, Ю. М. Хорошкова

СПЕЦИФИКА НАРРАТИВНОЙ РАБОТЫ ЛИЧНОСТИ КЛИЕНТА В СИТУАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В статье представлено исследование, построенное на конструктивном методе смысловнарративного анализа. Показано следующее: нарративная работа личности (НРЛ), осуществляемая в процессе психологической помощи, переносится в реальную жизненную ситуацию и продолжается в ней, что приводит к наиболее интенсивным изменениям у человека; продолжающаяся НРЛ детерминирует поступки человека в реальной жизненной ситуации в соответствии с мотивационными тенденциями, обнаруженными при проведении анализа нарративов.

Ключевые слова: нарратив, нарративная работа личности (НРЛ), нарративный анализ.

The article presents the research of narrative construction of life experience of the person in the process of psychological help. The research is based on a constructive method of analysis using meaning-narrative approach. The research shows that the narrative work of the person (NWP) in the process of psychological help is transferred to the real life situation — and this is the post-narrative, the real work that leads to the most intensive changes in the person. Transferred NWP determines human's behavior in real life situations in accordance with the motivational tendencies found out during the analysis of narratives.

Key words: narrative, narrative work of the person (NWP), narrative analysis.

Нарративный подход в психологии (Bruner, 1986; Gergen, 1994; Mc-Adams, 2001; Narrative psychology..., 1986) и нарративная психотерапия (McNamee, Gergen, 1992; White, Epston, 1990) оформились в отдельное направление в конце XX в. Нарративный подход предполагает, что жизненный опыт не существует отдельно от отношения человека к нему и придаваемого ему значения (Мюррей, 2000). С помощью нарратива человек открывает для себя возможность осмысливать и более широкие, более сложные контексты своего опыта (Брокмейер, Харре, 2000). Нарратив не может обладать онтологической реальностью вне существования личности в мире и вне ее отношения и обращения с опытом бытия. История личности создается в осуществляемой ею конструктивной

Магомед-Эминова Ольга Ильинична — ст. преподаватель кафедры экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ. *E-mail:* mag_o_i@mail.ru

Хорошкова Юлия Михайловна — мл. науч. сотр. кафедры экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ. *E-mail:* akasta@inbox.ru

«работе творения» жизненных историй, в процессе которой происходит не только становление истории жизни конкретного человека, но и трансформация его личности. «Обрабатываясь» личностью, каждое пережитое человеком событие жизни входит в его темпоральный опыт (Магомед-Эминов, 1998, 2007, 2009).

Нарративная работа личности (НРЛ) клиента в ситуации психологической помощи чаще всего понимается как локализованная в пространственно-темпоральной структуре психотерапевтической ситуации. Однако психическая работа, которую проводит клиент, составляя рассказы, продолжается в интенсивной психической работе, включенной в его реальную жизнь. Именно эта постнарративная реальная работа личности приводит клиента к наиболее интенсивным изменениям.

Цель настоящего исследования — изучение нарративного конструирования клиентом своего жизненного опыта в процессе психологической помощи.

Испытуемыми выступили 12 участников психотерапевтической группы (мужчины и женщины). Все эти люди пережили травматический опыт утраты близкого человека и пришли в группу с проблемами переживания утраты, кошмарных сновидений, в которых воспроизводилась утрата. Их преследовали яркие воспоминания, флэшбеки прошлых эпизодов, связанных с близким человеком, потеря смысла, переживание одиночества. М.Ш. Магомед-Эминовым были проведены 6 сеансов через день (по 2 часа каждый) с участниками группы. В проведении сеансов применялись процедуры смысловой реконструкции травматического опыта и трансформации смысловой структуры жизненного мира.

Объект исследования: тексты, рассказы, повествования, в которых выражается психическая работа личности. *Предмет исследования:* нарративное конструирование жизненного опыта человеком в ходе психологической помощи.

Задачи исследования: 1. Исследовать переход дискурсивной наррации в конструирование истории поступков в жизни, следуя теории конструктивной работы личности. 2. Показать, что нарративная работа, проводимая клиентом, продолжается в психической работе человека, включенной в его реальную жизнь. 3. Выявить и показать существенное влияние постнарративной, реальной работы личности на наиболее интенсивные изменения у человека.

Метод. Исследование построено на конструктивном методе нарративного анализа (Bruner, 1986; Gergen, 1994; McAdams, 2001; Narrative psychology..., 1986). В качестве конкретной формы нарративного анализа использован смысловой нарративный подход (Магомед-Эминов, 2009) с выбором двух групп категорий: первая группа категорий отражает последовательность мотивационного процесса (инициация, селекция, реализация, постреализация) (Магомед-Эминов, 1987, 1998), который выступает в структурирующей функции нарративного конструирования;

вторая группа категорий отражает смысловые образования и мотивационные тенденции, направленность работы личности в различных тематических сферах жизненного мира.

Процедура исследования и результаты

В целях выявления у испытуемых посттерапевтической НРЛ между двумя последовательными сеансами были проанализированы ответы участников психотерапевтической группы на предложение терапевта рассказать в свободной форме о том, что происходило между сеансами. Одни испытуемые говорили о том, какие мысли к ним приходили; другие — о чувствах, эмоциях, переживаниях, которые они испытывали; третьи обращали внимание на то, что с ними происходило, что они делали. Всего было выделено 64 темы, поднятые испытуемыми, из них 42 темы были связаны, а 12 не связаны с нарративами, актуализированными на предыдущем сеансе, что позволяет нам утверждать, что нарративное конструирование жизненного опыта происходит не только в терапевтической ситуации, но и в реальной жизни между сеансами.

Далее выделенные нами две группы тем, поднятых испытуемыми (темы, связанные и не связанные с нарративами), были проанализированы с целью выявления характера направленности НРЛ. Анализ тем, не связанных с нарративами, показывает, что их можно разделить на две группы психологических реакций человека на пережитый в групповой работе опыт: одну группу мы условно назвали отреагированием, включающим в себя все, что связано с разрядкой (например: «С меня сошло это напряжение», «Облегчение...»), а вторую группу — отыгрыванием («Мне хочется смеяться», «Плакать хочется»). Темы, связанные с нарративами, отражают конструктивный характер НРЛ: «Мне открылось некоторое знание, которого мне не хватало», «У меня вчера был инсайт: я нашел ответ, который не мог найти целый месяц», «Жизнь начинает давать ответы».

На следующем этапе исследования были выделены 5 типов влияния НРЛ на жизненную ситуацию человека: 1) локализация НРЛ в переживаниях (в 3 модусах — негативном, нейтральном и позитивном); 2) намерение изменить свою жизнь; 3) решение что-то делать; 4) пересмотр жизненных позиций; 5) изменение чего-то в своей жизни. Примеры см. в таблице. Первый тип влияния касается инициации мотивации и остается в плане переживания. Следующие два типа относятся к конструктивной работе, направленной на возникновение намерений и принятие решений. Четвертый и пятый типы влияния отражают пересмотр жизненных позиций и изменения в жизни.

Далее в ходе анализа типов влияния НРЛ на жизненную ситуацию были выделены категории, которые отражают определенные мотивационные тенденции, детерминирующие поведение человека в жизненной

Примеры и частота встречаемости (в скобках) типов влияния нарративной работы на жизненную ситуацию (частота встречаемости дана в % от общего количества высказываний, связанных с нарративами)

Тип влияния	Примеры
Локализация нарративной работы в переживании (34.5)	У меня вчера был прилив энергии, радостное состояние; Меня трясло вчера ночью, я хотела плакать
Намерение изменить свою жизнь (18.2)	Мой муж дергает себя, этим изводит меня, пытаюсь помочь ему и себе; Летом у меня умер папа, пытаюсь помочь маме
Решение что-то делать (11.0)	Жизнь просто сейчас, впереди Новый год, масса дел; Я хочу попросить прощения у отца. Он мне снился, но во сне никогда претензий не предъявлял
Пересмотр жизненных позиций (23.6)	Вчера я весь вечер размышлял на тему того, что я получил для себя от этих сеансов. Вот эта история с бурной рекой, которая дошла до пустыни и сделалась паром, дала некоторый ответ; Я открыл еще один личностный этап: мы не должны закрываться в себе, так как наше страдание разрушает нас изнутри
Изменения в жизни (12.7)	У меня были уже вчера какие-то открытия. Жизнь начинает давать ответы. Я начала видеть знаки. И я поняла, чего я хочу; У меня вчера был инсайт: я нашел ответ, который не мог найти целый месяц

ситуации: 1) открытость, направленность на изменения в жизни (например, «Я чувствую необходимость, чтобы он был в моем сердце»); 2) открытость, направленность на принятие решений (например, «Я в сложной ситуации; надо все бросить и начать заново»); 3) открытость, направленность на осуществление решений (например, «Я нашел ответ, который не мог найти целый месяц»).

Проведенный анализ данных показывает, что самая низкая частота встречаемости высказываний, характеризующих такой тип влияния НРЛ на жизненную ситуацию, как «решение что-то делать», свидетельствует о наличии переходной мотивационной зоны, в которой условия для превращения намерений в действия еще только созревают.

Выводы

1. Нарративная работа личности в психотерапевтической ситуации переносится в жизненную ситуацию клиента. Нарративное конструирование жизненного опыта интенсивно продолжается и в жизни.

2. После переноса нарративная работа личности продолжается, оказывая влияние на жизненную ситуацию человека.

3. Нарративная работа личности, продолжающаяся в жизни человека, детерминирует его поступки в реальной жизненной ситуации в соответствии с мотивационными тенденциями, обнаруженными и выделенными в ходе анализа нарративов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопр. философии.* 2000. № 3. С. 29—42.

Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация достижения: структура и механизмы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.

Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.

Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека: В 2 т. М., 2007.

Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.

Мюррей К. Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии // *Гуманитарные исследования в интернете / Под ред. А.Е. Войскунского.* М., 2000. С. 132—140.

Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA, 1986.

Gergen K.J. Realities and relationships: Soundings in social construction. Cambridge, MA, 1994.

McAdams D.P. The Person: An integrated introduction to personality psychology. 3rd ed. Fort Worth, TX; N.Y., 2001.

McNamee S., Gergen K. Therapy as social construction. L., 1992.

Narrative psychology: The stories nature of human conduct / Ed. by T.R. Sarbin. Princeton, NJ, 1986.

White M., Epston D. Narrative means to therapeutic ends. N.Y., 1990.

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

А. Н. Веракса, С. В. Леонов, А. Е. Гороя

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ГИМНАСТОК

В статье представлены результаты исследования психологических особенностей 13 спортсменок, имеющих высокие разряды по художественной гимнастике. Диагностика проводилась с помощью опросника «Использование образов в спорте» (ИОС) и аппаратных методик, разработанных на базе приборов «Хроноскоп-2006» и «Активациометр». Показано, что гимнастки предпочитают использовать образы когнитивного, а не мотивационного, типа и внутреннюю перспективу образов. Установлено, что испытуемые распределены по всей градации разрядов координированности движений (высокая, выше среднего, средняя и т.д.), т.е. несмотря на то что все они имеют высокие спортивные разряды, уровни их владения двигательным навыком существенно различаются.

Ключевые слова: спортивная психология, опросник «Использование образов в спорте», художественная гимнастика, образ, темпоральная перцепция.

The results of investigation of psychological characteristics of 13 high-skilled rhythmic gymnasts are presented. The experimental procedure was conducted by means of “Sport imagery questionnaire” (SIQ) and objective methods (“Chronoscope-2006”, “Aktivaziometr”). It was shown that gymnasts prefer to use imageries of cognitive type but not motivational and use internal perspective of imagery versus external one. Participants were classified in all degree of movement’s coordination level, i.e. in spite of their professional high-level; they are varied in the way of mastering movement.

Key words: sport psychology, imagery, Sport imagery questionnaire, time perception, artistic gymnastic.

Веракса Александр Николаевич — канд. психол. наук, доцент кафедры методологии психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* veraksa@yandex.ru

Леонов Сергей Владимирович — канд. психол. наук, доцент кафедры методологии психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* svleonov@gmail.com

Гороя Александра Евгеньевна — студентка 5-го курса ф-та психологии МГУ, мастер спорта по художественной гимнастике. *E-mail:* aleks-sandrit@mail.ru.

Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

1. Проблема

Художественная гимнастика — ациклический, сложно координированный вид спорта. Его специфика требует от спортсменки развития и совершенствования гибкости во всех проявлениях, тонкой координации движений, чувства ритма, музыкальности, артистичности. В свою очередь сложность структуры двигательных действий обуславливает необходимость запоминать большой объем относительно независимых друг от друга движений. Это предъявляет требования к памяти, а также к таким качествам, как исполнительность, ясность и полнота зрительных представлений, точность воспроизведения движения.

Использование образных представлений — эффективное средство подготовки спортсменов (Morris et al., 2005; Vealey, Greenleaf, 2001). По мнению ряда авторов, его эффективность зависит от профессионального уровня спортсмена (Bohan et al., 1999; Feltz, Landers, 1983; Janssen, Sheikh, 1994; Perry, Morris, 1995).

Основными по данному направлению являются работы К. Холла и его коллег (Cumming, Hall, 2002; Hall et al., 1990). Отметим, что данные исследования базируются на предложенной К. Мартином, С. Морицем и С. Холлом модели использования мысленных образов в спорте (Martin et al., 1999), согласно которой спортсмены могут использовать 5 видов умственных образов: *a*) когнитивные общие (КО) — связанные с соревновательными стратегиями; *b*) когнитивные специальные (КС) — направленные на совершенствование или образование навыков; *c*) мотивационные общие-активирующие (МО-А) — связанные с физиологическим возбуждением, релаксацией и соревновательной тревогой; *d*) мотивационные общие-регулирующие (МО-Р) — репрезентирующие эффективный копинг и уверенность в трудных ситуациях; *e*) мотивационные специальные (МС) — образы, олицетворяющие конкретные цели и целенаправленную деятельность. В своей работе мы, вслед за авторами, также будем придерживаться данной модели.

К. Холл с коллегами (Hall et al., 1998) показали, что чем выше профессиональный уровень спортсмена, тем более активно он использует образные представления в тренировочном и соревновательном процессах (обычно до начала соревнования), а также чаще применяет образные техники перед сном. Кроме того, спортсмены-профессионалы чаще, чем любители, представляют то, как они выигрывают соревнования, используя тем самым мотивационную функцию образов. По мнению авторов, поскольку для спортсменов-профессионалов победа — основная цель, образные представления, раскрывающие достижение этой цели, дают им возможность дольше и упорнее тренироваться, а также способствуют повышению уверенности в себе. Спортсмены-любители, напротив, не делают победу своей основной целью, занимаясь спортом скорее для удовольствия и поддержания формы, вследствие чего даже в

случае появления у них представления о выигрыше сам факт победы не будет занимать центральное место в содержании подобных образов.

Если вопрос о связи профессионального уровня спортсменов и эффективности использования ими образов достаточно широко освещен в литературе, то специфике использования образов представителями разных видов спорта, а также возрастным закономерностям овладения разными видами спорта уделяется гораздо меньше внимания.

2. Цели и задачи исследования

Наша работа была посвящена исследованию особенностей использования различных видов образов спортсменками, занимающимися художественной гимнастикой. Кроме того, мы сочли необходимым продолжить изучение специфики использования образов спортсменками (Веракса, Горюва, 2010). В связи с этим нами была поставлена следующая задача: установить взаимосвязи специфики использования образов гимнастками с их спортивными успехами, а также с результатами аппаратных методик, направленных на диагностику уровня координации движений, реакции на движущийся объект, времени двигательной реакции с выбором, методик диагностики темпоральной перцепции. Аппаратурные методики дают наиболее объективные данные об уровне мастерства спортсменов. Диагностика темпоральной перцепции проводилась с целью определения уровня профессионального мастерства, так как ранее было показано, что точность и устойчивость воспроизведения временных интервалов — значимый показатель эффективности профессиональной деятельности гимнасток (Беспалов, Леонов, 2008).

Испытуемые. В исследовании приняли участие 13 девушек в возрасте 16—21 года ($M=18,7$), входящих в состав сборной команды МГУ им. М.В. Ломоносова по художественной гимнастике.

3. Методики

Для решения поставленной задачи применялись следующие методики.

3.1. Индивидуальная беседа в форме *полуструктурированного интервью* (две встречи по 25—40 минут), направленная на формирование представления о специфике занятий художественной гимнастикой, в том числе о психологических особенностях гимнасток. В интервью содержались не только формальные вопросы об их опыте, спортивном звании и планах, но и о том, как они оценивают уровень своей психологической и физической готовности к выступлениям, психологический климат в команде, в чем видят специфику своего вида спорта, основные сложности в достижении поставленных целей и др.

3.2. Опросник «Использование образов в спорте» (ИОС). Оригинальный опросник К. Холла и коллег (Hall et al., 2005) “*Sport Imagery Questionnaire*” (SIQ) направлен на измерение частоты использования образов того или иного

типа спортсменами всех видов спорта и любого профессионального уровня. Опросник состоит из 30 утверждений, 7 из которых репрезентируют образы КС, 6 — КО, 5 — МС, 6 — МО-А и 6 — образы МО-Р. Частота использования образов каждого типа оценивается по 7-балльной *Likert*-шкале (от 1 — «редко» до 7 — «часто»). Опросник снабжен объемной инструкцией, раскрывающей суть некоторых специальных терминов, содержащихся в формулировках пунктов. После ознакомления с этой инструкцией спортсменам предлагается записать шкальные значения (оценку частоты использования ими того или иного образа) рядом с соответствующим утверждением.

Созданная нами русскоязычная версия данного опросника отличалась от оригинала незначительными изменениями, которые были внесены в соответствии с полученными от спортсменов (от 10 до 25 лет) отзывами. Например, для ряда утверждений были подобраны аналоги, формулировки которых оставляли сохраненной репрезентацию определенной субшкалы, но представлялись более доступными для понимания спортсменами. Кроме того, мы сочли необходимым добавить ряд вопросов, репрезентирующих те аспекты специфики использования спортсменами образов, которые не были отражены в оригинальной версии опросника. Важным показалось добавление шести вопросов, в частности об особенностях перспективы используемых спортсменами образов (например: «Представляя действия и ситуации, я вижу все как бы своими глазами»; «Представляя действия и ситуации, я вижу себя как бы со стороны, как на экране телевизора»), а также об использовании спортсменами образов негативного характера (например: «Представляя конкретные движения мысленно, я могу ошибаться в их исполнении»; «Я постоянно мысленно возвращаюсь к своим неудачным выступлениям»).

Заполнение опросника происходило непосредственно перед или сразу после тренировки и сопровождалось индивидуальной беседой, направленной на уточнение полученных ответов.

3.3. Методика «Воспроизведение длительности стимулов для “пустых” интервалов» (ВДС), реализованная на приборе «Хроноскоп-2006».

«Хроноскоп-2006» — многофункциональный портативный прибор, который используется для изучения механизмов восприятия длительности и порядка следования световых и звуковых стимулов; механизмов воспроизведения их длительности, ее оценивания или отмеривания; для психодиагностики профессиональных и спортивных действий, требующих хорошего «чувства времени» (Беспалов, Стрелков, 2006). С помощью данного прибора испытуемому предъявляются два звуковых сигнала, задающие начало и конец временного образца. После предъявления образца от испытуемого требуется воспроизвести его двукратным нажатием на кнопку пульта.

Использовались три эталона (2-, 3- и 5-секундной длительности), которые предъявлялись в случайном порядке по 5 раз. Точность и устойчивость чувства времени спортсменами определялись с помощью интегративного показателя вариации ответов (V_m), продуцируемых в каждой пробе интервалов ($t_{i_прод.}$), рассчитываемого по следующей формуле:

$$V_m = \frac{\sqrt{\frac{\sum (t_{i_прод.} - t_{заданное})^2}{n}}}{t_{заданное}} = \frac{\sigma_{заданное}}{t_{заданное}}$$

Данный коэффициент отличается от обычно используемого в статистике, коэффициента вариации ($V=\sigma/t_{cp}$) тем, что в нем вместо среднего значения воспроизведенных интервалов берется заданный интервал, а вместо обычного σ (стандартного отклонения интервалов от их среднего значения) берется отклонение этих интервалов от заданного значения.

3.4. Методика «Глазомер» (Цагарелли, 2004), направленная на диагностику точности оценивания пространственных интервалов. Выполняется с использованием прибора «Активациометр-АЦ9». Глазомер — базовая способность для многих видов деятельности, предполагающих точное визуальное восприятие и оценку пространственных отрезков (там же). Тестирование по методике «Глазомер» проводится следующим образом. Испытуемый садится напротив прибора «АЦ-9», на котором расположена линейка в режиме «слепой» шкалы, т.е. без обозначения делений, имеется только красная риска, которая делит линейку строго на две половины. После того как на левой половине линейки высвечивается световое пятно, испытуемый должен «на глаз» симметрично установить стрелку правого ползунка таким образом, чтобы расстояние от стрелки до риски в центре было равным расстоянию от высветившегося пятна до черты в центре. Испытуемый выполняет задание в удобном для него темпе и не ограничен во времени. Интервалы устанавливаются в диапазоне от 50 до 90 делений шкалы линейки включительно и имеют случайный порядок. Всего предъявляется 13 интервалов. Первые 3 процедуры исследования считаются пробными. Их результаты не учитываются.

Программа высчитывает абсолютную разность (ошибку) между заданными и воспроизведенными интервалами. Из 10 рассчитанных таким образом ошибок вычисляются «выскакивающие» ошибки, т.е. отклоняющиеся от среднеарифметической на величину более 3σ . Для определения «выскакивающих» ошибок необходимо умножить среднеарифметическую ошибку на 1.7. Ошибки, которые равны или превосходят полученный результат, являются «выскакивающими» и вычеркиваются из протокола. Из оставшихся вычисляется среднеарифметическая ошибка — искомый результат. Точность глазомера обратно пропорциональна величине среднеарифметической ошибки воспроизведения интервала.

3.5. Методика «Реакция на движущийся объект» (РДО). Данная методика достаточно активно используется психологами при работе со спортсменами (Моросанова, 1998). По мнению автора методики Ю.А. Цагарелли (2004), точность реакции на движущийся объект зависит от точности ощущения времени и пространства, а также от точности психомоторных действий. При измерении реакции на движущийся объект задача испытуемого состоит в нахождении некоторой величины упреждения с учетом оставшегося расстояния и скорости своей двигательной реакции. Исследования показывают, что точность РДО имеет общность с физиологическим механизмом отмеривания времени. В работах В.П. Лисенковой (1981) выявлено, что чем меньшую ошибку допускали испытуемые при отмеривании времени, тем меньше они ошибались в РДО. Ю.А. Цагарелли приводит данные, согласно которым показатель РДО служит индикатором готовности спортсменов к профессиональной деятельности. Этот показатель улучшается параллельно росту уровня тренированности и технического мастерства спортсмена и одновременно служит индикатором функционального состояния нервной системы.

3.6. Методика «Координация движений» (Цагарелли, 2004). В ходе исследования на приборе «АЦ-9» испытуемый осуществляет и координирует мануальные движения, опираясь на информацию, поступающую одновременно от мышц обеих рук, а также на зрительные представления. Поэтому суммарный результат является интегральным показателем сенсомоторной и межмышечной координации.

Процессуальная часть методики состоит в следующем: экспериментатор последовательно подает 10 команд на одновременное и одинаковое (симметричное) поочередное сближение и разведение ползунков. Начало каждого следующего движения пространственно совпадает с окончанием предыдущего. По итогам данной методики рассчитываются показатели: общий коэффициент координации (ККоб), коэффициент координации мышц-сгибателей (ККс), коэффициент координации мышц-разгибателей (ККр).

3.7. Методика «Двигательная реакция выбора» (Цагарелли, 2004). В ходе реализации данной методики испытуемому в случайной последовательности предъявляются световые стимулы (2 лампочки) для левой и правой руки. При вспышке левой лампочки испытуемый с максимально возможной быстротой нажимает левую кнопку левой рукой, а при вспышке правой лампочки — правую кнопку правой рукой. После осуществления испытуемым 13 процедур каждой рукой определяется фоновое (ф) время простой двигательной реакции (ВРф) отдельно для левой и правой руки.

Далее проводится серия основного эксперимента. Перед испытуемым поочередно загораются три лампочки: 1) крайняя слева (белая), 2) крайняя справа (белая) и 3) красная в центре. Сигналы автоматически следуют с интервалами 4—7 с. Для того чтобы у испытуемого не возникало привыкания к стандартному времени реакции, данные интервалы варьируются. При вспышке лампочки 1 (слева) испытуемому необходимо нажимать на левую кнопку левой рукой, а при вспышке лампочки 2 (справа) — на правую кнопку правой рукой. В том случае, когда загорается красная лампочка в центре, испытуемый должен реагировать противоположным образом: на вспышку левой лампочки нажимать правую кнопку, а на вспышку правой лампочки — левую. Так продолжается до тех пор, пока снова не загорится красная лампочка, что и будет сигналом для новой экстренной переделки сигнального значения раздражителей. Испытуемому необходимо реагировать максимально быстро и не допускать ошибок. По результатам данной методики рассчитывается время реакции каждой руки в отдельности, время дифференцирования в случае с ситуацией выбора, скорость переключения внимания и количество ошибок, допущенных испытуемым.

4. Результаты и обсуждение

4.1. Специфика использования образов

Данные, полученные в результате применения опросника ИОС (табл. 1), позволяют увидеть следующие тенденции: чем старше испытуемая, тем чаще она использует образы когнитивного типа; чем младше, тем чаще образы мотивационного типа (а именно МО-Р). Результаты оценки статистической значимости этих различий подтверждают правомерность предположения о предпочтении гимнаст-

ками образов когнитивного типа. По-видимому, такое предпочтение объясняется спецификой художественной гимнастики, а именно необходимостью выполнения сложно координируемых движений в сочетании с управлением различными предметами. Данное предположение подтверждали и сами гимнастки, отмечавшие, что им «необходимо контролировать и предмет, и тело», «успевать делать элементы и контролировать разные предметы».

Таблица 1

Корреляции между индивидуальными особенностями гимнасток и показателями ИОС

Индивидуальные особенности	Показатели ИОС				
	КС	КО	МС	МО-Р	МО-А
Возраст	0.676*	0.534	0.062	-0.324	-0.118
Опыт	0.513	0.326	0.058	-0.448	-0.131
Звание	-0.615*	-0.353	-0.171	0.165	-0.049

Примечание. Звездочкой отмечены статистически значимые корреляции $p < 0.05$.

Интересными оказались значимые корреляции между спортивным званием и предпочтением когнитивных или мотивационных образов. Так, гимнастки, имеющие более высокое звание, реже используют когнитивные образы (КС), чем гимнастки с менее высоким званием ($r = -0.615$, $p < 0.05$), что согласуется с данными К. Холла (Hall et al., 1998) о более частом использовании спортсменами-профессионалами мотивационной, а не когнитивной функции образов.

Эти результаты представляют интерес в связи с проведенным нами ранее сравнительным исследованием, в котором обнаружилось, что гимнастики используют преимущественно внутреннюю перспективу, тогда как легкоатлеты-спринтеры — внешнюю ($0.4 < r < 0.8$; $p < 0.05$) (см.: Веракса, Горовая, 2011). Объяснение этому мы находим в специфике вида спорта: гимнасткам необходимы такие двигательные навыки, освоение и реализация которых в значительной мере зависят от наличия кинестетического представления о технике успешного выполнения элементов, и, следовательно, для них наиболее приемлема внутренняя перспектива образов; в спринте, по словам самих спринтеров, важно умение действовать с учетом действий противников и соответственно чаще использовать внешнюю перспективу образов.

В отношении корреляций между оценкой психологического климата и показателями ИОС, отражающими частоту использования внешней и внутренней перспектив образа, была замечена следующая тенденция: чем более негативно гимнастка оценивает психологический климат в своей команде, тем чаще наиболее приемлемой перспективой используемых образов становится «видение извне» ($r = -0.856$, $p < 0.001$). Это становится понятным, если учесть, что художественная гимнастика

в силу своей специфики (исключительно женский вид спорта, предполагающий зрелищность и массовость) уже предполагает возможность существования неблагоприятного климата. Напряженные отношения в коллективе, конкуренция и необходимость воплощения на ковре определенного художественного замысла создают в гимнастических коллективах атмосферу постоянного оценивания, и в этой связи более частое использование спортсменками внешней перспективы образов может выступать в роли интериоризированного механизма оценки, способствующего проработке ими стратегий своих действий во внутреннем плане. Наличие корреляции показателя восприятия психологического климата с показателем КО-образов ($r=-0.466$) также подтверждает данное предположение.

Анализ установленных корреляций, отражающих специфику использования испытуемыми образов негативного характера выявил следующее: чем взрослее гимнастка, тем чаще она «прокручивает» в уме негативные ситуации ($r=0.581$, $p<0.05$). Возможное объяснение состоит в том, что более взрослые спортсмены обладают большим негативным опытом выступлений и имеют более детализированное представление о возможных ошибках в выполнении элементов. Р. Вайнберг и Д. Гоулд (Weinberg, Gould, 2003) выдвинули предложение, что образные представления неудовлетворительного выполнения действий могут специально использоваться для мысленного воссоздания и анализа ошибок. Вместе с тем в литературе есть указания на то, что продуктивнее использовать образы, ориентированные на точность и успешность выполнения действий и избегать негативных образов, применение которых может помешать правильному усвоению техники движения и привести к появлению ошибок (Hall et al., 1994). При этом полученные нами данные отражают тенденцию, противоположную выводам, сделанным в ряде работ К. Холла, о том, что спортсмены высокого уровня редко представляют то, как они проигрывают соревнование или плохо выполняют движения (Barr, Hall, 1992; Hall et al., 1990). Таким образом, вопрос о частоте использования образов негативного характера спортсменами различного профессионального уровня остается открытым и требует дальнейшей разработки.

Гимнастки, сообщавшие в индивидуальных беседах о своей хорошей психологической готовности к выступлению, чаще, чем психологически менее подготовленные спортсменки, мысленно возвращаются к своим неудачным выступлениям и чаще в образном плане ошибаются (иногда даже намеренно) при исполнении движений ($r=0.420$). По-видимому, высокий уровень общей психологической готовности снижает риск негативного воздействия подобных образов на выступление, а хорошая психологическая готовность снижает до минимума вероятность их использования и вероятность возникновения ошибок ($r=-0.693$, $p<0.05$).

4.2. Эффективность решения темпоральных задач

Проанализируем результаты, полученные с помощью таких аппаратурных методик, как «Воспроизведение длительности стимулов для “пустых” интервалов», «Глазомер», «Реакция на движущийся объект», «Координация движений», «Двигательная реакция выбора».

Для спортсменов, занимающихся художественной гимнастикой, важно умение решать темпоральные задачи, точно и устойчиво оперировать временными интервалами, выдерживать паузы, синхронизировать свои действия с движениями партнеров. В качестве показателей эффективности решения темпоральных задач выступили: «время реакции» (ВР) и «скорость переключения внимания» (параметры методики «Двигательная реакция выбора»), а также интегративный показатель вариации воспроизведения временных интервалов и реакция на движущийся объект.

По итогам корреляционного анализа результатов методики «Воспроизведение длительности стимулов для “пустых” интервалов» с остальными показателями была выявлена отрицательная взаимосвязь с коэффициентом координации движений ($-0.8, p \leq 0.05$). Данный результат, по-видимому, можно объяснить тем, что в методике «Координация движений» отсутствовал темпоральный компонент, т.е. временной регламент выполнения движений. Поскольку инструкция выполнить методику за определенное время не предъявлялась, испытуемые полностью концентрировались на точности выполнения движений, а именно на выставлении заданного интервала. В этой связи становится понятным отсутствие предполагаемой корреляции между точностью и устойчивостью воспроизведения временных интервалов и уровнем координации движений (Беспалов, Леонов, 2008).

Выявленная положительная взаимосвязь методики методики «Воспроизведение длительности стимулов для “пустых” интервалов» (ВДС) с показателями МС- и КС-образов по ИОС (соответственно 0.7 и 0.8, $p \leq 0.05$), возможно, объясняется рефлексивной природой чувства времени. Чем больше спортсмен фокусирует внимание на особенностях переживания временных интервалов, тем меньше уделяет внимания образной составляющей. Другой вариант объяснения может быть обусловлен разными механизмами, лежащими в основе использования мысленных образов и спецификой переживания временных интервалов. Показатель точности оценивания пространственных интервалов в методике «Глазомер» имеет отрицательную корреляцию только с пунктом 27 ИОС (-0.65) («Когда я оказываюсь в неожиданной, трудной ситуации во время соревнования, я представляю ситуацию, в которой я был успешен»).

Результаты по методике «Реакция на движущийся объект» (РДО) обнаружили значимую корреляцию с пунктом 23 ИОС ($0.95, p \leq 0.05$) («Представляя конкретные движения, я ощущаю напряжение в

тех мышцах, которые реализуют эти движения в ходе их реального физического выполнения») и отрицательную — с пунктом 30 (-0.9 , $p \leq 0.05$) («Когда я представляю идеальное действие, я вижу, как именно я его выполняю»). Выявившаяся однозначная взаимосвязь между интегральным показателем РДО и результатами успешности выступления атлета на итоговых соревнованиях (1.0 , $p \leq 0.01$) подтверждает данные Ю.А. Цагарелли, согласно которым показатель РДО является индикатором готовности спортсменов к профессиональной деятельности. Матчевая встреча — последнее индивидуальное соревнование сезона, по его итогам судят об индивидуальной результативности гимнасток.

Стоит отметить, что между результатами методики ВДС и показателями психодиагностических методик, направленных на диагностику восприятия пространственных интервалов («Глазомер», «Координация движений»), значимых корреляций обнаружено не было. Эти результаты не согласуются с ранее полученными нами данными (Беспалов, Леонов, 2008) о том, что между восприятием пространства и времени существует пропорциональная зависимость: чем выше восприимчивость к пространственным изменениям, тем значительнее восприимчивость и к временной длительности.

4.3. Особенности концентрации внимания и способность к координации движений

Для определения особенностей концентрации внимания испытуемых были выделены показатели «безошибочность переключении внимания» («Двигательная реакция выбора») и «реакция на движущийся объект» (РДО); для определения способности к координации движения использовался показатель «способность к высокой координации движений» («Координация движений»).

Итоговые результаты выполнения гимнастками методики «Координация движений» приведены в табл. 2. Общий коэффициент координации (ККоб) представлен в процентном соотношении в соответствии со шкалой, разработанной автором методики (Ю.А. Цагарелли). Высокий ККоб означает низкий разряд координированности движений.

Как видно из табл. 2, разброс результатов по ККоб достаточно велик. Фактически испытуемые распределены по всей градации разрядов координированности (высокая, выше среднего, средняя и т.д.), т.е. несмотря на то что все обследованные гимнастки имеют высокие спортивные разряды, они существенно различаются по уровню владения двигательным навыком.

Положительная корреляция ККоб была обнаружена только с показателем пункта 18 ИОС (0.6 , $p \leq 0.05$) («Если что-то не получается во время тренировки и я чувствую эмоциональное напряжение, то я

Результаты гимнасток по методике «Координация движений»

Испытуемые	Общий коэффициент координации (ККоб)	Коэффициент координации мышц-сгибателей (ККс)	Коэффициент координации мышц-разгибателей (ККр)	Дельта между ККр и ККс
Ан.	10.8	8.5	16.6	8.0
Бон.	9.8	9.9	9.8	0.0
Га.	8.7	7.1	10.1	3.0
Гр.	12.5	12.0	15.3	3.3
Лёв.	11.7	8.5	12.2	3.7
Мел.	9.0	5.6	14.3	8.6
Пр.	15.6	14.7	16.4	1.6
Рош.	28.4	34.1	22.7	-11.4
Сем.	7.8	8.9	6.4	-2.5
Фо.	4.8	7.1	2.5	-4.6

представляю комфортную ситуацию, не связанную с тренировочным процессом (например, что я гуляю по улице, сижу дома на диване и т.п.)). Отрицательная — с «вариацией» (интегральным показателем точности и устойчивости воспроизведения временных интервалов атлетами в методике ВДС) (-0.8), а также с пунктами 15 ИОС (-0.7, $p \leq 0.05$) («Я представляю, как занимаюсь своим видом спорта на более высоком профессиональном уровне») и 23 ИОС (-0.66, $p \leq 0.05$) («Представляю конкретные движения, я ощущаю напряжение в тех мышцах, которые реализуют эти движения в ходе их реального физического выполнения»).

Результаты выполнения методики «Простая двигательная реакция и реакция выбора» (табл. 3) показывают, что все испытуемые обладают достаточно высокой скоростью как простой двигательной реакции, так и реакции выбора. Анализ фоновых ВР каждой руки в отдельности свидетельствует о разном уровне доминирования рук.

Например, у испытуемой Фо. различие между ВР правой и левой руки — 46 мс. Стоит отметить, что у этой гимнастки не только один из лучших результатов по данной методике, но и лучший ККоб (см. табл. 2). Возможно, данные результаты по методике «Координация движений» и «Время двигательной реакции с выбором» объясняются высоким уровнем владения скоростно-координированным навыком. Однако наличие ошибок в методиках на концентрацию внимания (табл. 3, последний столбец) и глазомер (среднеарифметическая ошибка — 2.7) свидетельствует о среднем уровне успешности решения данных задач и, следовательно, не позволяет сделать однозначный вывод об уровне профессионализма данной спортсменки.

**Результаты гимнасток по методике
«Простая двигательная реакция и реакция выбора»**

Испытуемые	Фоновое ВР левой руки (мс)	Фоновое ВР правой руки (мс)	Общее время дифференцирования (мс)	Скорость переключения внимания (мс)	Безошибочность переключения внимания (мс)
Ан.	216	235	208.5	434.0	0.2
Бон.	255	227	131.2	372.2	0.5
Га.	228	246	254.0	491.0	1.0
Гр.	212	200	274.2	480.2	0.1
Лёв.	236	241	94.8	333.2	0.0
Мел.	218	248	200.8	433.8	0.25
Пр.	216	246	141.2	372.2	0.0
Рош.	276	260	171.0	439.0	0.0
Сем.	312	279	124.2	419.8	0.0
Фо.	198	244	211.0	432.0	0.125

Обнаружена положительная корреляция между показателем «время дифференцирования» (продолжительность периода принятия решения о способе реагирования на предъявленный стимул) и пунктом 36 ИОС («В воображаемых ситуациях я действую в том же темпе, как это должно происходить в реальности») ($0.67, p \leq 0.05$). Это можно интерпретировать как «сходство темпа действий» в воображаемых и реальных ситуациях. Также установлены высокие положительные корреляции между показателями «скорость переключаемости внимания», «время дифференцирования» и уровнем артистизма (соответственно 0.7 и $0.6, p \leq 0.05$). По-видимому, в художественной гимнастике высокий уровень артистизма предполагает способность к быстрому переключению внимания, различению стимулов, умению ориентироваться, перестраиваться, находить оптимальное решение в стремительно меняющихся условиях.

5. Заключение

Несмотря на то что проведенное нами исследование носило пилотажный характер, некоторые его результаты представляют практический и теоретический интерес.

Были выявлены особенности использования образов спортсменками, занимающимися художественной гимнастикой. Показано, что они предпочитают использовать образы когнитивного, а не мотивационного типа. Установлена также взаимосвязь между возрастом спортсменок и частотой использования ими образов мотивационного типа.

Установлено, что гимнастки используют преимущественно внутреннюю перспективу образов и при этом показано, что эта перспектива может изменяться в зависимости от особенностей восприятия гимнаст-

кой психологического климата своей команды. Чем более негативно это восприятие, тем чаще становится «видение извне», или внешняя перспектива.

Интересными оказались значимые корреляции между показателем спортивного звания гимнасток и показателями, раскрывающими их предпочтения в использовании когнитивных и мотивационных образов, согласующиеся с известными данными о более частом использовании спортсменами-профессионалами мотивационной, а не когнитивной функции образов.

Также была установлена взаимосвязь между психологической готовностью к выступлению и частотой мысленных возвращений гимнастки к своим неудачным выступлениям. Высокий уровень общей психологической готовности снижает риск негативного воздействия образов подобного типа на выступление.

Нам представляется, что эти и другие описанные в статье данные могут быть учтены при разработке системы психологической подготовки спортсменов к соревнованиям.

Авторы выражают благодарность Л.М. Шачневой — тренеру сборной команды МГУ им. М.В. Ломоносова по художественной гимнастике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспалов Б.И., Стрелков Ю.К. «Хроноскоп 2006» — психодиагностический прибор для изучения временных характеристик деятельности человека // Мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. «Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России». Ставрополь: М., 2006. С. 49—50.

Беспалов Б.И., Леонов С.В. Диагностика чувства времени у спортсменов высшей квалификации по синхронному плаванию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 1. С. 97—113.

Веракса А.Н., Горовая А.Е. Влияние воображения на результаты спортивной деятельности начинающих футболистов // Национальный психол. журн. 2010. № 2. С. 131—135.

Веракса А.Н., Горовая А.Е. Особенности использования образов спортсменами, занимающимися легкой атлетикой и художественной гимнастикой // Психол. наука и образование. 2011. № 3. (в печати).

Лисенкова В.П. Об особенностях отражения времени человеком // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 1. С. 113—119.

Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998.

Цагарелли Ю.А. Системная психологическая диагностика на приборе «Активациометр»: Учеб. пособие. Киев, 2004.

Barr K., Hall C. The use of imagery by rowers // Int. J. of Sport Psychology. 1992. Vol. 23. P. 243—261.

Bohan M., Pharmer J., Stokes A. When does imagery practice enhance performance on a motor task? // Perceptual and Motor Skills. 1999. Vol. 88. P. 651—658.

Cumming J., Hall C. Athletes' use of imagery in the off-season // The Sport Psychologist. 2002. Vol. 16. P.160—172.

- Feltz D., Landers D.* The effects of mental practice on motor skill learning and performance: A meta-analysis // *J. of Sport Psychology*. 1983. Vol. 5. P. 25—57.
- Hall C., Stevens D., Paivio A.* Sport Imagery Questionnaire: Test manual. West Virginia: Fitness Information Technology., 2005.
- Hall C., Mack D., Paivio A., Hausenblas H.* Imagery use by athletes: Development of the Sport Imagery Questionnaire // *Int. J. of Sport Psychology*. 1998. Vol. 29. P. 73—89.
- Hall C., Rodgers W., Barr K.* The use of imagery by athletes in selected sports // *The Sport Psychologist*. 1990. Vol. 4. P. 1—10.
- Hall C., Schmidt D., Durand M., Buckolz E.* Imagery and motor skills acquisition // *Imagery in sports and physical performance* / Ed. by A. Sheikh, E. Korn. N.Y., 1994. P. 141—157.
- Janssen J., Sheikh A.* Enhancing athletic performance through imagery: An Overview // *Imagery in sports and physical performance* / Ed. by A. Sheikh, E. Korn. N.Y., 1994. P. 1—22.
- Martin K., Moritz S., Hall C.* Imagery use in sport: A literature review and applied model // *The Sport Psychologist*. 1999. Vol. 13. P. 245—268.
- Morris T., Spittle M., Watt A.* Imagery in sport. Champaign, IL, 2005.
- Perry C., Morris T.* Mental imagery in sport // *Sport psychology: Theory, applications and issues* / Ed. by T. Morris, J. Summers. Brisbane, Australia, 1995. P. 37—53.
- Vealey R., Greenleaf C.* Seeing is believing: Understanding and using imagery in sport // *Applied sport psychology: Personal growth to peak performance*. 4th ed. / Ed. by J. Williams. Los Angeles, CA, 2001. P. 247—284.
- Weinberg R., Gould D.* Foundations of sport and exercise psychology. Champaign, IL, 2003.

Поступила в редакцию
14.02.11

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

И. А. Буровихина

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

В статье приводятся результаты эмпирического изучения субъективной картины жизненного пути современных подростков, базирующейся на представлениях о важных событиях прожитой жизни и предполагаемых значимых датах будущего. Анализируются данные выполнения теста «Твоя линия жизни» А. Кроника учащимися 6—11-х классов общеобразовательных школ (N=390). Показано, что представления подростков о значимых событиях прошлого и будущего имеют возрастную специфику и особую эмоциональную окраску, а их актуализация обнаруживает закономерности воспроизведения событий культурного сценария жизни и уникальных значимых ситуаций, отличающихся выраженной смысловой насыщенностью. Особое место в целостном представлении о будущем занимает образ своей будущей семьи, создание которой воспринимается современными подростками как важный и необходимый этап взросления.

Ключевые слова: субъективная картина жизненного пути, значимые события, автобиографические воспоминания, представления о будущем, задачи развития, отрочество, образ семьи.

The article presents results of the empirical study of the subjective life picture of contemporary teenagers, based on different milestones, represented in autobiographical memories or in the image of the future. In the empirical study using A. Kronik's "Life Line" on the sample of 390 senior high school students the age-related differences between autobiographical memories and image of the future, specific emotional attitudes towards them, cultural specific and individual configuration of the memories and of the image of the future are shown. The image of the family takes a significant place in the image of the future of contemporary teenagers.

Key words: subjective life picture, significant life events, autobiographical memories, an image of the future, developmental tasks, adolescence, an image of the family.

Буровихина Ирина Александровна — аспирантка кафедры возрастной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* burovikhina@gmail.com

Работа выполнена под руководством канд. психол. наук А.Г. Лидерса.

В последние десятилетия в психологии интенсивно изучаются вопросы переживания временной перспективы, осмысления человеком своего индивидуального жизненного пути (Головаха, Кроник, 2008), целостное представление о котором формулируется как одна из задач развития в подростковом возрасте (Крайг, 1999). Чтобы более глубоко понять, как современный подросток строит время собственной жизни и каковы особенности его субъективной картины жизненного пути, мы провели эмпирическое исследование.

Цели исследования: выявление особенностей автобиографических воспоминаний подростков и их представлений о значимых событиях предстоящей жизни, а также определение гендерной и возрастной вариативности образа прошлого и образа будущего, формирующихся в отрочестве.

Субъективная картина жизненного пути изучалась с помощью теста «Твоя линия жизни» А. Кроника в его бланковом варианте (Лидерс, 2006). Выполнение теста предполагает размещение на временной оси жизни важных моментов прошлого и предполагаемых узловых событий будущего, при этом содержательность и подробность их описания респондент определяет самостоятельно.

Выборка. В исследовании принимали участие 390 учеников 6—11-х классов общеобразовательных школ г. Королева Моск. обл.: 199 девочек и 191 мальчик в возрасте 11—17 лет. Для проведения возрастных сравнений респонденты были разделены на две подгруппы: младшие подростки — Мп (203 ученика 6—8-х классов) и старшие подростки — Сп (187 учеников 9—11-х классов). Группы выделялись в соответствии с предложенным К.М. Гуревичем социально-психологическим нормативом, дифференцируемым в образовательно-возрастных границах (Гуревич, Борисова, 2000; Гуревич, Горбачева, 1992).

Обработка. Для анализа дихотомичных признаков проводился расчет 4-клеточного фи-коэффициента корреляции Гилфорда, для выявления различий в уровне исследуемого признака производилась оценка значимости различий по критерию Манна—Уитни, а сопоставление двух процентных долей выборок по частоте встречаемости определенного признака осуществлялось при расчете углового преобразования Фишера. Качественный анализ реализовался с помощью методов экспертной оценки (при выделении категорий событий) и контент-анализа.

Анализ результатов

Предварительный анализ протоколов. Из 390 собранных нами протоколов 105 (60 от Мп и 45 от Сп) оказались пустыми: указав свои анкетные данные и ознакомившись с инструкцией к тесту, респонденты не стали его выполнять. Мы предполагаем, что отказ от выполнения методики может быть обусловлен отсутствием рефлексии как попытки осмыслить

временную перспективу своей жизни. Количественный анализ долей Мп и Сп, затруднившихся выполнить тест, не позволяет выявить значимую связь на уровне ошибки $p < 0.05$ ($\chi^2_{\text{эмп}} = 1.24 < \chi^2_{\text{кр}} = 3.84$) между возрастом респондента и его готовностью (способностью, желанием) представить себе свой жизненный путь и назвать самые важные события своего прошлого и будущего.

Для проведения дальнейшего анализа результатов мы использовали только заполненные бланки теста: 143 «линии жизни» Мп и 142 — Сп. Варианты фрагментарного заполнения «линий жизни» — когда полностью отсутствует или упоминание о значимых событиях прошлого (40 респондентов), или перечисление предстоящих важных событий (26 респондентов) встречались редко. Анализ их возрастной отнесенности показал, что Сп чаще, чем Мп, избегают повествования о минувших важных датах своей жизни ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7.58 > \chi^2_{\text{кр}} = 6.63$, $p \leq 0.01$), что может быть объяснено как поглощенность старшеклассников обдумыванием дальних перспектив и построением жизненных планов, выступающих для них более интересным и значимым объектом для размышлений, чем минувшие события, которые, возможно, не осмысливаются ими как ценный жизненный опыт. Также интересно, что устойчиво преобладающим стилем рисования «линии жизни» на листе бумаги оказывается ее проведение от нижней границы листа вверх (обратно принятому способу заполнения листа сверху вниз), предпочитаемое более чем 60% респондентов ($\phi^*_{\text{эмп}} = 3.82 > \phi^*_{\text{кр}} = 2.31$, $p \leq 0.01$).

Представления о прошлом в субъективной картине жизненного пути

1. Событийная насыщенность этапов прожитой жизни. В анализе субъективной картины прожитой жизни мы рассматривали 812 автобиографических воспоминаний, полученных от 245 респондентов. Описывая прошлое, подростки чаще всего называют не более 4 важных событий (преимущественно 3), перечисление 6 и более узловых моментов характерно лишь для 10% респондентов, указания на 11 и 12 дат единичны и встречаются только у Мп. Значимой разницы в событийной насыщенности прошлого между возрастными подгруппами обнаружено не было, как и не было найдено сдвига в субъективной оценке длительности прожитой жизни, которую по инструкции респондент должен был выразить в соответствующей длине отрезка на временной оси жизни. Таким образом, опираясь на приведенные данные, мы не можем подтвердить исследовательское предположение о том, что Мп более сосредоточены на обдумывании пройденного жизненного пути и чаще стремятся погружаться в автобиографический анализ и оценивать прожитый отрезок жизни как более наполненный и яркий по сравнению с открывающимися перед ними перспективами будущего.

Традиционно мало значимых событий упоминается в младенческом (до 1 года) и раннем (до 3 лет) возрастах, что подтверждает результаты предыдущих исследований (Головаха, Кроник, 1985; Rubin et al., 1998) и наглядно иллюстрирует «эффект детской амнезии». При этом наиболее памятными для подростков являются 7-летний возраст (начало обучения в школе) и период жизни, непосредственно предшествовавший исследованию, недавний: 12—13 лет для Мп и 14—15 лет — для Сп. Хранимые в оперативной автобиографической памяти (Rubin et al., 1998), эти воспоминания обладают большей детализированностью и легче актуализируются по сравнению с воспоминаниями о более ранних периодах жизни. Кроме этого «сгущение» в 15-летию переломных событий прошлого у Сп может быть обусловлено так называемым эффектом «пика воспоминаний» (Нуркова и др., 2005), начало которого приходится на старший подростковый возраст (Rubin et al., 1998). Так, в нашем исследовании эффект «пика», при котором на 15-летний возраст приходится больше воспоминаний, чем в среднем на любой другой временной интервал прошлого, был отчетливо выражен у 9% респондентов, и можно предположить, что регистрация «пика» была бы более частой при применении специальной мотивирующей инструкции, использованной в работах датских коллег.

2. Представленность жизненных сфер в образе прошлого. При качественном анализе всех 812 воспоминаний мы, во-первых, определяли эмоциональный знак каждого события. Это происходило в тех случаях, когда эксперты могли однозначно отнести событие к позитивно окрашенным («появился настоящий друг», «влюбилась», «празднование моего Дня рождения») или к окрашенным негативно («умер папа», «попал в милицию», «поссорился с любимой девушкой»). В некоторых случаях эмоциональный фон события оценивался как нейтральный или не оценивался вовсе (например, «пошел в школу», «переехали жить в другой город»); во-вторых, выделяли категории событий и относили их к основным жизненным сферам подростков; в-третьих, анализировали отношения значимости с другими людьми в истории прошлого.

Так, нами было выделено 60 категорий событий, относящихся к 7 жизненным сферам подростков: «Внутренний мир и развитие самосознания» (9 категорий), «Личный выбор и личная жизнь» (15), «Внешкольная деятельность» (6), «Отношения со сверстниками» (8), «Раннее детство» (4), «Родительская семья» (11), «Школа, учеба» (7 категорий). То, что жизненная сфера «Школа, учеба» относительно мало дифференцирована по сравнению с другими сферами, вызвано, на наш взгляд, закономерным для подросткового возраста снижением интереса к учебе и возрастающим стремлением реализовать свои потребности в самовыражении и самоопределении в общественно-полезной деятельности (Фельдштейн, 1989). Учение представлено в

индивидуальной картине прошлого преимущественно через типичные события, заданные культурным сценарием жизни («пошел в школу», «перешел в 10-й класс»). Закономерна и ожидаема вариативность сфер «Внутренний мир» и «Личная жизнь», в которых перечислены наиболее интересные для исследовательского анализа события, индивидуализирующие жизненный путь и делающие его неповторимым, свободным от присвоенных культурных стереотипов. Наибольшей событийной насыщенностью по сравнению с остальными отличаются сферы «Личный выбор и личная жизнь» (25% названных респондентами событий), а также «Родительская семья» и «Отношения со сверстниками» (по 15% всех автобиографических воспоминаний), причем такие события, как «приобретение новых друзей» и «начало посещения кружков и спортивных секций», значимо чаще упоминались респондентами в качестве «повторяющихся» важных моментов прошлого, т.е. таких, с которыми было связано более 50% всех воспоминаний. Эти данные подчеркивают важность товарищеских отношений для подростков, указывают на возрастающую потребность в дружбе со сверстником, особую значимость внутрисемейных взаимоотношений и осознания возможностей и ограничений личного выбора в решении специфичных для возраста задач развития.

Как у Сп, так и у Мп ($\chi^2_{\text{эмп}}=0.45 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$) воспоминания, связанные с эмоциональным переживанием внутренней жизни, открытием своего внутреннего мира и отдельными этапами становления самосознания, встречались редко (только 5% от общего количества воспоминаний). Это может быть обусловлено бедностью словаря личностной лексики или превалированием потребности размышлять об отношениях с окружающими над интересом к себе и потребностью в знании собственных особенностей.

3. Наиболее часто упоминаемые события прошлого. К наиболее часто воспроизводимым относятся следующие события. Так, 50% всех подростков в качестве значимого события прошлого назвали «начало обучения в школе», а такие события, как «первая любовь», «начало посещения кружков по интересам и появление хобби, личных увлечений», «приобретение новых друзей», «значительные личные достижения во внешкольной деятельности», «яркие праздники, торжества», «рождение младшего брата или сестры» встречаются в 20% от общего числа протоколов. Наиболее редко воспроизводились события трагические, негативные или тревожащие: «смерть близкого друга», «конфликт с учителем», «ухудшение взаимоотношений с родителями», «экзамены в школе». Отметим, что только 20 из упоминавшихся важных событий прошлого полностью совпадают с перечисленными в известной методике «Лист жизненных событий подростков — ЛИЖИСП» (Подольский и др., 2004), имеющей аналогичную инструкцию. Еще 6 событий частично совпали с названными коллегами, а 34 оказались совершенно

новыми. Интересно, что на «линию жизни» респондентами нашего исследования наносились преимущественно позитивные, радостные ситуации, доля которых в общем количестве составляет 64% и значимо превышает долю негативных, трагических моментов времени ($\varphi^*_{\text{эмп}}=7.07 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31$, $p \leq 0.01$), а ЛИЖИСП выявляет прежде всего тревожащие или печальные события, что и позволило использовать эту методику для диагностики подростковой депрессивности. В нашем исследовании доля респондентов, в чьих ретроспективах количество негативно окрашенных ситуаций превышало количество позитивных событий, составляет только 11%, что позволяет с уверенностью сделать следующий вывод: осмысляя свое прошлое, подростки опираются на радостные события и именно их считают решающими в реализации индивидуального жизненного пути ($\varphi^*_{\text{эмп}}=3.82 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31$, $p \leq 0.01$). При этом тревожные события, утраты, которые наверняка приходилось переживать каждому человеку хотя бы однажды до достижения подросткового возраста, вытесняются из сознания и не претендуют на роль переломных моментов судьбы в картине мира подавляющего большинства подростков. Так, 73% подростков описывают свое прошлое без единого упоминания об омрачающих его событиях, представляя картину ровного, радостного, успешно пройденного жизненного пути. Это заставляет задуматься над тем, каково соотношение понятий «важное, значимое событие» и «яркое, запомнившееся событие» в образе мира подростков. Имеет ли место полное совпадение этих понятий; или своеобразная иерархия, построенная по принципу «важно то, что запомнилось»; или четкое их разведение, когда насыщенность, яркость события, его след в произвольной автобиографической памяти не отождествляется с тем личностным смыслом, который подросток может придать ему в рефлексивной работе над построением жизненной ретроспективы.

4. Представленность значимых Других в образе прошлого. Контент-анализ автобиографических воспоминаний также позволил выделить 19 значимых лиц, упоминавшихся подростками в повествовании о своем прошлом. Интересно, что 51% респондентов ни разу не упомянули каких-либо «значимых Других», участвовавших в их прошлом, несмотря на то, что истории жизни этих респондентов не менее дифференцированы и содержательны, чем истории их сверстников, указавших на важную роль других людей в их развитии и становлении (достоверных межгрупповых различий в событийной насыщенности прошлого не обнаружено). При этом 25% подростков из числа отметивших влияние других лиц признали эпизоды соучастия других в своем прошлом самыми важными событиями на «линии жизни» и не назвали ни одного своего поступка или события, не связанного с жизнью других людей. Среди «других лиц» наиболее часто упоминались «друзья, лучшая подруга/лучший друг» (в 50% протоколов), а также «любимый человек/

любимая девушка», «брат/сестра», «родители», «бабушка/дедушка» (в 25% протоколов). Указания на каких-либо иных социальных взрослых, не входящих в близкий семейный круг (учителей, соседей, тренеров, вожатых в лагере, кумиров), или сверстников, с которыми не установлены приятельские отношения (одноклассники, ребята со двора, случайные знакомые), присутствуют не более чем в 5% протоколов.

Сравнение возрастных подгрупп выявило достоверное преобладание упоминаний о друзьях и связанных с ними важных событиях у Сп ($\chi^2_{\text{эмп}}=6.61 > \chi^2_{\text{кр}}=3.84$, $p \leq 0.05$), что, на наш взгляд, вызвано потребностью в эмоциональном контакте со сверстником, тягой к дружбе, стремлением сформировать доверительные дружеские отношения, характерные для старшеклассников (Кон, 1989). Интересно, что среди подростков, упомянувших значимых лиц, достоверно преобладают девочки ($\varphi^*_{\text{эмп}}=4.3 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31$, $p \leq 0.01$), тогда как мальчики чаще указывают на личные поступки, самостоятельные действия или ситуации, развитие которых не зависело от участия других людей. При этом значимых различий между мальчиками и девочками в упоминании возлюбленных ($\chi^2_{\text{эмп}}=0.07 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$), сиблингов ($\chi^2_{\text{эмп}}=0.02 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$), родителей ($\chi^2_{\text{эмп}}=3.32 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$) и прародителей ($\chi^2_{\text{эмп}}=1.37 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$) не найдено. Однако если эти значимые лица упоминаются мальчиками и девочками с одинаковой частотой, то указание на важное влияние отца на ход прожитой жизни полностью отсутствует у девочек и встречается только у мальчиков при упоминании о распаде семьи. При этом мальчики подчеркивают именно уход отца («отец бросил семью», «от нас ушел папа»), а девочки описывают разрыв семейных отношений («родители разошлись», «развод родителей»), не указывая на особую роль и ответственность одного из родителей.

5. Анализ отдельных возрастных стадий прошлого. Рассмотрим, посредством каких событий представлены в сознании подростков различные возрастные периоды их прошлого. Среди редких упоминаний о раннем детстве преобладают события, которые забыты человеком в соответствии с закономерностями развития памяти как высшей психической функции — «научился самостоятельно стоять», «начал ходить», «появились первые слова». Отражающие нормативные этапы развития ребенка, они «беспристрастны», «всеобщие» и не позволяют понять своеобразие пройденного пути, выделить поворотные моменты личного прошлого. Среди событий дошкольного детства преобладает «начало посещения детского сада». Младший школьный возраст представлен в основном через открывающее его событие — «начало обучения в школе», а временной промежуток с 8 и до 11 лет отражен скупо, зато в его описании начинают все чаще встречаться особые события, повлиявшие на всю дальнейшую жизнь конкретного подростка. Подростковый возраст превосходит по своей событийной насыщенности остальные и представлен в ситуациях, связанных с

удачными или неудачными попытками реализовать ведущие потребности возраста в дружбе, переживании единения со сверстниками, формировании целостного и непротиворечивого представления о себе и своем месте в мире. Именно в анализе подросткового возраста мы встречаем большое разнообразие «непредписанных» событий, не связанных с культурными стереотипами взросления. Но при этом часто встречающиеся события имеют четкие временные рамки. Так «приобретение новых друзей», «знакомство с лучшим другом» случается в 12 лет ($M=11.8$, $\sigma=1.3$), а первое переживание чувства любви приходится на 14 лет ($M=13.6$, $\sigma=1.8$). Переживание расширения границ собственной свободы, ощущение себя самостоятельным отмечают только Сп как значимое событие 16-летнего возраста. Сексуальный дебют, указание на который встречается, напротив, только у Мп, датируется 13 или 14 годами. Столь ранняя сексуальная инициация, как и указание на факт этого при выполнении психологического теста, на наш взгляд, подчеркивает особую значимость интимных отношений для подростков и наглядно иллюстрирует либерализацию половой морали, являющуюся универсальной тенденцией современного общества (Кон, 2009). Раннее вовлечение как девочек, так и мальчиков в сексуальность также может быть следствием желания самоутвердиться и получить «важнейшее доказательство вожеленной зрелости» (Кон, 1966).

6. Представления о прошлом в субъективной картине жизненного пути: итог. Ключевые моменты прожитой жизни представлены в сознании подростков через 3—4 важных события; склонность погружаться в размышления о них более характерна для Мп. Представления о прошлом преимущественно имеют позитивную окраску и редко включают в себя единичные трагические или тревожащие события. В описании важных событий преобладают ситуации, связанные с отношениями в родительской семье, этапами развития дружеских отношений и эмоциональных контактов со сверстниками, а также примеры личных поступков, совершенных в соответствии с самостоятельным выбором. Последние воспроизводятся в многообразии деталей и оттенков, делающих их уникальными, а жизненный путь, в который они включены, неповторимым. В анализе жизненных ретроспектив трудно проследить их гендерную вариативность и выделить воспоминания, специфичные для девочек и для мальчиков, или особые картины прошлого, характерные для тех и других. В описании важных моментов прошлого подростки в одинаковой степени склонны указывать как на важную роль других людей (прежде всего, друзей, любимого человека и членов семьи), повлиявших на ход жизни, так и на полное отсутствие значимого участия других. Наибольшей событийной насыщенностью в представлениях о прошлом отличаются младший школьный возраст (ввиду частого упоминания

«начала обучения в школе» в качестве одного из ключевых моментов прошлого), а также подростковый возраст, с одной стороны, запечатленный в оперативной автобиографической памяти личности, а с другой — наполненный важными, значимыми и дорогими для подростков воспоминаниями и пройденный по пути, отличному от культурного сценария взросления.

Представления о будущем в субъективной картине жизненного пути

1. Основные закономерности отражения будущей временной перспективы. Анализируя представления о предстоящих значимых событиях жизни, мы опирались на 1450 повествований 260 респондентов. Отметим, что полученные описания будущего более детализированы, содержательны и подробны, чем описания прошлого ($U_{эмп}=17608$, $p=0.00$). Так, в повествовании о будущем подростки называют в среднем 5 и более событий; 3 и менее — только 25% респондентов; 11 и более предполагаемых знаменательных дат называют 10%; максимальной насыщенности будущее достигает на «линиях жизни» 3 респондентов, каждый из которых описал по 17 важных событий своей молодости, зрелости и старости. По-видимому, для подростков размышления о течении открывающейся жизни более привлекательны и субъективно важны, чем анализ прожитого. При этом у Мп событийная насыщенность будущего ($U_{эмп}=6768$, $p\leq 0.01$), как и его субъективная длительность ($U_{эмп}=5519$, $p\leq 0.01$) оказываются более выраженными, чем у Сп, и это не позволяет подтвердить исследовательское предположение о том, что стремление подростков сосредоточиваться на осмыслении будущих целей и дальних жизненных перспектив по мере взросления растет. Напротив, в прорисовке «линий жизни» Сп давали более краткие ответы, тогда как Мп представили более полный и содержательный анализ как прошлого, так и будущего. Это может быть следствием того, что Мп более непосредственны и открыты в выполнении методики, тогда как Сп имеют выраженную потребность скрывать свои переживания, ограждать свой внутренний мир от посторонних взглядов и поддерживать предельную избирательность в общении.

2. Событийная насыщенность отдельных возрастных этапов будущей. Наиболее ясным в представлениях подростков оказывается такой возрастной этап будущего, как молодость (19—30 лет). К нему относятся 50% всех названных значимых событий предстоящей жизни. Редки и буквально единичны попытки респондентов представить важные даты пожилого и старческого возрастов (60 лет и старше), что может быть вызвано разными причинами, среди которых: недостаточное внимание к старости как этапу человеческой жизни, демонстрируемое в современном обществе (Крайг, 1999); нежелание подростков задумываться об окончании жизненного пути, которому

старость непосредственно предшествует; скудость представлений подростков о сущности старения и особенностях геронтогенеза. Интересно, что завершающий этап жизненного пути — смерть — и вовсе отсутствует в подавляющем большинстве (86%) протоколов: жизненный путь почти всегда остается незавершенным ($\varphi^*_{\text{эмп}}=7.3 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31, p \leq 0.01$), но если предполагаемый возраст кончины все-таки называется, то в половине случаев он оказывается нереалистичным (превышает 100, иногда и 150 лет), а в другой половине ограничивается 69 годами. По-видимому, подростки защищают себя от нередко болезненного осознания факта конечности собственной жизни, предпочитая упоминать в качестве последнего важного события жизненного пути выход на пенсию.

Представленность в образе будущего юности и зрелости отличается примерно одинаковой степенью ясности и детализированности: на каждый из этих возрастных периодов приходится по 25% из всех перечисленных важных дат. Наиболее часто называемые возраста: 18-летие — за счет распространенного упоминания о поступлении в вуз как поворотном событии юности, и 25-летие — предпочитаемый возраст вступления в брак. Среди «значимых Других» будущего преимущественно фигурируют собственные дети (более чем у 60% респондентов), значительно реже супруги (9% респондентов). Часты варианты повествования о своем будущем как о цепочке личных поступков, самостоятельных действий или ярких внутренних переживаний, не связанных с участием других людей.

3. Представленность жизненных сфер в образе будущего. При качественном анализе жизненных перспектив было выделено тоже 60 категорий событий, но по своему содержанию наполнению они отличались от категорий прошлого. Наиболее детализированными оказались такие жизненные сферы, как «Семья» (16 категорий) и «Внутренний мир и развитие самосознания» (9 категорий). Наименее детализированными — сферы, связанные с профессиональным становлением и развитием, а также с учебой в школе (для нее осталось обоснованно мало места на временной оси будущего). Интересно следующее: если в анализе прошлого детализированность жизненных сфер обуславливалась наличием большого количества уникальных, индивидуализирующих жизненный путь событий, то в анализе будущего она основывается на перечислении разнообразных, но при этом типичных (культурно заданных) этапов взросления. Указания на даты, не входящие в «предписанный» жизненный сценарий, редки и единичны. Таким образом, представления современных подростков о прошлом более вариативны и представляют собой множество траекторий индивидуального жизненного пути, тогда как видение будущего есть не что иное, как обобщенное представление об «обычных», закономерных этапах жизни каждого человека. Среди наиболее часто упоминаемых событий будущего: «вступление в брак»

(75% респондентов), «рождение ребенка» (70%), «поступление в вуз» (50%) и «начало трудовой деятельности» (50% респондентов).

Как и в представлениях о прошлом, в образе будущего преобладает позитивная эмоциональная составляющая, в которой преимущественно перечисляются радостные события, а указания на неизбежные негативные этапы взросления и старения (смерть родителей, утрата близких и друзей) единичны и встречаются менее чем у 1% респондентов. Таким образом, можно с уверенностью заключить, что образ будущего современных подростков отличает уверенная настроенность на гладкое, беспрепятственное, ничем не омраченное течение собственной жизни по типичному для современного общества руслу. Будущее видится включающим преимущественно социальные перспективы, тогда как личные остаются скрытыми, неясными, слабо различимыми ввиду несформированности устойчивого самосознания и стабильного образа «Я», которые станут новообразованиями юношеского возраста (Сапогова, 2005). Как следствие, предсказуемы и понятны результаты содержательного анализа целостных жизненных сценариев: в юности — поступить в вуз; в молодости — начать трудовую деятельность и вступить в брак, обзавестись детьми; в зрелости — завершить карьеру и выйти на пенсию (значительно реже — добиться успехов в выбранной сфере деятельности); в старости — непонятно что (иногда — отдых от жизни).

4. Гендерная вариативность представлений о будущем. Интересно, что девочки указывают значительно больше фактов будущей семейной жизни ($U_{эмп} = 4996$, $p = 0.00$), и предпочитают строить представления о ней в соответствии со стадиями жизни своей семьи: у 35% девочек каждое второе названное событие связано с семьей, а 10% респонденток не видят в своем будущем иных, кроме семьи, сфер реализации себя. Тогда как у мальчиков преобладает тенденция формировать перспективу жизни вне связи с семейными событиями (36% респондентов) или указывать среди значимых не более трети явлений, имеющих отношение к семье (43%). Описывая свое будущее, мальчики зачастую упоминают только «вступление в брак» и реже «рождение ребенка», тогда как ответы девочек содержат частые указания на знаменательные даты супружеской жизни, на необходимость взять на себя заботу о стареющих родителях и на различные позитивные изменения в жизни будущих детей, внуков и даже правнуков. Отметим, что в описании конкретики отдельно взятых «семейных» событий (указания на возраст вступления в брак, предполагаемое количество детей и др.) девочки и мальчики одинаково точны, и это, на наш взгляд, указывает на то, что гендерная вариативность образа семьи отражается прежде всего в его базовых, глобальных характеристиках.

Описывая возраст вступления в первый брак, и мальчики (34%), и девочки (30%) в качестве предпочтительного называют 25 лет. При

этом 60% девочек указывают на готовность создать брачный союз и раньше (18—24 года), тогда как 33% мальчиков привлекает перспектива создать семью в более зрелом возрасте (27—40 лет). Возраст вступления в первый брак, превышающий 28 лет, вообще не упоминается девочками, а поиск различий в уровне исследуемого признака с достоверностью позволяет заключить, что возраст создания семейного союза у девочек значимо снижен по сравнению с таковым у мальчиков ($U_{эмп}=2357.5$, $p=0.00$). Также в ответах мальчиков значительно реже ($\chi^2_{эмп}=27.1 > \chi^2_{кр}=6.63$, $p=0.01$) за созданием брака следует и рождение в нем детей, упоминание о которых встречается только в половине начерченных ими «линий жизни». Мальчики, указывающие на появление ребенка как на важное событие будущего, описывают и предпочтительное время рождения первенца, которое полностью совпадает с таковым у девочек и приходится на первые 2 года супружества. Наименее привлекательным является увеличение бездетного периода супружеских отношений до 4 лет и более. Сравнение числа детей, родителями которых по собственному предположению станут респонденты, не выявило значимых гендерных различий: 55% девочек и 75% мальчиков указывают на готовность иметь в будущем не менее 2 детей. При этом наиболее предпочтительным интервалом между рождением детей считается 3—4 года, наименее привлекательным — 6 лет.

5. Представления о будущем в субъективной картине жизненного пути: итог. Перспектива жизни представлена в сознании подростков через 5 и более значимых событий будущего, являющихся основными этапами культурного сценария взросления в современном обществе. Понимание будущей жизни как уникальной, неповторимой, осуществленной по особому, самостоятельно созданному сценарию, встречается редко. Такое понимание станет одной из задач развития в юношеском возрасте. Представления подростков о будущем имеют позитивную окраску и включают в себя в основном ситуации, связанные с созданием и развитием семейных отношений. Наибольшей событийной насыщенностью по сравнению с другими возрастными на временной оси будущего отличается молодость. Она вбирает в себя наиболее часто упоминаемые значимые этапы жизненного пути — вступление в брак и рождение детей.

* * *

Таким образом, можно прийти к выводу, что в субъективной картине жизненного пути современных подростков наибольшей детализированностью отличаются представления о будущем, тогда как воспоминания о прожитой жизни менее содержательны, однако более вариативны, и включают в себя много уникальных событий. Как в образе прошлого, так и в образе будущего преобладают события, связанные с семейной

жизнью (в родительской или в самостоятельно созданной семье). При этом если индивидуальные траектории прошлого не поддаются типологизации, то в образе будущего девочки связывают течение судьбы с изменениями, которые произойдут в их семьях, а мальчики — с событиями профессиональной жизни или внутренними переживаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время наших читателей // Знание — сила. 1985. № 2. С. 44—46.
- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М., 2008.
- Гуревич К.М., Борисова Е.М.* Психологическая диагностика. М., 2000.
- Гуревич К.М., Горбачева Е.И.* Умственное развитие школьников: критерии и нормативы. М., 1992.
- Кон И.С.* Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64—77.
- Кон И.С.* Психология ранней юности. М., 1989.
- Кон И.С.* Мальчик — отец мужчины. М., 2009.
- Крайг Г.* Психология развития. СПб., 1999.
- Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М., 2006.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В.* Автобиографическая память: «сгущения» в субъективной картине прошлого // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 22—32.
- Подольский А.И., Идобаева О.А., Хейманс П.* Диагностика подростковой депрессивности: теория и практика. СПб., 2004.
- Сапогова Е.Е.* Психология развития человека. М., 2005.
- Фельдштейн Д.И.* Психология развития личности в онтогенезе. М., 1989.
- Rubin D.C., Wetzler S.E., Nebes R.D.* Autobiographical memory across the adult lifespan // Autobiographical memory / Ed. by D.C. Rubin. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 202—221.

Поступила в редакцию
10.06.11

МЕТОДИКА

Е. И. Рассказова, А. Б. Леонова, И. В. Плужников

РАЗРАБОТКА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА КОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ

Статья посвящена апробации русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ). Опросник предназначен для оценки как продуктивных, так и деструктивных когнитивных стратегий в процессе регуляции аффективных переживаний и широко используется в исследованиях совладания со стрессом. Результаты психометрической апробации доказали высокую надежность, содержательную и конструктивную валидность подготовленной русскоязычной версии опросника. Эмпирическая верификация, проведенная на группах «нормы» и больных с аффективными расстройствами, подтвердила диагностическую пригодность опросника для использования в прикладных исследованиях.

Ключевые слова: когнитивная оценка, эмоции, стресс, когнитивно-аффективные механизмы регуляции поведения, копинг-стратегии, психодиагностика.

The paper is devoted to validation of the Russian version of Cognitive Emotion Regulation Questionnaire (CERQ). The questionnaire is aimed at evaluation of both “productive” and “destructive” cognitive strategies of affective moods’ regulation and is widely used in studies on coping with stress. The results of psychometric approbation demonstrated high internal consistency, test-retest reliability, content and construct validity of the prepared Russian version of the test. The empirical verification of the test in the groups of “norm” and patients with affective disorders confirms its diagnostic suitability for using in applied research.

Key words: cognitive appraisal, emotions, stress, cognitive-affective mechanisms of activity regulation, coping strategies, psychodiagnostics.

Проблема взаимодействия когнитивных и эмоциональных процессов, обуславливающих особенности поведения человека,

Рассказова Елена Игоревна — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* l_rasskazova@yahoo.com

Леонова Анна Борисовна — докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией психологии труда ф-та психологии МГУ. *E-mail:* ableonova@gmail.com

Плужников Илья Валерьевич — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* pluzhnikov_iv@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант №11-06-00089а).

интересовала ученых с давних времен и продолжает оставаться в центре внимания современных исследований (см.: Величковский, 2006; Scherer, 1994). Традиционная установка на *противопоставление «аффекта» и «интеллекта»*, ярко обозначенная еще в трудах античных философов, начала подвергаться серьезной критике с начала становления психологии как самостоятельной научной дисциплины (см., напр.: Выготский, 1984; Майер, 1981). С середины XX в. доминирующее влияние на развитие исследований в этой области стали оказывать принципы *единства и согласованности* в функционировании эмоциональной и когнитивной сфер человека. Этот подход получил методологическое и концептуальное обоснование как в трудах выдающихся отечественных психологов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), так и целого ряда известных зарубежных авторов (Э. Блейлер, Г. Гарднер, Г. Майер, Р. Стернберг и др.). В рамках этих представлений формировались современные когнитивные теории эмоций, ставящие акцент на анализе процессуальных механизмов регуляции деятельности и поведения человека в эмоционально напряженных ситуациях (Scherer, 1994).

Особое место в разработке проблемы взаимодействия когнитивных и аффективных процессов занимают исследования стресса и совладающего поведения (Кокс, 1985; Леонова, 2009; Folkman et al., 1979). В одной из первых (и до настоящего времени остающейся лидирующей) психологических концепций стресса — когнитивной теории Р. Лазаруса (1966, см.: Кокс, 1985) — показана ведущая роль когнитивно-аффективных механизмов в субъективной оценке ситуации человеком. Ситуация оценивается как стрессогенная на основе соотнесения воспринимаемого человеком смысла происходящего с доступными ресурсами совладания с затруднениями в эмоционально-окрашенной форме («угроза», «потеря», «вызов»), что приводит к актуализации различных видов копинг-стратегий. В развивающемся вслед за этим «потоке действий и реакций», направленном на разрешение ситуации, нередко слиты воедино собственно объект и задействованные механизмы регуляции поведения (Folkman et al., 1979; Lazarus, 2006). Так, эмоционально-ориентированные стратегии совладания могут быть когнитивными по механизму осуществления, а проблемно-ориентированный копинг с необходимостью включает и когнитивные, и эмоциональные компоненты, представленные в форме как произвольных, так и непроизвольных действий (Eisenberg et al., 1995; Miceli, Castelfranchi, 2001). Изначальная сложность структуры регуляции поведения в стрессогенных ситуациях приводит к трудностям в *операционализации* компонентного состава названных механизмов, что подчеркивает необходимость более тщательного анализа и дифференциации различных регуляторных стратегий на процессуальном уровне.

Один из возможных подходов к решению обозначенной проблемы состоит в определении *роли когнитивных процессов в регуляции эмоций* и «обратного» влияния эмоциональных состояний на протекание когнитивных процессов. В рамках данного подхода Н. Гарнефски с коллегами (Garnefski et al., 2002) был разработан «Опросник когнитивной регуляции эмоций» (в оригинале «*Cognitive Emotion Regulation Questionnaire*» — *CERQ*). Согласно предложенной модели, авторами было выделено 9 основных когнитивных стратегий регуляции эмоций, которые могут быть отнесены к двум разным категориям:

— способствующие успешной адаптации (или «эффективные») стратегии: 1) принятие того, что случилось, 2) позитивная перефокусировка, 3) фокусирование на планировании, 4) позитивная переоценка, 5) рассмотрение в перспективе;

— препятствующие адаптации и усиливающие дезадаптационные эффекты (или «деструктивные») стратегии: 6) самообвинение, 7) руминации/навязчивые мысли о событии, 8) катастрофизация, (9) обвинение других.

Диагностическая пригодность и валидность оригинальной версии опросника *CERQ* доказана при проведении цикла исследований на репрезентативных выборках респондентов, которые в содержательном плане образуют три следующих направления:

(1) Исследования совладания со стрессом на популяционном уровне с учетом возрастных различий. Показано, что для подростков и взрослых характерны устойчивые корреляционные связи когнитивных стратегий регуляции эмоций (прежде всего, самообвинения, катастрофизации и позитивной переоценки) с уровнем депрессии, тревоги и гнева (см., напр.: Garnefski et al., 2005).

(2) Исследования совладания с психотравматическими переживаниями. Обнаружено, что в группах риска (участники военных действий; фермеры в регионах, пострадавших от эпидемии; женщины-жертвы насилия) интенсивность переживания тревоги, депрессии и посттравматической симптоматики зависит от частоты применения деструктивных стратегий (самообвинения, руминации и обвинения других). В то же время преимущественное использование эффективных стратегий (позитивной перефокусировки и переоценки) закономерно связано со снижением этих негативных переживаний (Kraaij et al., 2007).

(3) Клинические исследования совладания со стрессом у лиц с соматическими и/или психическими заболеваниями. Выявлено, что у больных раком, периферической артериальной болезнью, ювенильным идиопатическим артритом использование стратегий руминации и катастрофизации достоверно коррелирует с усилением негативных оценок эмоционального состояния (Garnefski et al., 2009). У женщин с диагнозом «неизлечимое бесплодие» позитивная переоценка ситуации связана с более высокими оценками положительных эмоций, а само-

обвинение и катастрофизация — с нарастанием отрицательных эмоций. Больные психическими заболеваниями, по сравнению с нормой, чаще используют стратегии самообвинения, руминации и катастрофизации (Garnefski et al., 2002).

Данные, полученные в названных циклах эмпирических исследований, свидетельствуют о том, что предложенная Н. Гарнефски и В. Край модель когнитивных стратегий регуляции эмоций обладает достаточно высокой прогностической валидностью и является хорошей основой для создания адаптированных вариантов опросника *CERQ*. В соответствии с этим, нашей целью была разработка *полноценной русскоязычной версии* этой психодиагностической методики, соответствующей основным психометрическим характеристикам оригинального варианта методики.

Общая характеристика оригинального варианта опросника *CERQ*

Оригинальный вариант опросника *CERQ* направлен на оценку частоты использования каждой из 9 выделенных когнитивных стратегий регуляции эмоций. Методика состоит из 36 утверждений (по 4 пункта на каждую шкалу). Обследуемого просят обратиться к своему опыту переживания трудных ситуаций и оценить, насколько часто им используются те или иные способы совладания с трудностями, давая ответ по каждому пункту опросника по 5-балльной шкале Лайкерта: от 1 балла («никогда») до 5 баллов («почти всегда»). Возможны два способа проведения опроса. В первом случае обследуемого просят оценить, какие мысли для него типичны при переживании различных затруднительных жизненных ситуаций. Во втором случае в инструкции уточняется, что он должен давать ответы по отношению к какому-то конкретному событию или определенным трудным обстоятельствам (например, в случае болезни или переживания того или иного стрессогенного события). Согласно авторским данным, опросник можно использовать для оценки когнитивных стратегий регуляции эмоций у взрослых и подростков старше 12 лет (Garnefski et al., 2002).

В структуру оригинального варианта опросника входит 9 шкал:

I. «Самообвинение» — мысли, в которых человек винит себя за случившееся (например: «Я чувствую, что именно я в ответе за это»).

II. «Принятие» — мысли о принятии того, что случилось («Я думаю, что должен принять то, что случилось»).

III. «Руминации» — постоянные размышления о мыслях и чувствах, связанных с пережитой трудной ситуацией («Я размышляю о своих чувствах по поводу того, что мне пришлось пережить»).

IV. «Позитивная перефокусировка» — отвлечение на мысли о других, более приятных событиях и ситуациях вместо размышлений о пережитых затруднениях («Я думаю о более приятных вещах, чем то, что я испытал»).

V. «Фокусирование на планировании» — размышления о том, какие следующие шаги лучше предпринять по отношению к случившемуся («Я думаю о том, как мне лучше всего справиться с этой ситуацией»).

VI. «Позитивная переоценка» — поиск положительного смысла в произошедшем событии в целях личностного роста или приобретения нового опыта («Я думаю, что я могу вынести что-то полезное из этой ситуации»).

VII. «Рассмотрение в перспективе» — снижение исключительной значимости события за счет его сравнения с другими ситуациями («Я думаю, все могло быть гораздо хуже»).

VIII. «Катастрофизация» — мысли о глобальных размерах произошедшего события и его отрицательных последствиях («Мне кажется, что то, что пережил я, намного хуже того, что довелось пережить другим»).

IX. «Обвинение других» — перекладывание вины за пережитое человеком событие на окружающих (например: «Я считаю, что виноваты другие»).

Надежность-согласованность пунктов опросника и его ретестовая надежность достаточно высоки: значения коэффициента α -Кронбаха для разных шкал находятся в диапазоне от 0.68 до 0.85, а корреляции оценок исходного и повторного замеров соответствуют высокому уровню значимости ($r=0.48-0.65$, $p<0.01$). Содержательная валидность опросника была определена на основании данных о достоверной согласованности показателей опросника с оценками по методикам диагностики личностных черт (опросник Big Five), уровня самооценки и самоэффективности, доминирующих копинг-стратегий, а также наличия соответствующей психопатологической симптоматики. Факторизация пунктов подтвердила априорно выделенную 9-факторную структуру опросника (Garnefski et al., 2002).

Приведенные данные показывают, что оригинальная версия опросника *CERQ* является надежным и хорошо структурированным психодиагностическим инструментом, позволяющим дифференцировать и оценивать степень выраженности различных стратегий, используемых людьми при переживании сильных эмоций в стрессогенных ситуациях как в норме, так и при наличии психических и соматических заболеваний.

Процедура разработки русскоязычной версии «Опросника когнитивной регуляции эмоций» (ОКРЭ)

Процесс разработки русскоязычной версии опросника ОКРЭ включал следующие этапы:

1. *Подготовка текста опросника* — перевод с английского и отбор релевантных вербальных формулировок по каждому пункту методики для составления идентичного текста опросника на русском языке. Изначально был подготовлен избыточный список утверждений (по 5 русскоязычных формулировок на каждый пункт), которые затем оценивались 5 экспертами с точки зрения адекватности и качества перевода по 5-балльной шкале. В окончательный вариант были включены те формулировки, которые получили максимально высокий балл по усредненным экспертным оценкам по каждому пункту. В целом в состав русскоязычной версии опросника ОКРЭ вошли 36 утверждений (по 4 пункта на каждую из 9 шкал), что полностью соответствует оригинальной структуре опросника *CERQ*.

2. *Сбор данных для оценки диагностической пригодности подготовленной версии опросника* — опрос респондентов, вошедших в выборку стандартизации, дополненный данными, полученными на группе клинических больных с аффективными расстройствами.

3. *Оценка психометрических характеристик опросника* — расчет показателей надежности-согласованности пунктов методики (с помощью расчета коэффициента α -Кронбаха) и ретестовой надежности опросника в целом. Расчет проводился на основе сравнения данных исходного и повторного тестирования, выполненного на подгруппе респондентов выборки стандартизации.

4. *Определение конструктивной валидности опросника* — проверка структурной идентичности русскоязычной версии и оригинального варианта методики по данным корреляционного и факторного анализа.

5. *Оценка содержательной валидности опросника* — выявление устойчивых взаимосвязей между показателями ОКРЭ и результатами тестирования по комплексу других, полностью стандартизованных и релевантных по содержанию психодиагностических тестов, которые широко используются для оценки: (а) качества переживаемых эмоциональных состояний и эмоциональных нарушений (алекситимии), (б) особенностей стратегий саморегуляции и самоэффективности и (в) доминирующих стратегий совладания со стрессом.

6. *Предварительная эмпирическая верификация опросника* — проведение пилотажного обследования в клинических условиях для выявления особенностей когнитивной регуляции эмоций у больных с аффективными расстройствами.

Характеристика выборок обследуемых

Диагностическая пригодность подготовленной русскоязычной версии опросника проверялась на репрезентативной выборке обследованных, состоящей из 364 человек (далее — выборка стандартизации). В ее состав вошли 106 мужчин и 258 женщин в возрасте 18—55 лет (средний возраст 25.1 ± 8.1 года), не страдающих психическими заболеваниями. Для проверки ретестовой надежности опросника часть респондентов прошла тестирование дважды (группа из 52 человек, по гендерному и половому составу не отличавшаяся от выборки стандартизации в целом).

В обследованиях, проведенных в клинических условиях, участвовало 120 больных с аффективными расстройствами (60 мужчин и 60 женщин в возрасте от 18 до 38 лет (средний возраст 26.0 ± 4.3 года), в том числе: больные депрессией (40 чел.), тревожными расстройствами (40), обсессивно-компульсивным синдромом (20), соматоформными расстройствами (20 чел.)¹. Клиническая оценка пациентов и постановка диагноза осуществлялась врачами-психиатрами в соответствии с критериями МКБ-10.

¹ Психологическое исследование больных проводилось в стационарных условиях на следующих клинических базах: Московский научно-исследовательский институт психиатрии Росздрава (директор — проф. В.Н. Краснов); Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина (директор — проф. Н.Г. Космынина); Научный центр психического здоровья РАМН (директор — академик РАМН, проф. А.С. Тиганов).

Комплекс дополнительных психодиагностических тестов

Для проверки *содержательной валидности* подготовленной версии опросника использовались следующие методики:

1. *Госпитальная шкала тревоги и депрессии* (Сыропятов и др., 2003) — для оценки степени выраженности депрессивной и тревожной симптоматики по двум субшкалам.

2. *Шкала дифференциальных эмоций К. Изард* (Леонова, Капица 2004) — для оценки текущего эмоционального состояния по 10 базовым эмоциям, в обобщенном виде характеризующегося по трем сводными показателями: индексам позитивных, острых негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

3. *Торонтская алекситимическая шкала* (Ересько и др., 1994) — для оценки комплекса характерных затруднений в эмоциональной регуляции поведения (алекситимии), включая особенности эмоциональных переживаний, вербализации эмоций, трудности идентификации чувств и телесных ощущений, признаки обеднения фантазии и ориентированный на внешние признаки стиль когнитивной оценки.

4. *Опросник совладания со стрессом COPE* (Гордеева и др., 2010) — для оценки копинг-стратегий по 15 шкалам: активное преодоление затруднений, планирование, подавление конкурирующих видов активности, сдерживание совладания, поиск социальной поддержки (инструментальной и эмоциональной), концентрация на эмоциях и их экспрессии, позитивное переформулирование ситуации, отрицание, принятие, обращение к религии, употребление алкоголя, наркотиков, юмор, уход (поведенческий и мысленный).

5. *Тест жизнестойкости* (Леонтьев, Рассказова, 2006) — для оценки жизнестойкости как системы убеждений, способствующих совладанию со стрессом. Включает 3 субшкалы: вовлеченность (установка на активную жизненную позицию), контроль (установка на борьбу и преодоление трудностей) и принятие риска (готовность рисковать и убежденность, что на любых ошибках можно учиться).

6. *Методика «Стиль саморегуляции поведения»* (Моросанова, 2004) — для выявления индивидуальных особенностей саморегуляции. Включает 4 субшкалы, оценивающие процессуальные характеристики саморегуляции деятельности (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов), а также две субшкалы, оценивающие обобщенные качества саморегуляции: гибкость и самостоятельность.

7. *Опросник общей самооффективности* (Шварцер и др., 1996) — для оценки степени уверенности в своих силах выполнить ту или иную деятельность.

Результаты

Психометрические характеристики методики ОКРЭ

В сводном виде данные описательной статистики по каждой из шкал разрабатываемого опросника (средние и среднеквадратичные отклонения), полученные по результатам обследования выборки стандартизации, представлены в табл. 1. Усредненные значения показателей по большинству шкал находятся в диапазоне от 11.0 до 14.9

Основные психометрические характеристики русскоязычной версии ОКРЭ

Шкалы ОКРЭ	Описательная статистика (N=364)	Надежность-согласованность (N=364)	Ретестовая надежность (N=52)	
	Среднее/ σ	α -Кронбаха	r	Z
I. Самообвинение	12.75/3.37	0.74	0.57***	-1.96
II. Принятие	11.41/3.47	0.73	0.61***	-0.74
III. Руминации	13.10/3.94	0.80	0.74***	-0.82
IV. Позитивная перефокусировка	11.04/3.72	0.83	0.38**	-0.75
V. Фокусирование на планировании	14.00/3.03	0.65	0.62***	-1.76
VI. Позитивная переоценка	14.92/3.49	0.81	0.49***	-0.59
VII. Рассмотрение в перспективе	13.53/3.64	0.76	0.45***	-0.72
VIII. Катастрофизация	8.03/3.30	0.72	0.67***	-1.37
IX. Обвинение других	7.78/2.65	0.77	0.46***	-0.30

Примечание. Условные обозначения: σ — стандартное отклонение; r — значения коэффициента корреляции Спирмена, Z — стандартизованная оценка величины T по критерию Вилкоксона для связанных выборок. Уровень значимости: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$.

балла (при максимуме 20 баллов). Исключение составляют только значения показателей по шкалам «Катастрофизация» и «Обвинение других», оценки по которым существенно ниже абсолютного среднего и составляют соответственно 8.0 и 7.8 балла. Наиболее высокие оценки получены по шкалам «Фокусирование на планировании» (14.0) и «Позитивная переоценка» (14.9). Сравнительно небольшой разброс оценок ($2.6 < \sigma < 3.9$) свидетельствует о том, что для обследованного контингента практически здоровых лиц типично более частое использование эффективных когнитивных стратегий регуляции эмоций, способствующих полноценной адаптации.

Следует отметить, что распределение оценок по всем шкалам отличается от нормального по критерию Колмогорова—Смирнова². В связи с этим при дальнейшей обработке данных использовались методы непараметрической статистики (Т-критерий Вилкоксона для связанных выборок и коэффициент корреляции Спирмена).

² Возможно, это связано со смещенным составом выборки стандартизации в сторону большего числа респондентов молодого возраста, у которых есть свои приоритеты и ограничения в использовании разных когнитивных стратегий регуляции эмоций. Нельзя также исключить и влияния фактора социальной желательности на ответы обследуемых, что должно быть учтено при последующей доработке опросника.

Согласно полученным данным, *демографические характеристики* (пол и возраст респондентов) не оказывают систематического влияния на оценки по большинству шкал ОКРЭ. По фактору пола выявлены только значимые различия по шкалам «Руминации» ($p < 0.01$) и «Принятие», оценки по которым у женщин выше, чем у мужчин ($p < 0.05$). По фактору возраста обнаружены значимые различия по шкалам «Позитивная перефокусировка», «Фокусирование на планировании» и «Рассмотрение в перспективе». Респонденты более старшего возраста используют эти стратегии реже, чем молодые ($p < 0.05$), что полностью согласуется с оригинальными данными (Garnefski et al., 2002).

Надежность-согласованность попунктного состава теста достаточно высока как по опроснику в целом (коэффициент α -Кронбаха = 0.86), так и по отдельным шкалам: значения α -Кронбаха находятся в пределах 0.65—0.83 (см. табл. 1). Отметим, что фактически по всем шкалам эта величина превышает критический уровень для оценки внутренней надежности теста (0.70). Исключение составляет только шкала «Фокусирование на планировании» (α -Кронбаха = 0.65), однако и эта величина может считаться приемлемой для шкал, включающих всего 4 пункта (ibid). В целом приведенные данные свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности подготовленной русскоязычной версии методики.

Ретестовая надежность ОКРЭ проверялась на основе сопоставления результатам тестирования в исходном и повторном замерах. Для этого по каждой шкале методики отдельно оценивались (1) достоверность взаимосвязей между значениями показателей с помощью коэффициента корреляции Спирмена и (2) наличие значимых различий между ними по Т-критерию Вилкоксона (см. табл. 1). Оценки показателей по всем шкалам значимо коррелируют в разных замерах (не менее $p < 0.01$) и между ними нет достоверных различий. Это говорит о высокой стабильности результатов, получаемых по методике ОКРЭ при повторном использовании, и их относительной независимости от влияния ситуационных факторов.

Конструктивная валидность методики ОКРЭ

Обоснованность выделения шкал и степень их соответствия оригиналу проверялись с помощью корреляционного и факторного анализа результатов тестирования всей выборки стандартизации в исходном замере.

А. Результаты корреляционного анализа (табл. 2) указывают на наличие большого числа достоверных связей между оценками показателей по всем шкалам методики. Отметим, что по абсолютной величине значения коэффициентов корреляции Спирмена располагаются в достаточно большом диапазоне (от 0.01 до 0.51), но ни в одном случае не превышают критической оценки $r = 0.70$, что свидетельствовало бы

Корреляции между шкалами методики ОКРЭ

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
I	1								
II	0.41***	1							
III	0.08	0.01	1						
IV	0.46***	-0.17***	-0.02	1					
V	0.51***	0.33***	0.05	0.18***	1				
VI	0.41***	0.26***	0.33***	0.03	0.17***	1			
VII	0.03	0.18***	0.20***	0.20***	0.40***	0.20***	1		
VIII	0.45***	0.06	0.04	0.33***	0.34***	0.15**	-0.01	1	
IX	0.37***	0.35***	-0.08	0.14**	0.27***	0.22***	0.16***	-0.09	1

Примечание. Условные обозначения: I — «Самообвинение»; II — «Принятие», III — «Руминации»; IV — «Позитивная перефокусировка»; V — «Фокусирование на планировании»; VI — «Позитивная переоценка»; VII — «Рассмотрение в перспективе»; VIII — «Катастрофизация»; IX — «Обвинение других». Уровень значимости: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.005$.

о полной идентичности измеряемых конструктов. Это подтверждает исходное предположение о том, что с помощью выделенных шкал действительно измеряются разные когнитивные стратегии регуляции эмоций (Garnefski et al., 2002).

При анализе полученной корреляционной матрицы в целом можно выделить три основные группы шкал опросника, оценки по которым наиболее сильно связаны между собой:

(1) шкалы «Самообвинение», «Принятие» и «Руминации», характеризующие устойчивую включенность в постоянное переживание трудной ситуации;

(2) шкалы «Позитивная фокусировка», «Фокусирование на планировании», «Позитивная переоценка» и «Рассмотрение в перспективе», оценивающие внутреннюю направленность на переосмысление ситуации и планирование своих дальнейших действий;

(3) шкалы «Катастрофизация» и «Обвинение других», которые имеют низкие корреляции с большинством других шкал и отражают стойкую аффективную фиксацию на негативном событии без конструктивного выхода.

Эти данные хорошо согласуются с результатами, полученными авторами оригинального варианта методики, и, кроме того, подтверждают исходное предположение о существовании когнитивных стратегий «эффективного» и «деструктивного» типа.

Б. Факторный анализ данных применялся для подтверждения правомерности выделения 9 шкал в качестве относительно независимых структурных компонентов русскоязычной версии методики ОКРЭ. На первом этапе с целью первичного выявления факторной структуры пунктов проводился эксплораторный факторный анализ. На втором этапе при помощи конфирматорного факторного анализа проверялась применимость авторской модели Н. Гарнефски и соавторов к анализу полученных нами данных³.

По результатам эксплораторного факторного анализа выделяется устойчивая 9-факторная структура, близкая по содержанию к использованной модели, лежащей в основе конструирования опросника, и объясняющая 65.3% дисперсии данных.

При создании модели конфирматорного факторного анализа каждый пункт опросника был изначально отнесен к соответствующему фактору (см. пример на рисунке). Дисперсия ответов на данный пункт, не вошедшая в соответствующий «фактор», приписывалась влиянию побочных переменных — «ошибке». Мы допускали корреляцию между факторами и корреляцию между ошибками, поскольку это соответствовало авторской модели.

На основании этой процедуры рассчитывались основные показатели применимости использованной концептуальной модели к эмпирическим данным:

— Критерий согласия модели (comparative fit index, CFI) составил 0.90, что является достаточным показателем согласованности модели.

— Квадратичная усредненная ошибка аппроксимации (root mean-square error of approximation, RMSEA) составила 0.05, что также свидетельствует о точности модели в отношении данных.

— Отношение χ^2 к числу степеней свободы составляло менее 1.5⁴.

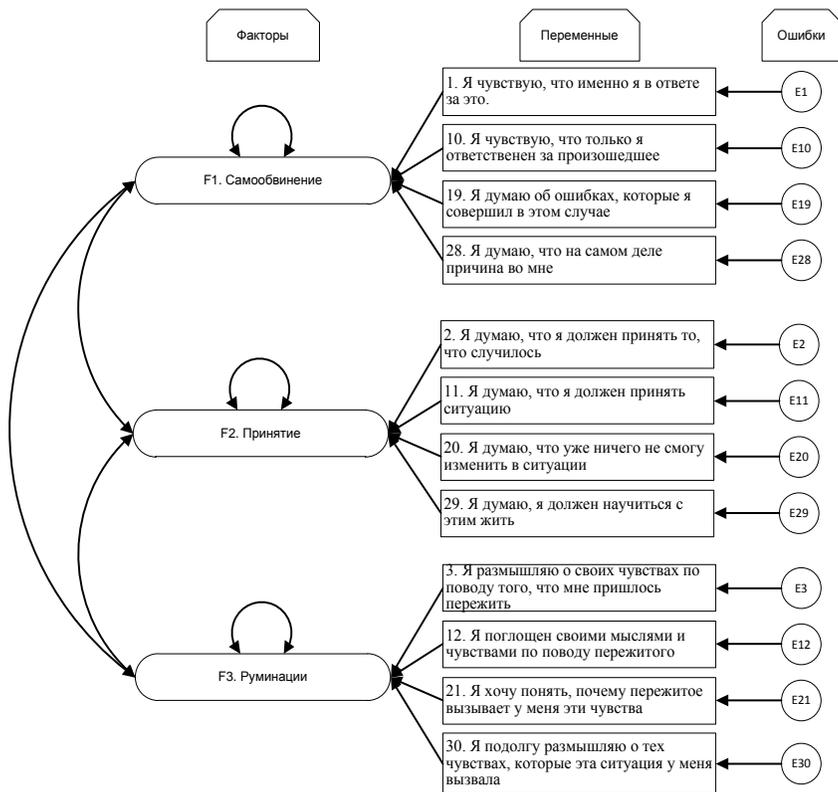
Таким образом, концептуальная модель согласуется с полученными нами данными, а англоязычные факторы могут быть использованы как шкалы русскоязычной версии ОКРЭ.

Содержательная валидность методики ОКРЭ

Оценка содержательной валидности разрабатываемого опросника проводилась на основе данных корреляционного анализа показателей, полученных по основным шкалам методики ОКРЭ и

³ В отличие от эксплораторного, конфирматорный факторный анализ позволяет проверить применимость конкретной модели к полученным данным, что в большей степени соответствует проверке так называемой факторной валидности готового опросника (Митина, 2008). При этом влияния побочных переменных на факторную структуру учитываются в модели как «ошибки».

⁴ Модель считается соответствующей полученным данным при следующих показателях: CFI составляет 0.90—0.95 или выше, RMSEA менее 0.05, частное χ^2 и числа степеней свободы менее 2 (подробнее см.: Митина, 2008).



Фрагмент исходной модели для конфирматорного факторного анализа (на примере трех шкал опросника)

комплексу релевантных психодиагностических тестов (см. выше). Это позволило определить, насколько полно результаты тестирования по разработанной нами методике согласуются с независимыми оценками успешности процессов регуляции эмоций со стороны двух важных аспектов: (1) степени выраженности переживаний различных эмоциональных состояний — по методикам «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (ГШТД); «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изард (ШДЭ) и Торонтская алекситимическая шкала (ТАШ); (2) индивидуальных особенностей саморегуляции и самооффективности, а также стратегий совладания со стрессом — по методикам «Стиль саморегуляции поведения» (С-СМР), «Опросник общей самооффективности» (Ш-СМЭф), «Тест жизнестойкости» (ТЖС), «Опросник совладания со стрессом» (COPE).

Параллельное тестирование по методике ОКРЭ и указанным психодиагностическим тестам было проведено на несколько сокращенном

числе респондентов выборки стандартизации (соответственно 167 чел. в первом и 185 чел. во втором случае).

В результате было обнаружено большое число значимых корреляций между показателями основных шкал методики ОКРЭ и релевантных психодиагностических тестов. Для дальнейшего анализа были отобраны только наиболее существенные из них ($|r| > 0.2$, $p < 0.01$), которые для удобства интерпретации представлены в компактной форме — по типам шкал, характеризующим (а) относительно «эффективные» и (б) «деструктивные» стратегии когнитивной регуляции эмоций (табл. 3). Представленные данные убедительно доказывают наличие закономерных связей между типом шкал методики ОКРЭ и релевантными показателями других тестов.

Таблица 3

Значимые корреляции оценок по шкалам методики ОКРЭ с показателями комплекса релевантных психодиагностических методик

Показатели эмоциональных состояний (N=167)	Шкалы ОКРЭ	Показатели саморегуляции и стратегий совладания (N=185)
«Эффективные стратегии» регуляции эмоций		
ГШТД: тревожность (-0.28), депрессивность (-0.24)	Принятие	С-СМР: гибкость (-0.21) ТЖС: контроль (-0.25) СОРЕ: концентрация на эмоциях (0.30), инструментальная соц. поддержка (0.25), уход (0.29)
ШДЭ: позитивные эмоции (0.23)	Позитивная перефокусировка	С-СМР: гибкость (0.23) ТЖС: контроль (-0.25) СОРЕ: мысленный уход (0.35), отрицание (0.30), обращение к религии (0.27), юмор (0.26)
ГШТД: тревожность (-0.22)	Фокусирование на планировании	С-СМР: моделирование (0.23), программирование (0.21), оценка результата (0.22), гибкость (0.23) Ш-СМЭф (0.35) ТЖС: вовлеченность (0.22), контроль (0.33) СОРЕ: позитивное переформулирование (0.26), активное совладание (0.49), поведенческий уход (-0.21)
ГШДЭ: тревожность (-0.30), депрессивность (-0.20) ШДЭ: позитивные эмоции (0.23)	Позитивная переоценка	С-СМР: моделирование (0.32), гибкость (0.28) Ш-СМЭф (0.35) ТЖС: вовлеченность (0.27), контроль (0.28), принятие риска (0.30) СОРЕ: позитивное переформулирование (0.65), активное совладание (0.34), юмор (0.42)
нет связей	Рассмотрение в перспективе	СОРЕ: позитивное переформулирование (0.21)

Показатели эмоциональных состояний (N=167)	Шкалы ОКРЭ	Показатели саморегуляции и стратегий совладания (N=185)
«Деструктивные стратегии» регуляции эмоций		
ШДЭ: тревожно-депрессивные эмоции (0.26)	Самообвинение	COPE: позитивное переформулирование (-0.22)
ГШТД: депрессивность (0.42) ШДЭ: тревожно-депрессивные эмоции (0.33)	Руминации	С-СМР: моделирование (-0.21) COPE: концентрация на эмоциях (0.55), инструментальная соц. поддержка (0.42)
ГШТД: тревожность (0.23), депрессивность (0.38) ШДЭ: острые негативные эмоции (0.27), тревожно-депрессивные эмоции (0.32)	Катастрофизация	С-СМР: моделирование (-0.21) ТЖС: принятие риска (-0.24) COPE: позитивное переформулирование (-0.20), концентрация на эмоциях (0.34)
ГШТД: тревожность (0.20), депрессивность (0.31)	Обвинение других	С-СМР: моделирование (-0.25) ТЖС: вовлеченность (-0.20), принятие риска (-0.21) COPE: концентрация на эмоциях (0.26), инструментальная соц. поддержка (0.23), отрицание (0.35)

Примечание. В скобках указаны значения коэффициента корреляции Спирмена по модулю > 0.2 ($p < 0.01$).

Так, в отношении интенсивности переживаний различных эмоциональных состояний шкалы ОКРЭ, характеризующие *эффективные стратегии когнитивной регуляции эмоций*, отрицательно коррелируют с интенсивностью проявлений негативных переживаний тревожности и депрессивности (шкалы «Принятие», «Фокусирование на планировании» и «Позитивная переоценка») и положительно — с комплексом позитивных эмоций по тесту ШДЭ (шкалы «Позитивная перефокусировка» и «Позитивная переоценка»). В то же время все показатели *деструктивных стратегий регуляции эмоций* обнаруживают значимые положительные корреляции с негативными эмоциональными переживаниями: нарастанием уровня тревожности и депрессивности по тесту ГШТД (шкалы «Руминации», «Катастрофизация» и «Обвинение других») и комплексам тревожно-депрессивных и острых негативных эмоций по тесту ШДЭ (шкалы «Самообвинение» и «Катастрофизация»). Кроме того, алекситимия (шкала ТАШ) отрицательно коррелирует с «Фокусированием на планировании» и «Позитивной переоценкой» ($p < 0.05$) и положительно (на уровне тенденции, $p < 0.1$) с оценками по шкале «Катастрофизация».

Сходная картина наблюдается и по результатам анализа взаимосвязей между оценками по шкалам методики ОКРЭ и показателями адекватности индивидуальных особенностей саморегуляции и стратегий совладания со стрессом. Полученные паттерны корреляционных связей более разнообразны, чем в случае переживаний эмоциональных состояний, что объясняется сложным составом тестов, применяемых для диагностики разных компонентов саморегуляции, оценок жизнестойкости, самоэффективности и копинг-стратегий. Но, несмотря на это, принципиальный характер выявленных закономерностей остается тем же самым. Показатели по шкалам, соответствующим *эффективным стратегиям регуляции эмоций*, положительно коррелируют с такими оценками продуктивных стилей саморегуляции (тест С-СМР), как гибкость, моделирование, программирование, а также с уровнем вовлеченности и контроля по тесту ТЖС, повышением самооценки (тест СМЭф), прежде всего по шкалам «Фокусировка на планировании» и «Позитивная переоценка». Со стороны приемов совладания со стрессом (тест *COPE*) чаще всего встречаются положительные корреляции с такими копинг-стратегиями, как позитивное переформулирование, активное совладание, юмор (по шкалам «Фокусировка на планировании», «Позитивная переоценка», «Рассмотрение в перспективе»).

Напротив, при рассмотрении *деструктивных стратегий регуляции эмоций* часть из названных корреляций имеет отрицательную направленность. Это особенно выражено для центрального компонента стиля саморегуляции — моделирования (по шкалам «Руминации», «Катастрофизация» и «Обвинение других») и наиболее конструктивной копинг-стратегии — позитивного переформулирования (шкалы «Самобвинение» и «Катастрофизация»). Эта картина дополняется и наличием других корреляций с высоким уровнем значимости. Так, например, наиболее выраженными становятся отрицательные взаимосвязи с оценками принятия риска по тесту ТЖС (шкалы «Катастрофизация» и «Обвинение других») и положительными с менее конструктивными способами совладания со стрессом — концентрацией на эмоциях и обращением к инструментальной социальной поддержке (по шкалам «Руминации» и «Обвинение других»).

В целом приведенные результаты корреляционного анализа позволяют сделать вывод о высокой содержательной валидности русскоязычной версии методики ОКРЭ. Об этом свидетельствует наличие систематических и однозначно интерпретируемых связей разных шкал опросника как с переживаниями соответствующих эмоциональных состояний, так и со стратегиями саморегуляции и совладания со стрессом. Важно отметить и то, что специфика целостных паттернов корреляционных связей, характерная для каждой из шкал опросника, отражает психологические особенности каждой из выделяемых стратегий когнитивной регуляции эмоций. Это не только не противоречит выводу о

содержательной валидности разработанной методики, но и обеспечивает более широкие возможности для качественной интерпретации получаемых с ее помощью данных.

Эмпирическая верификация диагностической пригодности методики ОКРЭ

На завершающем этапе разработки было проведено эмпирическое исследование, направленное на определение дифференцирующей чувствительности методики ОКРЭ по методу контрастных групп. С этой целью была дополнительно обследована группа клинических больных с аффективными расстройствами (N=120). Собранные данные сравнивались по непараметрическому критерию Манна—Уитни с результатами тестирования группы «нормы», т.е. относительно здоровых лиц (N=167), отобранных из членов выборки стандартизации по принципу соответствия возрастной и гендерной принадлежности составу клинической группы. В табл. 4 приведены данные о достоверности различий между сравниваемыми группами.

Таблица 4

Сравнение оценок по шкалам методики ОКРЭ, полученных по данным группы «норма» и клинической группы

Шкалы опросника	Группа «норма» (N=167)	Клиническая группа (N=120)	Z
	<i>Среднее/σ</i>	<i>Среднее/σ</i>	
I. Самообвинение	12.75/3.37	13.12/3.34	-0.68
II. Принятие	11.41/3.47	10.75/2.98	1.55
III. Руминации	13.10/3.94	14.67/3.88	-3.45***
IV. Позитивная перефокусировка	11.04/3.72	9.66/3.01	3.00**
V. Фокусирование на планировании	14.00/3.03	11.14/2.65	7.41***
VI. Позитивная переоценка	14.92/3.49	11.74/3.15	7.18***
VII. Рассмотрение в перспективе	13.53/3.64	11.34/3.50	4.73***
VIII. Катастрофизация	8.03/3.30	12.19/3.95	-8.26***
IX. Обвинение других	7.78/2.65	8.56/3.16	-1.93 [†]

Примечание. Условные обозначения: σ - стандартное отклонение; Z – стандартизованная оценка U критерия Манна—Уитни для сравнения независимых выборок. Уровень значимости: [†] – p<0.1; ** – p<0.01; *** – p<0.001.

Согласно полученным результатам, по большинству шкал опросника обнаружены достоверные различия между группой «норма» и клинической группой с высоким уровнем значимости (не менее p<0.01). Не выявлено различий только по шкалам «Самообвинение»

и «Принятие», а по шкале «Обвинение других» имеет место лишь тенденция к более высоким оценкам в клинической группе ($p < 0.1$). В содержательном плане эти различия указывают на то, что у больных с аффективными расстройствами существенно снижены оценки по шкалам, соответствующим эффективным стратегиям регуляции эмоций («Позитивная перефокусировка», «Фокусирование на планировании», «Позитивная переоценка» и «Рассмотрение в перспективе»), а показатели деструктивных стратегий («Руминации» и «Катастрофизация») значимо выше по сравнению со здоровыми лицами. Эти результаты убедительно свидетельствуют о наличии ярко выраженного когнитивно-аффективного дисбаланса со сдвигом в сторону дефицита эффективных стратегий преодоления эмоциогенных ситуаций у обследованных больных, что надежно обосновывает вывод о хорошей дифференцирующей чувствительности методики ОКРЭ.

Отметим, что согласно англоязычным данным, полученным при верификации оригинального варианта опросника, больные психическими заболеваниями, по сравнению с нормой, чаще используют стратегии самообвинения, руминации и катастрофизации. В нашем исследовании оценки по шкале «Самообвинение» значимо не различались в группах «нормы» и патологии. Вместе с тем нами было выявлено достоверное снижение оценок по большинству показателей эффективных стратегий регуляции эмоций в клинической группе, не отмечаемых в работах авторов данной методики. Возможно, отмеченные расхождения могут быть связаны с составом обследованных клинических групп. В исследованиях Н. Гарнефски с соав. участвовали пациенты психиатрической клиники с различной нозологией (Garnefski et al., 2002), тогда как в нашем исследовании — только больные с аффективными расстройствами. Возможно, прицельно отобранный состав клинической группы позволил выявить более широкий спектр нарушений в когнитивно-аффективных процессах регуляции эмоций, что является дополнительным доказательством высокой дифференцирующей чувствительности разработанного нами варианта методики ОКРЭ.

Выводы

На основании проведенного цикла исследований была подготовлена и верифицирована русскоязычная версия методики «Опросник когнитивной регуляции эмоций» (ОКРЭ), которую можно считать надежным и валидным психодиагностическим инструментом. По данным репрезентативной выборки респондентов были доказаны надежность-согласованность и ретестовая надежность методики. Конфирматорный факторный анализ обосновал правомерность выделенной факторной структуры и попунктный состав основных шкал опросника, которые полностью соответствуют оригинальному

англоязычному варианту (Garnefski et al., 2002). Проверка содержательной валидности подтвердила уже известные данные о корреляции основных шкал методики ОКРЭ с интенсивностью переживаний тревожности и депрессивности, а также позволила получить ряд новых результатов о взаимосвязи разных стратегий когнитивной регуляции с проявлениями различных эмоциональных состояний, особенностями саморегуляции деятельности и совладающего поведения. Выделенные типы эффективных и деструктивных стратегий когнитивной регуляции эмоций достаточно четко дифференцируют зоны дефицита в работе когнитивно-аффективных механизмов, обеспечивающих успешное преодоление человеком затруднительных жизненных ситуаций. В перспективе после проведения дополнительных исследований по стандартизации и масштабной эмпирической верификации, методику ОКРЭ можно рекомендовать для использования в практике психодиагностики и психологического консультирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. Т. 1. М., 2006.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях: Историко-психологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1984.

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Рассказова Е.А. и др. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе / Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 23—25 сентября 2010 г.). Кострома, 2010. Т. 2. С. 195—197.

Ересько Д.Б., Исурина Г.С., Кайдановская Е.В. и др. Алекситимия и методы ее определения при пограничных психосоматических расстройствах: Методическое пособие. СПб., 1994.

Кокс Т. Стресс. М., 1985.

Леонова А.Б. Регуляторно-динамическая модель оценки индивидуальной стресс-резистентности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М., 2009. С. 259—279.

Леонова А.Б., Капица М.С. Методы субъективной оценки функционального состояния человека // Практикум по инженерной психологии и эргономике / Под ред. Ю.К. Стрелкова. М., 2004. С. 136—166.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М., 2006.

Майер Г. Эмоциональное мышление // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981. С. 123—129.

Митина О.В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. 2008. № 1. С. 131—148.

Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения (ССПМ): Руководство. М., 2004.

Сыропятов О.Г., Дзеружинская Н.А., Астапов Ю.Н., Иванцова Г.В. Ранняя диагностика и лечение депрессии в общей медицинской практике (Гелариум-тест). Киев, 2003.

Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // *Иностр. психология*. 1996. № 7. С. 71—76.

Eisenberg N., Fabes R.A., Murphy B. et al. The role of emotionality and regulation in children's social functioning: A longitudinal study // *Child Development*. 1995. Vol. 66. P. 1239—1261.

Folkman S., Schaefer C., Lazarus R. Cognitive processes as mediators of stress and coping // *Human stress and cognition* / Ed. by V. Hamilton. Ch. 9. L., 1979. P. 265—298.

Garnefski N., Koopman H., Kraaij V., ten Cate R. Brief report: Cognitive emotion regulation strategies and psychological adjustment in adolescents with a chronic disease // *J. of Adolescence*. 2009. Vol. 32. P. 449—454.

Garnefski N., Kraaij V., van Eetten M. Specificity of relations between adolescents' cognitive regulation strategies and internalizing and externalizing psychopathology // *J. of Adolescents*. 2005. Vol. 28. P. 619—631.

Garnefski N., Kraaij V., Spinhoven P. Manual for the use of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire. Leiderdorf, the Netherlands, 2002.

Kraaij V., Arensman E., Garnefski N., Kremers I. The role of cognitive coping in female victims of stalking // *J. of Interpersonal Violence*. 2007. Vol. 22. N 12. P. 1603—1610.

Lasarus R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // *J. of Personality*. 2006. Vol. 74. N 1. P. 9—43.

Miceli M., Castelfranchi C. Further distinction between coping and defensive mechanisms // *J. of Personality*. 2001. Vol. 69. N 2. P. 287—296.

Scherer K.R. On the nature and function of emotion: a component process approach // *Scherer K.R., Ekman P. Approaches to emotion*. Hillsdale, NJ, 1994. P. 293—318.

Поступила в редакцию
27.06.11

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 14. ПСИХОЛОГИЯ» В 2011 г.**

	№	С.
<i>Психология безопасности</i>		
<i>Беляев В.П., Валиев Н.Г., Халилу Х.</i> Психология обеспечения корпоративной деятельности	4	53—57
<i>Бусыгина И.С.</i> Корпоративность как основание безопасности организации.	4	43—52
<i>Донцов А.И., Зинченко Ю.П.</i> Корпоративная безопасность в условиях глобализации	4	12—16
<i>Донцов А.И., Перельгина Е.Б.</i> Проблемы безопасности коммуникативных стратегий	4	24—31
<i>Дроздова А.В.</i> Воздействие рекламы на безопасность личности в современном информационном обществе: социально-психологический аспект	4	58—65
<i>Зинченко Ю.П.</i> Психология безопасности как социально-системное явление	4	4—11
<i>Зотова О.Ю.</i> Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп	4	84—91
<i>Кандыбович С.Л., Секач М.Ф.</i> Здоровье населения — залог стабильности и безопасности государства	4	32—38
<i>Кремень М.А., Герасимчик А.П.</i> Проблема экстремальности и безопасность личности	4	39—42
<i>Лаптев Л.Г., Бельков О.А.</i> Образование и национальная безопасность	4	17—23
<i>Матвеева Л.В., Лаврова Е.В.</i> Исследование трансформаций представления об опасности под влиянием СМИ	4	66—75
<i>Шойгу Ю.С., Пыжьянова Л.Г.</i> Прогнозирование и управление социально-психологическими рисками во время чрезвычайной ситуации	4	76—83
<i>Труды кафедры общей психологии</i>		
<i>Битюцкая Е.В.</i> Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями	1	100—111
<i>Бороздина Л.В.</i> Сущность самооценки и ее соотношение с Я-концепцией	1	54—65
<i>Братусь Б.С., Инина Н.В.</i> Вера как общепсихологический феномен сознания человека	1	25—38
<i>Ждан А.Н.</i> История психологии на кафедре общей психологии: исследование и преподавание	1	3—11
<i>Корнилова Т.В.</i> Интеллектуально-личностный потенциал человека в психологической регуляции выборов и продуктивных решений	1	66—78

<i>Леонтьев Д.Ф., Фам А.Х.</i> Как мы выбираем: структуры переживания собственного выбора и их связь с характеристиками личности	1	39—53
<i>Митина О.В., Бабаева Ю.Д., Сабадош П.А.</i> Психометрический анализ опросника «Многофакторное исследование толерантности» с использованием многочертной-многометодной модели	1	124—140
<i>Нуркова В.В.</i> Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования	1	79—90
<i>Россохин А.В.</i> От полилога к интерполилогу	1	91—99
<i>Соколова Е.Е.</i> Фундаментальные принципы университетского образования и психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева . . .	1	12—24
<i>Федорович Е.Ю.</i> Изучение поведения животных в ситуациях новизны	1	112—123

Труды кафедры возрастной психологии

<i>Берсенева Н.В., Чурбанова С.М.</i> Сравнительно-возрастное исследование решения задач «на соображение»	2	86—96
<i>Бурменская Г.В.</i> Мировосприятие детей с разными типами привязанности к матери	2	21—35
<i>Буровихина И.А.</i> Субъективная картина жизненного пути современных подростков	4	148—160
<i>Захарова Е.И.</i> Особенности мотивационной сферы матерей с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста	2	97—109
<i>Карабанова О.А., Поскребышева Н.Н.</i> Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками . . .	2	36—47
<i>Карабанова О.А., Садовникова Т.Ю.</i> Модели восприятия моральной атмосферы школы современными российскими подростками как компонент социальной ситуации развития	2	73—85
<i>Минеева О.А., Лидерс А.Г.</i> Методика исследования имплицитных теорий семьи	2	110—125
<i>Молчанов С.В.</i> Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию	2	59—72
<i>Подольский А.И., Карабанова О.А., Идобаева О.А., Хейманс П.</i> Психоэмоциональное благополучие современных подростков и ресурсы его повышения: опыт международного исследования	2	9—20
<i>Пряжников Н.С.</i> «Звездный час» и перспективы развития «маленького человека»	2	126—134
<i>Чеснокова О.Б., Мартиросова Ю.В., Субботский Е.В.</i> Особенности взаимодействия школьников с разным уровнем социального интеллекта в ситуации индуцированного конфликта интересов	2	48—58

Труды кафедры психологии образования и педагогики

<i>Габай Т.В.</i> Развитие предметно-содержательных представлений о деятельности и деятельностный подход в психологии	3	19—32
<i>Гордеева Т.О., Шенелева Е.А.</i> Внутренняя и внешняя учебная мотивация академически успешных школьников	3	33—45
<i>Ильясов И.И., Седлов А.Ю.</i> Внутренняя мотивация при решении творческих задач: возникновение и повышение уровня в ходе обучения эвристическим приемам	3	46—55

<i>Корнилов С.А.</i> Самооценка интеллекта и успешность обучения: мини мета-анализ	3	56—66
<i>Малахова С.И.</i> Связь показателей интеллекта с копинг-стилями у студентов гуманитарной и негуманитарной специализации	3	67—75
<i>Новикова М.А.</i> Гендерные особенности связи самооценки интеллекта, успеваемости и личностных свойств студентов	3	76—86
<i>Погожина И.Н.</i> Децентрация у дошкольников: эмпирический анализ феномена, или что на самом деле диагностируют методики Хьюза и Пиаже	3	132—143
<i>Рождественская Н.А.</i> Особенности межличностного познания и пути его формирования у педагогов	3	87—99
<i>Салмина Н.Г., Алексо В.А.</i> Формирование обобщенного способа сборки составных картинок	3	117—131
<i>Сиднева А.Н.</i> Особенности ориентировки школьников на заданное знание при решении задач в разных системах обучения	3	110—116
<i>Смирнов С.Д.</i> Педагогическая деятельность и педагогическое общение	3	5—18
<i>Сорин А.В.</i> Связь стратегий межличностного познания с личностными и интеллектуальными особенностями подростков	3	100—109
<i>Труды кафедры экстремальной психологии и психологической помощи</i>		
<i>Магомед-Эминов М.Ш.</i> Психика как работа	4	92—108
<i>Квасова О.Г.</i> Трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации (обзор исследований)	4	109—117
<i>Савина О.О.</i> Психологический анализ трансформации идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте	4	118—128
<i>Магомед-Эминова О.И., Хорошкова Ю.М.</i> Специфика нарративной работы личности клиента в ситуации психологической помощи	4	129—133
<i>Психология спорта</i>		
<i>Веракса А.Н., Леонов С.В., Горовая А.Е.</i> Психологические особенности художественных гимнасток	4	134—147
<i>Экспериментальные исследования</i>		
<i>Гарусев А.В., Ван Дань, Измайлов Ч.А.</i> Исследование цветоразличения у представителей российской и китайской популяций	2	154—165
<i>Монахова И.Е., Вартанов А.В.</i> Мозговые механизмы субъективной организации слуховых ритмических паттернов	3	156—168
<i>Методика</i>		
<i>Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В.</i> Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций ...	4	161—179
<i>На факультете психологии</i>		
<i>Зинченко Ю.П., Березанская Н.Б., Володарская И.А., Тихомандрицкая О.А., Шмелев А.Г.</i> Опыт внедрения компьютеризированных тестовых испытаний в систему итоговой государственной аттестации студентов-психологов	2	135—153
<i>Кринчик Е.П.</i> Место и роль общего практикума в профессиональной подготовке психолога: рефлексия студентов факультета психологии МГУ в свете модели контекстного обучения А.А. Вербицкого	3	144—155

Психология за рубежом

<i>Цветкова Л.А.</i> Социально-психологические теории формирования аддикций	2	166—178
---	---	---------

Научная хроника

<i>Рикель А.М., Соловьева О.В.</i> Московская Зимняя психологическая школа (ЗПШ) студентов, аспирантов и молодых ученых «Психология социальных проблем: вызовы XXI века»	2	179—183
--	---	---------

Юбилеи

К 70-летию Жанны Марковны Глозман	1	141—142
К 70-летию Лидии Васильевны Бороздиной	1	143—144
К 80-летию Нины Гавриловны Салминой	3	169—170
К 70-летию Татьяны Васильевны Ахутиной	3	171—172
К 70-летию Сергея Дмитриевича Смирнова	3	173—175

<i>Указатель статей</i> , опубликованных в «Вестнике Московского университета. Серия 14. Психология» в 2011 г.	4	180—183
--	---	---------

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» содержит публикации (в форме коротких сообщений, статей, обзоров и др.) по основным направлениям научно-исследовательской и учебно-методической работы факультета психологии МГУ. Журнал открыт для публикации результатов научных исследований ученых МГУ, других научных учреждений и высших учебных заведений. Отбор поступивших в редколлегию работ для публикации в журнале осуществляется на основе их независимого анонимного научного рецензирования. Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

2. Материалы (текст и таблицы) принимаются в электронном виде в формате WORD или RTF, шрифт Times New Roman, 14/12, одинарный интервал, рисунки желательны в формате PDF. Общий объем рукописи, включая текст, список литературы, таблицы и рисунки, не должен превышать 30 тыс. знаков (с пробелами). Превышение объема может служить основанием для отказа в публикации.

Материалы для раздела «Научная хроника» объемом не более 10 тыс. знаков принимаются в течение трех месяцев после окончания соответствующего мероприятия.

Для соискателей ученой степени кандидата психологических наук объем рукописи должен быть не менее 10 тыс. знаков, доктора психологических наук — не менее 20 тыс. знаков.

3. Используемая литература (автор, название, место и год издания) приводится в алфавитном порядке в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после литературы на русском языке. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в круглых скобках) автора книги или статьи, года издания и, в случае прямого цитирования, страниц/ы.

Примеры оформления источников в списке литературы:

Для книги

Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

Хомская Е.Д., Привалова Н.Н., Ениколопова Е.В. и др. Методы оценки межполушарной асимметрии и межполушарного взаимодействия. М., 1995.

Эксперимент и квазиэксперимент в психологии: Учеб. пособие / Под ред. Т.В. Корниловой. СПб., 2004.

Для статьи

Гордеева О.В. Развитие языка эмоций у детей // *Вопр. психол.* 1995. № 2. С. 137—149.

Дерачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // *Современная психология мотивации* / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002. С. 103—121.

Theorell T. Job characteristics in a theoretical and practical health context // *Theories of organizational stress* / Ed. by C.L. Cooper. N.Y., 2000. P. 205—220.

Для сайта

Поддяков А.Н. Образ мира и вопросы сознательности учения: современный контекст // *Вопр. психол.* 2003. № 2. С. 10—20. URL: <http://www.courier.com.ru/vp/vp0203poddyakov.htm>.

4. К статье прилагаются (отдельным файлом) название статьи на английском языке, резюме объемом не более 100 слов на русском и английском языках, ключевые слова (не более 2 строк) на русском и английском языках. Сведения об авторах статьи: 1. Фамилия, имя, отчество; 2. Ученая степень, ученое звание; 3. Место работы; 4. Должность; 5. Контактный телефон; 6. *E-mail*.

Для студентов, аспирантов и соискателей степени кандидата психологических наук обязательным является развернутый отзыв научного руководителя (присылается вместе со статьей).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

Редакция знакомится с письмами читателей, но в переписку не вступает.

Плата за публикацию рукописей не взимается.